ЛЕКАРСТВО от ЛЮБВИ

роман

Барбара Пим

Лекарство от любви
Барбара Пим

Барбара Пим. Лекарство от любви
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
21

Барбара Пим
Лекарство от любви

Роман

Перевод с английского Зинаиды Красневской

1

Существует множество способов того, как лечить разбитое сердце. Но, пожалуй, самый неожиданный — это отправиться на научную конференцию.

Когда Далси Манаринг наконец поняла, что жених отнюдь не торопится вести ее к венцу, в чем он через какое-то время признался и сам, промямлив нечто маловразумительное насчет того, что недостоин ее и что он один виноват в том, что все так вышло, то в ту минуту она почувствовала, что перед ней разверзлась пропасть. Вот так одномоментно можно стать самым несчастным человеком на свете. Потребовалось несколько месяцев, чтобы вывести себя из состояния глубочайшей депрессии, в которую ее повергло столь неожиданное признание человека, которого, как ей казалось, она даже любила.

Но надо же было как-то выводить себя из этого психологического ступора. А потому, получив приглашение на конференцию, Далси решила, что это именно то, что нужно женщине, которую недавно бросили. В конце концов, это отличная возможность познакомиться с новыми людьми

и немного отвлечься от собственных невеселых мыслей, наблюдая за жизнью со стороны. И не столь уж важно, что конференция намечена на выходные и продлится всего лишь два дня. Да и место выбрано совершенно неподходящее для такого мероприятия.

Ибо что может быть забавнее, чем толпа взрослых, причем скорее пожилых, чем молодых людей, без устали снующих по коридорам пансиона закрытой женской школы в Дербишире? А привело их в этот укромный уголок, где на лоне природы обучают будущих леди, всего лишь неуемное желание обсудить всякие скучные научные проблемы, которые абсолютно не волнуют все остальное человечество. Да и сами комнатки, в которые их поселили (к счастью, устроители не додумались разместить участников по дортуарам), так вот, и сами эти крохотные комнатки с двумя одинаково узкими железными кроватями показались ей страшно неподходящей средой для обитания сразу двух человек. По правде говоря, тут и одному развернуться-то негде.

Далси немедленно погрузилась в размышления о том, кого же ей все же подселят на эти два дня и три ночи. Ну, во-первых, это наверняка будет она, а не он! Ведь не додумаются же организаторы

конференции подселить к ней мужчину! А это даже интересно — пожить пару дней с незнакомой женщиной, мелькнуло у нее, и, заслышав шаги в коридоре, она мгновенно напряглась, лихорадочно соображая, что именно следует сказать, когда распахнется дверь. Однако шаги проследовали далее и замерли возле одной из соседних дверей. А что, если пойти и познакомиться с ближайшими соседями самой?

***

Конечно же, она совершила непростительную глупость. Виола Дейс поняла это сразу же, как только увидела каморку, в которую ее впихнули. И тут она с ужасом обнаружила, что будет в этой консервной банке не одна. Потому что прямо напротив стояла еще одна кровать, застланная точно таким же покрывалом с точно таким же вафельным рисунком. Итак, ей придется делить эту убогую комнатенку с кем-то еще! Сама мысль об этом показалась ей нестерпимой. Она осторожно приподняла покрывало и увидела, что соседняя кровать пока не заправлена: подушка без наволочки и два серых одеяла. А может быть, и пронесет, подумала она, и к ней никого не подселят. И тогда комната окажется всецело в

ее распоряжении. В противном случае придется промучиться целых три ночи. Она достала сигарету и закурила, высунувшись из окна. Внизу рдели пышные кусты георгин, яблони и груши сгибались под тяжестью наливающихся плодов. А дальше, за садом, протянулись сплошной полосой до самых гор бесконечные топи, поросшие вереском. Красиво, ничего не скажешь!

Кто-то тихо постучал в дверь. От неожиданности Виола вздрогнула и сказала почти резко.

— Входите!

Она отвернулась от окна и увидела на пороге высокую женщину, чуть за тридцать. Блондинка, приятное лицо. Женщина была одета в добротный костюм из твида, на ногах — обычные туфли на прямом ходу. Пожалуй, они смотрелись несколько громоздко на ее худых ногах.

Еще немного, мелькнуло у Виолы, и незнакомка рискует превратиться в типичную старую деву, скучную, некрасивую особу, как их обычно изображают в английских романах. Хорошенький контраст с ней самой! Виола словно взглянула на себя со стороны: бледное, даже немного изможденное лицо, рассыпавшиеся в беспорядке темные волосы, черное платье.

— Меня зовут Далси Манаринг, — представи-

лась незнакомка. — Я ваша соседка, вот решила зайти познакомиться, а заодно и пригласить на ужин. Не возражаете?

— С какой стати мне возражать? — довольно неприветливо отреагировала Виола. — Кстати, меня зовут Виола Дейс. А в чем здесь принято ходить на ужин? И вообще, чем тут народ занимается?

— Пока никто ничего толком не знает. Но думаю, что в первый раз можно появиться в том, в чем стоишь. Знаете, это как во время морского круиза на пароходе, который только-только вышел в открытое море. Обычно в первый вечер пассажиры не переодеваются к ужину, предпочитая неформальный стиль. Да и вообще у меня сложилось впечатление, что конференция подобного уровня здесь проводится впервые. И публика очень разношерстная: есть представители религиозных организаций, писатели, работники издательств. Впрочем, все мы в каком-то смысле писатели.

— Пожалуй, вы правы, — согласилась с ней Виола, извлекая из сумочки яркую губную помаду. После чего принялась сосредоточенно накрашивать губы, явно вознамерившись с самого же начала выделиться из общего круга остальных

участников, всех этих припорошенных академической пылью научных мужей и дам.

Далси с некоторым интересом наблюдала за процессом: густо напомаженные ярко коралловые губы смотрелись немного неестественно на бледном смуглом лице, но вместе с тем это сразу же бросалось в глаза. Отчего-то Далси почувствовала внутреннее неудовлетворение при мысли о том, что ее собственный макияж слишком уж примитивен и прост.

— Довольно странная идея собрать всех нас вместе, не так ли? — сказала она вслух. — Ведь кто мы есть, в конце концов? Скромные корректоры, редакторы, библиографы. Занимаемся подготовкой справочного аппарата, пишем комментарии и прочую докуку для всяких литературных и научных гениев, которым недосуг заниматься подобной чепухой самим.

«А ведь ей подобное самоуничижение даже доставляет удовольствие», — подумала Виола. Такое впечатление, что ее соседка устала от всего на свете.

— О, нет! Это не про меня! — быстро возразила она. — Я занимаюсь собственными исследованиями. А недавно вот начала писать роман. Я вообще приехала сюда только потому, что среди

прочих докладчиков здесь предполагается выступление…

Она вдруг спохватилась и замолчала. Прежняя тоска нахлынула на нее с новой силой. Ну зачем она потащилась в эту глухомань? Чего ради? Конечно же, она совершила просто непозволительную глупость. Да и почтенная мисс Манаринг мало что поймет из ее объяснений. Впрочем, она и не собирается изливать душу этой подсушенной вобле, которой вполне пристало возиться с рубрикаторами, аннотациями, карточками и прочим инструментарием справочного фонда.

— А я занимаюсь составлением картотек и каталогов, — почти весело проговорила Далси, вторя ее собственным мыслям. — Знаете, очень удобно. Потому что можно работать дома. Когда болела мама, это было для меня именно то, что надо. Но и после ее смерти я все никак не решусь перейти на полный рабочий день.

Внизу послышались звуки колокола, созывающего всех на трапезу. Его мелодично печальные раскаты еще более усугубили мрачное настроение Виолы, а последние слова Далси и вовсе настроили ее на похоронный лад.

— Пойдемте вниз! — подвела она черту под их разговором. — Кажется, нас уже приглашают.

Надо во что бы то ни стало, под любым благовидным предлогом, отвязаться от соседки сразу же после ужина, твердо решила Виола.

***

Элвин Форбс извлек из чемодана плоскую бутылку, наполненную до половины джином. Она благополучно проделала долгое путешествие из Лондона в эту глухую деревушку в Дербишире среди его пижам и рубашек. Он поставил бутылку на туалетный столик, но соседство с желудочными каплями, таблетками сухих дрожжей и тоником для волос показалось ему несколько странным. Поскольку в комнате не было ни комода, ни тумбочки, то, пожалуй, бутылке самое место в шифоньере. И, кстати, вполне традиционное, ведь спиртное испокон веков прячут среди белья и одежды. И он туда же. Позор!

Следующая по важности вещь в его багаже — это конспект лекции, с которой ему предстояло выступить на конференции — «Некоторые проблемы редактирования текстов». Бумаги он положил на стул возле кровати.

При более внимательном осмотре комнаты Элвин все же обнаружил небольшой навесной шкафчик над умывальником. Он явно пред-

назначался для лекарств и всяких туалетных мелочей, и бутылка перекочевала из шифоньера туда. Еще вопрос, честная ли здесь обслуга, мелькнуло у него, и услужливое воображение тут же нарисовало ему картину, как горничная утром прикладывается к его бутылке, а потом приступает к уборке комнаты. Но делать нечего, придется рискнуть, размышлял он, перекладывая в шкафчик таблетки и капли. После чего записки перекочевали со стула на туалетный столик, заняв место рядом с расческами и бритвенным прибором. Следом из чемодана был извлечен последний номер литературного журнала, редактором которого он являлся, а также большая фотография в кожаной рамке. Его жена Марджори. Он положил журнал на стул и тут же представил себе, как станет листать его, лежа в постели. Малосимпатичное, наверное, зрелище со стороны. А вот для фотографии места точно не было, и после некоторых колебаний Элвин снова сунул ее в чемодан, захлопнул крышку и задвинул чемодан под кровать. Да и с какой стати она должна красоваться на видном месте, особенно сейчас?

Он слегка приоткрыл дверь и выглянул в длинный коридор, пытаясь определить, где у них

тут туалеты. Он уже даже двинулся в одну сторону и сделал несколько неуверенных шагов, как вдруг увидел пожилую женщину в пенсне, облаченную в махровый халат, расписанный ярко красными цветами. Убранные под сеточку волосы, полотенце и банные принадлежности в руке не оставляли ни малейшего сомнения в ее намерениях. Женщина решительно двигалась в его сторону, явно давая ему понять, что в душевой она будет первой. Элвин мгновенно ретировался к себе и, захлопнув дверь своей комнатенки, с ужасом представил себе, каково это будет мыться в одном душе с дамами. Неужели организаторы начисто забыли о том, что разделение полов все еще существует? Дама прошествовала мимо его комнаты и остановилась возле соседней двери. Так это же мисс Фейт Рэндалл, перевел он вздох облегчения. Кстати, ее имя тоже значится среди докладчиков. «Проблемы индексации литературных первоисточников». Впрочем, насколько ему известно, на любой научной конференции все доклады начинаются с этого сакраментального слова: «Проблемы чего-то там».

Несколько приободрившись, он снова вышел в коридор, а, вернувшись спустя какое-то время к себе, с удовольствием плеснул немного джина

в стакан для зубных щеток, добавил туда воды из-под крана и выпил залпом, словно это было лекарство. Хотя, в какой-то степени, так оно и было. Пора на ужин. Элвин подумал, что устроители, скорее всего, разместят докладчиков за отдельным столом, не рискнув смешивать профессуру с рядовыми участниками. Интересно, с кем его посадят? А что, если с мисс Рэндалл? О чем он станет говорить с этой почтенной дамой в пенсне? И что я знаю об индексации текстов, мгновенно пришел он в ужас от такой перспективы. Если ему не изменяет память, ключевые слова в любой картотеке размещаются в алфавитном порядке: аборт, абордаж, адюльтер, что там еще? Кажется, он налил себе слишком много джина.

***

Интересно, кто этот симпатичный мужчина? — прошептала Далси, обращаясь к Виоле, пока они коротали время в фойе в ожидании последнего удара гонга.

— Симпатичный мужчина? — удивилась Виола. — Где?

Она как раз занималась тем, что изучала присутствующих, и пока — увы! — не обнаружила ни одного приятного лица. Впрочем, с каких это пор

на научных конференциях должна собираться красивая публика? Ну, разве что это конференция по проблемам современного кино, на которую в обязательном порядке приглашают пару-тройку звезд. Но стоило Далси задать вопрос, как Виола мгновенно поняла, о ком идет речь. И даже немного разозлилась на себя за то, что сама не догадалась и даже не почувствовала каким-то мистическим образом присутствие Элвина.

Она глянула в его сторону, увидела львиную гриву из золотистых кудрей, красиво вылепленный нос, карие глаза, так удачно гармонирующие со светлыми волосами.

— Ах, так это же Элвин Форбс!

— А! «Некоторые проблемы редактирования текстов», припоминаю. Но вид у него такой, будто главные его проблемы совсем не связаны с редактированием. Хотя с его-то внешностью удивляться не приходится. Красивый мужчина! А что конкретно он редактирует? Я как-то подзабыла. И вообще, он хоть понимает суть наших проблем?

Виола назвала журнал, в котором Форбс подвизался в качестве главного редактора.

— Когда-то мы с ним часто встречались, — добавила она. — Было время, когда мы…

Виола оборвала себя на полуслове и принялась сосредоточенно теребить серебристо-черную опушку своего палантина.

— Понятно! — проронила Далси, хотя на самом деле ничего ей не было понятно. И что могло связывать этих двоих? Кем они были? Любовниками? Коллегами по работе? Редактор и его помощница? Или, столкнувшись как-то раз с ней в библиотеке теплым весенним вечером, этот красавчик просто зажал ее среди картотечных шкафов в каком- нибудь пыльном углу справочно-информационного отдела? Сделать окончательный вывод на основе незаконченной реплики Виолы не представлялось возможным. Как же все эти роковые женщины любят напускать туман, когда дело доходит до их личной жизни. Порой это очень раздражает.

— Он женат? — упорно продолжила она свое дознание.

— Разумеется! — нетерпеливо воскликнула Виола. — В каком-то смысле.

Далси молча кивнула, давая понять, что информация принята к сведению. Странная концовка ответа. До сих пор ей казалось, что люди либо состоят в браке, либо нет. Но в каком-то смысле! Она увидела, что Элвин Форбс направляется в

их сторону.

— Привет, Ви! Вот уж не ожидал встретить тебя здесь! — проговорил он оживленным тоном. Пожалуй, радость показалась Далси немного нарочитой, словно специально рассчитанной на гостей конференции.

— Здравствуй, Элвин! — откликнулась Виола, всем своим существом противясь тому, что при их разговоре присутствует ее несколько чудаковатая соседка. И потом, она терпеть не могла, когда ее называют «Ви». Это лишний раз напоминало ей, что ее настоящее имя вовсе не Виола, а Вайолет. Конечно же, только отцу (кому же еще!), большому поклоннику поэзии Вордсворта, могло взбрести в голову назвать свою дочь «фиалкой». Как это там у него? «Фиалка нежная укрылась у камня, поросшего мхом». Ну, и какое отношение имеет вся эта поэтическая чушь к ней? А потому, когда ей исполнилась семнадцать, она решительно перешла на новое имя и стала называть себя Виолой. — Я видела твою фамилию среди докладчиков. Так что у нас еще будет повод встретиться.

— Да! Надеюсь, у нас получится просто поболтать о том о сем.

Но в этот момент раздался гонг, и оживленная

толпа устремилась в столовую. Процессию возглавил какой-то почтенный джентльмен с седой бородкой.

Столовая оказалась огромной комнатой, способной принять в несколько раз большее число людей, чем собравшиеся участники конференции, которые с легкостью уместились за двумя большими длинными столами. Несколько в стороне стоял еще один стол, поменьше, за который усадили организаторов конференции и докладчиков. Элвин, отпустив маловразумительную шутку об овцах и пастырях, с явным облегчением откланялся и заторопился к своему месту. Его соседями по столу оказались двое пожилых, безвредных на вид мужчин, в одном из которых он узнал известного специалиста по библиографии. То-то, станет вещать о триумфах и поражениях своей науки в деле составления судьбоносных комментариев.

Места Виолы и Далси оказались с самого края стола. Высокая, очень домашняя на вид женщина уже приступила к разливанию супа из большой супницы, стоявшей посреди стола. Казалось, это занятие доставляло ей истинное удовольствие. Она окунала черпак в приятно пахнущий бульон, от которого еще шел пар, с таким видом, словно

средневековая монахиня, потчующая бездомных нищих благотворительным обедом.

После первого подали второе: тонко нарезанное мясо с овощным гарниром.

— А чем вы конкретно занимаетесь? — продолжала упорствовать в своем любопытстве Далси. — Проставляете индексы на входящей литературе? Редактируете журнал? Или что?

— Я занималась собственными исследованиями, — после минутной паузы ответила Виола. — Работала над докторской диссертацией в Лондонском университете. Но из-за проблем со здоровьем пришлось оставить научную работу. Между прочим, кое-какие исследования я проводила и для Форбса.

— Наверное, с ним было приятно работать.

— О, да! И полезно! Он ведь отменный специалист в своем деле.

— И к тому же такой красавец! — вмешалась в их разговор дама, наливавшая им суп. — Думаю, это немаловажный фактор при совместной работе.

Далси исподтишка бросила взгляд на табличку с ее именем, приколотую большой брошкой-камеей, изображающей Леду и лебедя.

Джессика Фой, прочитала она. О, так это же

известная персона! Заведующая крупной научной библиотекой. Далси даже растерялась от столь неожиданного открытия, словно не в силах совместить высокий статус почтенной дамы с образом кухарки, разливающей суп.

— Да, доложу я вам! — продолжила, как ни в чем не бывало, Джессика. — Вести совместные исследования с красивым мужчиной — это невероятное везение. Можно сказать, подарок судьбы. И что вы там исследовали?

— Творчество одного малоизвестного поэта восемнадцатого века.

На сей раз Виола не стала тянуть с ответом.

— Вот как? Разве остались еще поэты, до которых пока не добрались дотошные американцы? Вам повезло! Знаете, в наши дни большой спрос на забытые имена. Особенно, среди поэтов. Их явно не хватает на всех исследователей.

— Тогда, может быть, наступит день, когда наши ученые обратят свои взоры и на простых смертных. Займутся изучением биографий тех, кто никогда не притязал на славу или успех, — задумчиво проронила Далси.

— Дай-то бог! — несколько экзальтированно воскликнула мисс Фой.

— Лично мне всегда нравилось узнавать что-то

новое о жизни людей, даже самых обычных, — продолжала Далси. — Это так интересно! И очень помогает скрашивать наши серые будни.

Виола посмотрела на соседку с несколько озадаченным видом. Странная женщина! Надо же! Не боится признаться вслух о том, что у нее серая жизнь, которая нуждается в раскрашивании.

— Ну, будни можно чем-то заполнить! Например, выйти замуж, — проговорила она неуверенным тоном, вдруг вспомнив худые ноги Далси в тяжелых башмаках.

— Пожалуй, вы правы! — охотно согласилась с ней Далси — Я, между прочим, была почти на грани замужества. Вот только не уверена, что супружеская жизнь сильно изменила бы мой характер.

— А все потому, что вы не из тех женщин, которые позволяют мужчинам лепить из себя, что им хочется, — назидательно заметила мисс Фой. — Кстати, я точно такая же! — добавила она с чувством глубокого удовлетворения.

Далси отвернулась, чтобы спрятать улыбку, которую вызвали у нее последние слова.

А вот у Виолы лицо стало раздраженным. Пожалуй, мелькнуло у Далси, ее соседка была бы только рада, если бы кто-то принялся из нее

что-то лепить. Впрочем, озвучить свои мысли вслух она не рискнула. В конце концов, есть вещи, о которых не принято спрашивать. А вот ее бывший жених Морис едва ли способен что-то вылепить из другого человека. Слабак! Квелое, изнеженное создание! Наконец-то она может признаться себе в этом. И к тому же, на целых три года младше ее.

После ужина всех пригласили в конференц-зал, где участникам конференции огласили распорядок пленарных заседаний. Так, на сегодня не планируется никаких лекций и дискуссий. Зато предполагается чисто светская вечеринка, на которой народ может перезнакомиться друг с другом поближе. Будет кофе.

Виола, никогда не отличавшаяся особой общительностью, выслушала сообщение с холодным безразличием. Если бы не возможность перекинуться парой слов с Элвином Форбсом, она бы отправилась в постель с книжкой в руках. Впрочем, перспектива торчать весь вечер в тесной комнатенке тоже показалась ей безрадостной, а потому она присоединилась к остальным участникам, заполнившим гостиную, в которую уже волнами наплывали ароматы кофе, и доносилось постукивание чайных ложечек.

— Кофе — это замечательно! — мечтательно проговорила Далси.

И Виола с раздражением подумала, что ее соседка принадлежит к той ненавистной ей категории женщин, у которых все и всегда «замечательно». В том числе и безвкусный суррогатный кофе, который им сейчас предстоит вкушать посреди толпы незнакомых людей. Лично она терпеть не могла таких «добреньких», как она уже мысленно окрестила Далси. Вечно они суют нос в чужие дела, пытаясь помочь всем и вся даже тогда, когда их об этом никто не просит. Надо как можно быстрее отвязаться от нее. У Виолы даже мелькнула мысль поменять комнату. Впрочем, стоит ли затевать переезд всего лишь из-за пары дней? Да к тому же, она не знает, к кому обращаться с подобной просьбой.

В одном конце гостиной широкие стеклянные двери вели в зимний сад. Виола твердо решила, что пока они будут ждать своей очереди за получением кофе, она постарается незаметно ускользнуть от Далси и спрятаться в оранжерее или где-нибудь еще.

Оказалось, что это действительно оранжерея с множеством раскидистых пальм в горшках и стенами, густо завитыми виноградной лозой,

зеленая крона которой свешивалась с потолка. Виола с некоторым облегчением уселась в кресло и стала рассматривать сочную листву у себя над головой, среди которой чернели тяжелые грозди поспевающего винограда. Как хорошо, что ей хоть на минуту удалось избавиться от всех этих надоедливых людей! И зачем она только сюда приехала! Она прикрыла глаза, всем своим видом давая понять, что хочет, чтобы ее оставили в покое. Однако из полуопущенных век она успела заметить, как Элвин Форбс подошел к двери, посмотрел через стекло и тут же поспешно ретировался прочь, заметив ее в кресле. Вместо того чтобы зайти в оранжерею и перекинуться с ней той самой парой слов, на которые она так надеялась, он затеял оживленный разговор с мисс Фой и ее соседкой. Они говорили достаточно громко, и ей было слышно, что они обсуждают избитую тему о том, как тесен мир, особенно, если речь идет о мире академической науки, где все всех знают.

— О, вы только взгляните! — воскликнула Далси, указывая рукой в сторону оранжереи. — Как красиво! Такой восхитительный виноград! Вы не возражаете, если мы нарушим ваше уединение? — обратилась она к Виоле.

— Ради бога! — сухо ответила та. — Насколько я понимаю, оранжерея открыта для всех.

Потолкавшись еще какое-то время среди остальных участников и гостей конференции, Виола и Далси поднялись наверх и разошлись по своим комнатам.

Перед сном Далси почему-то стала вспоминать свой дом. Большой дом в пригороде Лондона, доставшийся ей от родителей. Когда-то в этом доме жила вся их семья: отец, мать, они с сестрой. Но сейчас родителей уже нет в живых, а сестра вышла замуж и переехала в другой город. Далси представила себе вид, открывающийся из окна ее спальни: груша, сплошь покрытая спеющими плодами. Красиво, будто на полотнах прерафаэлитов. То же совершенство красок и линий. Вообще, сентябрь — это ее любимый месяц. В саду обильно цветут георгины, циннии, самые разноцветные бархатцы. И работы полно! Нужно срочно разбираться с поспевающими яблоками и грушами, консервировать сливы, готовить из них настойки. А еще что-то делать с паданцами, которые посбивал ветер, хотя бы рассортировать их для начала, выбросив вон гнилушки. Год выдался урожайным, а потому работы — тьма. Да и огромный дом, который временами казался

ей почти бесхозным, тоже отнимал много сил. Как хорошо, что скоро к ней приедет племянница. Старшая дочь сестры поступила на какие-то секретарские курсы в Лондоне. Ну, а жить, разумеется, будет у нее. Далси уже даже решила для себя, в какой комнате поселить девочку и как обставить само помещение. Потом мысли ее плавно перекочевали на ее излюбленную тему, и она стала размышлять о том, сколько в мире бездомных и одиноких людей. И вообще, сколько вокруг горя и нищеты. Кажется, незаметно для самой себя она задремала. Потому что внезапно прохватилась от легкого постукивания в дверь.

— Кто там? — проговорила она спросонья, скорее удивившись, чем испугавшись.

В дверях показалась женская фигура, очень похожая на леди Макбет. Темные волосы рассыпаны по плечам, длинный халат из серебристого атласа, тускло отсвечивающий в темноте. Это была Виола.

— Извините, что разбудила вас, — сказала она виноватым голосом. — Но никак не могу заснуть на новом месте. А тут еще на свое горе забыла дома таблетки. В последнее время я никуда без них не выправляюсь. И вот теперь ума не приложу, что мне… — голос ее сорвался. Женщина была

явно на грани слез.

— У меня есть «Ренин», — мгновенно подхватилась с кровати Далси.

— Ах, у меня нет проблем с пищеварением! — рассердилась Виола на тупость соседки. Надо же! Вообразить, что она мучается без сна, потому что объелась за ужином.

— А я, когда у меня бессонница, начинаю читать какой-нибудь скучный роман. Это так убаюкивает, поверьте мне! Засыпаешь моментально. Вы чем-то расстроены, да? — участливо поинтересовалась Далси. — Наверное, из-за Форбса?

— Да, — неожиданно для себя призналась Виола, присаживаясь на край кровати.

— Вы влюблены в него? — довольно бесцеремонно задала свой следующий вопрос Далси. Впрочем, о каких церемониях можно вести речь, когда тебя в буквальном смысле этого слова растолкали посреди ночи?

— Сама не знаю, — честно призналась ей Виола. — От него недавно ушла жена. Вот я и решила, что после всего, что у нас… Словом, что он обратит, наконец, на меня внимание.

— В поисках утешения, что ли?

— Ну, да! Мы ведь вместе работали и были большими друзьями. Вот я и решила…

— Наверное, он посчитал, что прошло еще слишком мало времени после разрыва с женой, чтобы начинать новую романтическую историю.

— Ах, причем здесь это? Я могла бы просто утешить его по-дружески, и ничего больше!

— О да! Женщины, как правило, обожают утешать, не требуя ничего взамен.

— Мне хотелось помочь именно ему, и никому больше. Ради него я готова расшибиться в лепешку.

Далси хотелось спросить о причинах разрыва Форбса с женой, но посчитала подобное любопытство бестактным. Однако у нее возникла странная уверенность, что во всей этой истории он является скорее стороной потерпевшей.

— Наверное, ваш приятель все еще переживает по поводу семейного разлада, — предположила она вслух.

— Да, но это не помешало ему приехать на конференцию.

— Просто для того, чтобы сменить обстановку. Иногда это помогает.

— Да, но он меня избегает. Страшно растерялся, когда мы столкнулись с ним в холле перед ужином, вы же видели. По-моему, ему было даже

неловко. Вам так не кажется?

— Знаете, там толкалось столько народу. И всем, скорее всего, было неловко.

— Но и потом, после ужина, когда я сидела в оранжерее. Ведь он же увидел меня через стекло, я точно знаю, но сделал вид, что не заметил.

— А может, он боится сквозняков, потому и не пошел в оранжерею. Или не хотел вас беспокоить. Ложитесь спать! Утро вечера мудренее. Вот увидите, завтра все образуется! — с трудом сдерживая зевок, проговорила Далси. Ей отчаянно хотелось спать. Она чувствовала, что поступает по-свински, выпроваживая соседку. Но ведь ночь на дворе!

Ей бы сейчас стакан горячего молока не помешал, подумала она рассеянно. Удивительно, сколько серьезных проблем можно легко решить с помощью горячего молока, мелькнула у нее последняя мысль, и она отключилась, мгновенно погрузившись в сон.

2

Утром Далси прохватилась от громкого топота десятков ног по коридору. Что это? Пожар? И куда бегут все эти люди? В бомбоубежище? Но тут она окончательно проснулась и поняла, что участники конференции воодушевлены перспективой получения своей чашечки утреннего чая. Вот так! Оказывается, всем этим ученым мужам и дамам, постоянно занятым решением всяких сложных научных проблем, не чужды и обычные человеческие слабости. Далси встала с кровати, накинула на себя халат, расчесала волосы. Пожалуй, надо будет прихватить чашечку и для Виолы. Соседка, скорее всего, спит беспробудным сном после бессонной ночи.

Элвин Форбс, лежа на кровати, прислушивался к веселому позвякиванию чайной посуды на коридоре. Наверное, ему, как одному из докладчиков, подадут чай прямо в комнату. Он даже представил себе аккуратную горничную в наколке и накрахмаленном фартучке. Но вместо нее на пороге появилась мисс Рэндалл в своем неизменном пенсне и уже знакомом ему цветастом халате. В руке она держала чашечку с блюдцем.

— Ох, уж эти мужчины! — шутливо попеняла она своему соседу. — Валяются в постели до последнего, ждут, пока их обслужат женщины!

Пожалуй, ее шутливость была несколько наигранной. Вполне возможно, она даже смутилась, увидев, что Элвин все еще в пижаме и лежит в кровати.

— Сахар я не стала класть в чай. Не знаю, как вы больше любите. Положила на блюдце, — проговорила она, ставя чай на туалетный столик подле кровати, и, тяжело ступая на цыпочках, направилась к двери.

— Большое спасибо! — крикнул ей уже в спину Элвин. — А я не знал, что мы должны сами…

Но женщина уже закрыла за собой дверь, и Элвину стало неловко оттого, что вот его обслужила пожилая дама, а сам он разлегся на постели, как барон.

Он приподнялся на локоть, придвинул к себе чашку, не стал класть в нее два кусочка сахара, лежавшие на блюдце, и сделал первый глоток. Чай оказался на удивление крепким и горьковатым на вкус. Как и наша жизнь, подумал он меланхолично. Вернее, так могут говорить о своей жизни женщины. Его бывшая жена Марджори, к примеру, или Виола Дейс, сидевшая вчера с от-

решенным видом в плетеном кресле под кадкой с пальмой. Она даже глаза закрыла, чтобы никого не видеть. Да уж! Какое отношение имеет тема его доклада «Некоторые проблемы редактирования текстов» к жизни всех этих женщин? Нужно будет обязательно перекинуться парой слов с Виолой. Не сейчас, за завтраком, а позднее. Быть может, перед обедом. Тогда и людей вокруг будет поменьше. Все разбредутся гулять по саду, вот и можно будет спокойно побеседовать.

***

Атмосфера за завтраком была достаточно скованной. Ощущение того, что ты чужой в этой толпе и все вокруг чужие, особенно острым бывает именно с утра, когда люди еще не успели толком проснуться и включиться в общий ритм. Разговор за столом обрывался, не успев завязаться. А отсутствие воскресных газет самым пагубным образом сказывалось на скудности тем для обсуждения. Даже мисс Фой, раскладывая по тарелкам овсянку с сосисками, была на редкость немногословна.

Виола так и не появилась за завтраком, хотя когда Далси принесла ей чай, соседка уже проснулась и даже собиралась вставать. Она увидела ее,

когда возвращалась к себе после завтрака. Виола выходила из ванной в своем атласном халате бледно-сиреневого цвета и в купальной шапочке в тон халату.

— Кажется, на завтрак вы уже опоздали, — сказала ей Далси.

— На завтрак? Какой завтрак? — проговорила Виола таким голосом, словно впервые слышит это слово. — Терпеть не могу никаких завтраков! Я никогда не ем по утрам. Чашечка чая — вот все, что мне нужно.

— А нас угощали кашей с сосисками!

Собственный голос показался Далси чересчур сытым.

Виола передернула плечиками, всем своим видом демонстрируя, что даже само слово «сосиски» вызывает у нее лишь омерзение.

— Тем более! Сосиски я вообще терпеть не могу! Что у нас с утра по расписанию?

— Вначале с лекцией выступит Элвин Форбс, — проговорила Далси скороговоркой, вспомнив те душевные муки, которые испытала ее соседка минувшей ночью из-за этого человека, — а затем, — голосок ее зазвенел почти жизнерадостно, — запланирована небольшая служба в местной часовне… для всех желающих.

— Понятно! — рассеянным тоном обронила Виола.

— Тогда до встречи на лекции. Мне еще нужно убраться в комнате.

— До скорого! — ответила Виола, проскальзывая в свою комнату. Ее немного озадачило то, что Далси не предложила зарезервировать место и для нее.

А Далси, перетряхивая матрас и расправляя простынь, размышляла о том, что лично она не имеет ничего против того, чтобы выслушать откровения незнакомого человека по проблемам редактирования текста. Даже несмотря на то, что он собирается рассуждать об этом в такое прекрасное воскресное утро. Да, интересно, что может поведать своим слушателям о редактировании книг мужчина, которого так любят. Или любили когда-то. Впрочем, что ей известно о той близости, которая может возникнуть между двумя учеными, работающими над исследованием одной проблемы? Вполне возможно, у этих двоих была сугубо духовная связь. Так сказать, общность интересов, и ничего более. А что было у нее с Морисом? Да ничего! А уж об общности интересов или духовной связи и говорить не приходится. «Эта твоя работа!» — вспомнила она

саркастический тон, которым он комментировал ее вечную занятость, и ей почему-то стало больно.

Лекция должна была пройти не в лекционном зале, а в гостиной. Удобные мягкие стулья, огромный рояль в углу — все настраивало на атмосферу дружеской дискуссии. Собравшиеся курили, причем женщины дымили гораздо энергичнее своих собратьев по науке, и вскоре по комнате поплыли темно-сизые клубы табачного дыма.

Бедняжки, думал Форбс, бегло просматривая свои записки перед началом выступления. Наверняка большинство из них не замужем, вот и пытаются хоть как-то заполнить пустоту своего существования. Однако напрасно устроители разрешили курить во время лекций. Здесь и без того очень душно.

Элвин показался Виоле еще бледнее, чем накануне. Хотя, с другой стороны, вряд ли она смогла бы влюбиться в краснощекого здоровяка. «А разрыв с Марджори на него сильно подействовал, — мелькнуло у нее при беглом взгляде на докладчика. — Уязвленная гордость, задетое самолюбие и все такое. Что ж, самая пора заняться обустройством жизни по новой. Негоже мужчине быть одному. Да, но еще вопрос, один ли он! Мож-

но подумать, что ты в курсе всех его сердечных дел, дорогуша».

Мисс Фой, сидевшая неподалеку, в это время размышляла о том, что, конечно, Элвин Форбс — прекрасный специалист, и журнал, который он издает, выше всяких похвал, но! Разве он понимает весь тот груз проблем редакторской работы так, как понимает и разбирается в них она? Впрочем, она всегда с интересом слушала своих коллег по профессиональному цеху. И выступления Форбса она уже не раз слышала. Его сегодняшняя лекция, хотя, безусловно, и интересная, все же не так впечатляюща, как его былые выступления. Она извлекла очередную сигарету из пачки и раскурила ее от предыдущей. Хоть бы кофе дали после лекции, подумала она с надеждой. Ни на какую службу она, разумеется, не пойдет. Прогулка по окрестностям с лихвой заменит ей молитву, которую она вознесет господу, созерцая сельские пейзажи. Да и потом, кто знает, есть ли он, этот бог, на самом деле?

«Да, все эти высоколобые ученые смотрят на нас, библиографов, как на каких-то недоучек, людей второго сорта», — думала в это время Далси с легким раздражением, слабо улыбнувшись озвученной оратором старой шутке. А между тем

именно правильно проставленный индекс делает книгу книгой, не позволяя ей затеряться в безбрежном море информации. И всякие любовные переживания не имеют к этому ровным счетом никакого отношения. Что-то он сегодня очень бледен, мелькнуло у нее. Но все равно хорош! Такие красавчики всегда нравятся женщинам.

Надо бы попросить открыть окно, подумал Элвин и мгновенно потерял нить своих рассуждений. Хотя он и не читал лекцию по конспекту, но тут растерялся и стал беспокойно перекладывать листочки с одного места на другое, лихорадочно пытаясь вспомнить, о чем именно он собирался сейчас порассуждать. Душно! Здесь очень душно. Неожиданно для самого себя он принялся пристально изучать аудиторию. Он перехватил удивленный взгляд, которым смотрела на него Виола Дейс. Нет, пожалуй, в ее взгляде было не столько удивление, сколько замешательство. Внезапно сигарета мисс Фой приблизилась к нему близкоблизко и пахнула дымом прямо в лицо, в глазах у него потемнело, и все погрузилось во мрак. Откуда-то издалека он услышал женский голос, довольно приятный.

— Кто-нибудь! Ну, помогите же! Ему плохо!

Первым оказался председательствующий. Он

подхватил Элвина за плечи, не дав ему осунуться на пол, и осторожно усадил на стул.

— Бренди! — громогласно завопила мисс Фой, с надеждой оглядев присутствующих. Напрасно! Публика, съехавшаяся на научную конференцию, привыкла обходиться без столь крепких горячительных напитков.

— Есть вода, — робко предложил председательствующий.

— У меня есть нюхательная соль. Сейчас принесу, — сказала Далси. — И, пожалуйста, откройте окно.

Надо же! Везти с собой в такую даль нюхательную соль, презрительно подумала Виола, искренне переживая, что сама она ничем не может помочь Элвину.

Он открыл глаза и спросил слабым голосом.

— Что со мной?

— Ничего страшного! — бросился успокаивать его председатель. — Вы рассказывали нам о проблемах редактирования текста, а потом у вас, видно, закружилась голова, и вам стало плохо.

— Да! — с готовностью согласился с ним Форбс.

А он и в самом деле настоящий красавец, вдруг подумала Далси. Словно древнегреческий бог, изваянный из мрамора.

— Я недавно переболел гриппом. Наверное, он дал осложнения, — стал оправдываться Элвин. — Глупо все получилось! Прошу простить меня!

— Вам не в чем себя винить! — сказала, как отрезала, Далси голосом строгой медсестры. — Здесь действительно очень душно. На вашем месте я бы немедленно отправилась к себе в комнату и прилегла.

— Да! — он бросил на нее благодарный взгляд. — Пожалуй, я так и сделаю.

К счастью, он уже почти закончил лекцию, оставалось лишь сделать выводы и ответить на вопросы. Но, разумеется, в сложившихся обстоятельствах никто не ждет от него, что он станет отвечать на их вопросы.

— Ах, какая жалость! — воскликнула мисс Фой у него за спиной. — А я так хотела его спросить… Ну, ладно! Еще успеется. Потом, когда ему станет лучше.

Председательствующий несколько растерянно оглядел собравшихся, словно решая, нужно ли какое-то формальное завершение мероприятия, но, поняв, что никто не ждет от него официального объявления о том, что можно расходиться, поспешил сойти с трибуны.

— Через полчаса начинается служба в ча-

совне! — напомнил он всем, бросая взгляд на часы. Но никто не отреагировал на его приглашение. Большинство женщин сгрудились вокруг Элвина и спешили наперебой поделиться с ним своими секретами быстрого приведения себя в чувства. Крепкий сладкий чай, хороший отдых, сон в темной комнате, прогулка быстрым шагом на свежем воздухе — сыпались рекомендации со всех сторон.

На службу Далси и Виола отправились вместе. По дороге женщины ни словом не обмолвились об инциденте с Элвином Форбсом. Они молча вошли в часовню, наполненную зеленоватым светом, льющимся через узорчатые окна, густо завешенные листвой рододендронов и плюща, обвившего все стены храма. Какая-то моложавая дама уже восседала с самым решительным видом возле фисгармонии, нажимая изо всех сил на педали.

Потом к ним обратились с короткой проповедью. Проповедник, явно не из церковных служителей, постарался очень ловко вплести тему их профессиональных занятий, объединив ее со служением Всевышнему. Дескать, составление библиографических справок, корректура и редактирование текстов, индексирование новых

поступлений — все это тоже важно и нужно, особенно, если делается во славу Творца. К тому же, занимаясь таким богоугодным делом, все они имеют меньше возможностей для того, чтобы творить зло, в отличие от всех этих писак, режиссеров и прочих деятелей искусства, заполонивших все вокруг своими мерзкими романами, пьесами, фильмами и всякими прочими постановками и инсценировками.

Да, но и удовлетворения мы получаем меньше, подумала Далси. Даже когда шаруешь полы в собственном доме или копаешься в саду, удовольствия испытываешь несравненно больше. Да и единение с Богом в такие минуты гораздо теснее, чем тогда, когда проставляешь индексы на новых книгах. Она снова унеслась мыслями к себе домой, стала прикидывать, что и как она сделает в первую очередь по возвращении. И зачем она только поехала на эту конференцию, вдруг подумала она с удивлением. Ведь дома полно работы. Зачем ее понесло в такую даль?

В конце службы проповедник вознес общую молитву за здравие всех присутствующих, вскользь обронив, что особенно молится за здравие того, кого сегодня настигла болезнь. Он не назвал имени Элвина, но Далси моментально представила

себе утонченное бледное лицо Форбса. Как он был красив, когда она склонилась над ним там, в гостиной, а он смотрел на нее широко раскрытыми глазами, в которых плескалось смятение и страх. Ну, вот один несомненный плюс от поездки уже есть. Потом еще знакомство с Виолой, которая, несмотря на все свои выбрыки, все же весьма интересная особа. С ней можно даже подружиться.

Перед ленчем она увидела Виолу и Элвина — они стояли вместе возле виноградной теплицы и о чем-то беседовали. А что мешает ей встретиться с ними в Лондоне? И не случайно, а с умыслом. То есть пригласить их к себе на воскресный обед. Далси почти машинально принялась перебирать в уме, кого еще можно пригласить к столу, и какое она спланирует меню.

Элвин приподнял свой бокал и отпил пару глотков темно-красного вина. Такое ощущение, что его только что изготовили из тех тяжелых гроздьев, которые свешиваются над их головами. «Да, чтобы получить наслаждение от такого вина, его надо пить где-нибудь на Средиземном море, любуясь красотами тамошней природы», — подумал он. Но уж точно не в Дербишире.

— Лично я люблю вечера, — задумчиво проговорила Виола. — И разговоры тогда текут

неспешнее, чем днем.

3

Далси жила в красивом месте. Это было уже предместье, но район был крайне востребованным или, выражаясь языком агентов по недвижимости, «весьма желательным», потому что, говоря опять же их словами, «он спасает от перенаселения Кенсингтон». А что касается всяких там шикарных супермаркетов типа «Харродз» и прочих, то, по меткому замечанию ее соседки миссис Белтон, «для того чтобы что-то продать, эти люди доберутся куда угодно».

Далси работала в основном дома. Так повелось еще с тех пор, когда заболела мама, и нужен был постоянный уход за ней. Но и после ее смерти Далси не спешила возвращаться к прежней рутинной работе целыми днями в каком-нибудь издательстве. Она имела репутацию отменного корректора и опытного библиографа, который в случае необходимости сам может провести небольшое исследование по заданной теме, покопавшись в справочном фонде Британского музея или в библиотеках различных научных обществ.

На следующий день после возвращения с конференции она по своему обыкновению немного

поработала над очередным библиографическим справочником, потом перестирала кое-какие мелочи и решила накрыть себе стол для ленча в саду. Тем более что солнечное сентябрьское утро обещало не менее погожий день.

Скоро должна была подойти женщина, помогавшая ей с уборкой по дому, и Далси уже приготовилась слушать ее бесконечные разговоры обо всем на свете.

Мисс Лорд, высокая, сухопарая, седовласая, до недавнего времени трудилась продавщицей галантерейных товаров в одном из больших универмагов Кенсингтона, но со временем однообразная и довольно утомительная работа ей наскучила, и она с радостью оставила место продавщицы для того, чтобы превратиться в обычную приходящую прислугу. У нее сразу же обнаружился настоящий талант по части уборки помещений. Да к тому же в наше время, как она сама не раз декларировала, все люди равны, и никакой, даже самый непрестижный труд нынче не считается зазорным. От прежней профессии мисс Лорд сохранила лишь страсть ко всяким красивым безделушкам, которая постоянно и очень умело подогревалась обильной телевизионной рекламой, пропагандировавшей изысканную

роскошь и умение наслаждаться жизнью. К мужчинам мисс Лорд была абсолютно равнодушна. Ее отпугивала их грубость и полное отсутствие какого бы то ни было изящества. Исключение составляли представители духовенства, да и то только в том случае, если они не курили трубки. Сама же она предпочитала сигареты с фильтром под чашечку хорошего чая или кофе.

— Решила вот устроить себе ленч в саду, — встретила ее Далси, ставя на огонь турку с кофе.

— Да, в саду сейчас очень красиво, — согласилась с ней домработница. — Вы срежете цветы, чтобы я расставила их по вазам?

— Чуть позже. А сейчас мне надо разобраться со сливами.

— Ох, уж эти хлопоты с переработкой урожая! — тактично вздохнула мисс Лорд. — Дары земли… Кстати, скоро праздник урожая. Вы, наверное, собираетесь отправить какую-то часть фруктов в церковь?

Этот вопрос в неизменном виде задавался каждую осень, и ответ на него тоже оставался неизменным.

— Пожалуйста, сделайте это вместо меня. Все что угодно, и в любом количестве. Сливы, яблоки и, разумеется, цветы.

— Ах, как это любезно с вашей стороны, мисс Манаринг. Конечно же, далеко не каждый из нас имеет собственный сад. Лично я собираюсь испечь к этому дню пирог. Хотя страшно не люблю возиться с дрожжевым тестом. Мороки много. И никогда не знаешь наверняка, что получится в итоге. Кстати, пару лет тому назад в нашей церкви сделали к празднику такой шикарный пирог. Красоты необыкновенной. Но потом оказалось, что он не настоящий, — мисс Лорд понизила голос до шепота. — Его сделали из пластика, представляете? Но ведь это же неправильно! Разве такой пирог можно отправить в больницу или в приют?

— Да уж! Ваш рассказ напомнил мне старую притчу о слепом нищем, который просил хлеба, а ему подали камень.

— Вы правы! Только вместо камня у нас был пластик. Вот такой в нашей церкви новый викарий. Но на пластике его нововведения не закончились: он велел, чтобы все прихожане обращались к нему не иначе, как «отец». А мы пожаловались епископу на такое самоуправство. Вот! И кто посмеет укорить нас за это?

— Согласна! Не всякое новое лучше старого. Кстати, у меня тоже ожидаются в скором времени

перемены. Ко мне приезжает племянница, она будет жить вместе со мной.

— Старшая дочь вашей сестры? Вы уже как-то раз говорили мне об этом, мисс Манаринг. И где вы ее собираетесь разместить?

— Думаю, в большой спальне.

— В комнате покойной миссис Манаринг? — опешила домработница.

— Да. Мне хочется, чтобы эта комната снова приобрела жилой вид. Следующий раз мы с вами подумаем, что и как там переставить. Кровать надо убрать, а туда поставить один из диванов, что стоит в гостиной. Наверное, девочке нужен будет еще и книжный шкаф.

— Ох, уж эти книжки! — с осуждением в голосе прокомментировала мисс Лорд последнюю реплику Далси. — Когда-то в молодости я тоже баловалась чтением, но сейчас у меня нет времени на подобные глупости.

— А я вот в свое время окончила университет именно по отделению английской литературы, — скорее про себя проронила Далси.

— Ну, и что вам это дало, мисс Манаринг? — насмешливо поинтересовалась у нее служанка.

— Трудно сказать. Образование — это такая вещь… Оно самоценно само по себе. К тому же,

английская литература — это так увлекательно и интересно.

— Наверное-наверное, — с сомнением в голосе отозвалась мисс Лорд.

— И потом, всегда можно устроиться на преподавательскую работу. Или найти другую интересную работу.

— Как у вас, да? Все возитесь со своими карточками и листочками. Вон валяются по всему полу!

Мисс Лорд добродушно рассмеялась, но в ее смехе Далси уловила легкую издевку. Она почувствовала себя униженной и молча начала перебирать сливы.

— Вот из этих, которые совсем уже перезрели, я сварю повидло, — проговорила она примирительным тоном. — Поставлю прямо сейчас.

Занятая сортировкой ягод, Далси предалась мыслям о том, как именно она обставит комнату к приезду племянницы. В первую очередь надо немедленно поменять портьеры. Старые из голубого бархата уже изрядно выцвели, да и вид у них обветшалый. Хотя, с другой стороны, в зимнее время они хорошо защищают от сквозняков. Но вряд ли юной девочке понравится это старье. Ей захочется видеть на окнах что-нибудь

веселенькое, и современной расцветки. Как-то у нее сложатся отношения с племянницей? Ведь она приходится девочке тетей, а потому несет за нее ответственность. Шарлота уже давно живет с мужем в Дорсете. Ее муж Робин руководит тамошней гимназией, а по совместительству еще и курирует работу местного музея. У них трое детей, и Лорел — старшая из них. В этом году она окончила школу и вот готовится выпорхнуть в самостоятельную жизнь. Далси представила себе, каково это быть юной, полной тяги к новым впечатлениям и встречам. И каково придется ей самой? Как она станет мучиться ночами без сна в ожидании, когда племянница вернется домой с очередной вечеринки.

Далси глянула в окно и увидела сквозь редкий частокол забора и деревья в дальнем конце сада миссис Белтон. Соседка, облаченная в цветастое летнее платье, восседала на таком же ярком полотняном кресле, наверняка приобретенном ею в «Харродз», и внимательно следила за тем, как специальные насадки-распрыскиватели, подсоединенные к шлангу, орошают газон на лужайке перед домом. Миссис Белтон, элегантной даме с слегка подсиненными седыми кудрями, всегда в форме, всегда с ровной спиной и красивой

походкой, было около шестидесяти. Всем своим видом дама настойчиво демонстрировала окружающим, что знавала и лучшие времена в своей прошлой жизни. И не переставала повторять, что раньше она ни за что бы не пошла на то, чтобы сдавать верхний этаж своего дома. И там сейчас в качестве квартиранта обитает бразильский дипломат, респектабельный джентльмен и все такое, но все же чужой человек в доме.

Синьор Макбрайд-Перейра, как и большинство жителей Бразилии, он имел смешанное происхождение и в самом деле был очень милым джентльменом лет пятидесяти. Дородный, с мягкими карими глазами и приятной улыбкой, не сходившей с его лица, он безукоризненно владел английским, и вообще жил в полном соответствии с английскими традициями и обычаями.

— Быть иностранцем в чужой стране, — любил повторять он, — всегда очень трудно. Особенно, если ты — американец. Ну, а уж выходец из Латинской Америки — это вообще самое последнее дело!

Сейчас он сидел подле миссис Белтон, забавляясь с ее серым пуделем по кличке Феликс. Он что-то рассказывал хозяйке своим хорошо поставленным, певучим голосом, но что именно,

Далси не могла расслышать.

До нее лишь долетал мелодичный серебристый смех, которым миссис Белтон сопровождала отдельные реплики дипломата. Несмотря на ее вечные жалобы на то, что вот, дескать, пришлось на старости лет пустить к себе в дом жильца, ей явно нравилось общество мистера Перейра. К тому же, она могла наслаждаться им безо всякого ущерба для своей репутации, ибо вместе с ней жили ее дети — сын Поль и дочь Моника.

Далси вышла на улицу и направилась в сторону забора с большим блюдом слив. Решив не мешать соседским разговорам, она сделала вид, что просто прогуливается по саду, любуясь осенними цветами. Если они заметят ее и окликнут, вот тогда она подойдет к ним поближе и угостит сливами.

— Ах, мисс Манаринг! — мгновенно разглядела ее миссис Белтон. — Какие у вас дивные георгины! Чудо, как хороши!

— Не хотите слив? — тут же предложила Далси и приподняла блюдо повыше. — Угощайтесь!

— Сливы? — немного озадаченно переспросила ее миссис Белтон, словно ей предлагали какой-то невиданный экзотический фрукт. — Как мило! Разве можно отказаться от слив?

Она быстро подхватилась с кресла и посеменила к изгороди своей красивой, по-старомодному грациозной походкой.

— Ах, какая прелесть! — снова повторила она, забирая у Далси блюдо из обычного стекла. — Они будут так красиво смотреться на моих десертных тарелках из рокингемского фарфора. Ну, как прошла ваша конференция?

— Было очень интересно! — оживленно воскликнула Далси и сама удивилась. Что же там было такого интересного? — Когда вместе собирается столько специалистов, то у них всегда найдется что обсудить, — поспешила она с пояснениями, чувствуя, что они получились несколько суховатыми и не очень убедительными.

— С кем-нибудь познакомились? — с надеждой в голосе задала свой следующий вопрос соседка.

— Да. Там было много хороших специалистов и просто приятных людей.

Интересно, как эти два качества уживаются вместе, мелькнуло у нее, и она продолжила уже с меньшим воодушевлением.

— Вот, к примеру, Элвин Форбс! — ей доставило удовольствие произнести его имя вслух. — Серьезный ученый, хорошо известен в кругах специалистов. И собеседник интересный, — то-

ропливо добавила она, заметив, как по лицу миссис Белтон разливается скука. — А еще я познакомилась там с красивой молодой женщиной по имени Виола Дейс.

— Понятно! У вашей новой знакомой довольно странная фамилия. Вы не находите, синьор Макбрайд-Перейра, что в ней есть что-то рыбье? Дейс, Дейс… Это же какая-то мелкая рыбешка, типа плотвы. Но тоже из породы карповых, если мне не изменяет память.

— Не буду спорить! — широко улыбнулся дипломат. — У меня на родине ее точно не употребляют в пищу. Вполне возможно, английским католикам ее позволительно есть, — предположил он с сомнением в голосе.

Далси почувствовала, как медленно погружается в ватную атмосферу некой ирреальности, как это случалось всякий раз, когда она начинала о чем-то говорить с собственными соседями. Впрочем, она не переставала восхищаться их умением полностью отключаться от проблем сиюминутной жизни с ее каждодневными заботами и хлопотами. Наверное, вот так же неспешно текла жизнь британцев в самом начале двадцатого века или жителей Сан-Паулу в конце девятнадцатого столетия.

Вечером Далси принялась разыскивать по телефонному справочнику номер домашнего телефона Виолы Дейс. И не нашла! Тогда она стала листать справочник на букву «Ф». Элвин Форбс, Квин-сквер, 11, — прочитала она домашний адрес. А ведь это не так уж и далеко от нее. Они вполне могут столкнуться носом к носу в один прекрасный день. А что мешает ей самой спланировать такую неожиданную встречу? Женщины ведь весьма изобретательны и могут организовать такое, что ни одному мужчине и в голову не придет.

4

Да, в этом городе нигде не спрячешься, с некоторым раздражением подумал Элвин Форбс, поспешно отворачивая голову в сторону. Все утро он потратил на бесплодные дискуссии со своим адвокатом по поводу грядущего бракоразводного процесса. А потому настроение у него было далеко не самым лучезарным. А тут еще эта встреча!

Впрочем, довольно безобидный эпизод сам по себе. Он как раз вышел из здания суда неподалеку от станции метро «Темпл» и, купившись на хорошую погоду, решил пройтись пешком до метро прямо через парк. Время было обеденное, и парк буквально кишел людьми. Офисные клерки из близлежащих контор заполнили все лужайки, наслаждаясь последними солнечными денечками. Целые компании расположились прямо на траве между пышными кустами георгин, о чем-то оживленно болтали, кто-то читал книгу или просматривал газету, а некоторые просто лежали на земле, ничуть не заботясь о том, что после вчерашнего дождя трава еще может быть мокрой, и, вперив взгляд в небо, бесцельно созерцали плывущие облака. Именно среди этой

последней категории мечтателей Элвин и разглядел Виолу. Правда, она не лежала, а сидела, обхватив руками коленки и подставив лицо нежаркому осеннему солнцу. Глаза у нее были закрыты. Сказать честно, вначале его внимание привлекли ярко-красные парусиновые башмаки на шнурках, которые были на ногах загоравшей. Довольно странная обувь для такого места. Он и предположить не мог, что на подобную безвкусицу пойдет та Виола, которую он знал когда-то. Впрочем, что невозможно для Виолы, вполне уместно для Ви или Вайолет. А в том, что это именно она, сомневаться не приходилось.

Он почти бегом проследовал мимо и перевел вздох облегчения лишь тогда, когда купил билет до станции Южный Кенсингтон. Интересно, что она там делала, размышлял он, стоя на платформе. Совершенно непривычное для нее окружение. Все эти офисные клерки, мелкие служащие и чиновники средней руки, с упоением греющиеся на солнце. И среди них — она в красных парусиновых башмаках на шнурках. И выражение лица у нее какое-то полубезумное. Неужели это любовь к нему толкает ее на столь эксцентричные поступки? Он машинально взглянул на толпу людей, выходящих из подъехавшего состава, словно ища

у них ответа на свой вопрос. В толпе мелькнуло смутно знакомое лицо. Приятная внешность. Где же он видел эту женщину раньше? Ах, да! Та злополучная лекция в Дербишире. Опозорился он тогда перед аудиторией по полной программе! Вот только едва ли он вспомнит, как же зовут эту милую незнакомку. Но уже через минуту, подхваченный людским водоворотом, заносящим его в вагон, он благополучно забыл и о лекции, и о женщине, случайно увиденной им среди пассажиров, всецело сконцентрировавшись на предстоящей работе в Музее королевы Виктории и принца Альберта, где он собирался провести всю вторую половину дня.

Далси тоже успела выхватить из толпы лицо Элвина. И мгновенно почувствовала неприятную пустоту в желудке. Ее даже замутило от страха, но она сразу же рассердилась на себя за столь неподобающую чувствительность. К тому же, у Форбса был такой отрешенный вид. Он был всецело погружен в собственные мысли, судя по выражению лица, не очень веселые. Впрочем, со стороны многие люди производят впечатление вечно озабоченных своими проблемами.

Она же все утро потратила на домашние хлопоты. Ходила по магазинам в поисках подходящей

ткани для портьер в комнату Лорел. Потом заказала ей книжный шкаф и письменный стол, размышляя по пути, что вот теперь комната преобразится полностью и приобретет вполне современный вид. Странно, но все эти приятные хлопоты не доставляли ей удовольствия. И чего она так суетится, спрашивала она сама себя. В конце концов, девочка уже совсем взрослая, у нее свои вкусы, вполне возможно, совершенно не совпадающие с тетиными представлениями о домашнем уюте. Случайная встреча с нищим, просящим подаяния на Оксфорд-стрит, еще более усугубила ее дурное настроение. Он просил милостыню с таким страдальческим выражением лица, словно умирал от боли. Она подала ему шесть пенсов и быстро проследовала дальше, ругая себя за слабохарактерность. В конце концов, в стране есть Министерство социальной защиты населения и все такое. Они и обязаны заботиться о малоимущих. К тому же, ей уже сто раз говорили, что нищенство в наши дни превратилось в весьма доходный бизнес. Поди, вечером развалится возле телевизора и начисто забудет про все свои болячки. Хотя, с другой стороны, такой способ зарабатывать деньги на существование ничуть не унизительнее ее собственной работы.

Подумаешь, классифицирует литературу для других людей, проставляет индексы на чужих книгах или копается в справочных фондах библиотек в поисках нужной, опять же другим, информации.

Вот и сегодня во второй половине дня у нее запланировано посещение библиотеки Британского музея. Но, вспомнив Элвина Форбса, она решила, что в ее библиотечных изысканиях есть все же и кое-что положительное. Чтобы немного развеяться и отрешиться от мрачных мыслей, она решила немного прогуляться. Побродить по парку перед станцией метро «Темпл»: там всегда такие чудные цветы.

Виола продолжала сидеть на прежнем месте. Если Далси умудрилась откопать рациональное зерно в своей работе, то Виола, нежась на солнце, пришла к выводу, что языческий образ существования совсем не так уж плох. Точнее, он очень хорош. Без всех заумных разговоров, просто поклонение солнцу, нудизм и прочие вещи, кажущиеся абсолютно неуместными и даже эксцентричными в современном обществе. Она открыла глаза и уставилась на собственные ноги. Ужасно безобразные туфли! Зато в них удобно ходить пешком, бродить по городу, совершать экскурсии по всем церквям Сити, что она и наме-

ревалась сделать сегодня после обеда. А за таким занятием она едва ли встретит кого-нибудь из своих знакомых. Следовательно, ей наплевать, как она выглядит. И хлопчатобумажное платье, наверняка измявшееся от сидения на траве, и парусиновые тапочки алого цвета на шнурках — это именно то, что ей надо для того, чтобы чувствовать себя вполне комфортно.

— О, какая приятная неожиданность! Виола Дейс, не так ли? — услышала она чей-то голос, подняла голову и увидела улыбающуюся Далси, державшую в одной руке большую сумку, до верху набитую книгами, а во второй — какой-то пакет, завернутый в серовато-коричневую бумагу.

— Как это вы замечательно придумали понежиться здесь на траве! — воскликнула она с энтузиазмом, плюхаясь рядом, от чего часть книжек высыпалась на траву. — Не возражаете, если я тоже посижу с вами?

Разумеется, вслух Виола не рискнула сказать, что возражает, ибо появление Далси не вызвало у нее особой радости. Какая же я необщительная, тут же укорила она себя. И с людьми вечно держусь так высокомерно. Вот вам, пожалуйста! Подошла милая женщина, наверняка, с самыми

лучшими намерениями, а ты уже готова наброситься на нее.

— Я уже собираюсь уходить, — сказала она холодно. — Нигде поблизости нет приличного места, чтобы перекусить. А потому я прихватила с собой пару бутербродов и съела их прямо здесь, вместе со всеми этими клерками, коротающими обеденный перерыв на свежем воздухе.

Она рассмеялась немного нарочитым смехом, давая понять, что у нее нет ничего общего с такой заурядной публикой.

— Бедняги! — тут же пожалела несчастных Далси. — Им ведь уже пора уходить. Обеденный перерыв вот-вот закончится. Ну, а вы? Чем вы занимались после того, как мы разъехались по домам?

Вопрос показался Виоле крайне бестактным, и она лишь еще глубже спряталась в свою раковину. Хотя, в самом деле, а чем она занималась все последнее время?

— Написала пару статей, — бодро солгала она. — А сейчас вот обдумываю замысел нового романа. Такая работа кажется мне более стоящей, чем какие-то там исследования! — добавила она почти с вызовом в голосе.

— Да, наверное, вы правы! — не стала спорить

с ней Далси. — Ведь это же творчество, собственное творчество! Даже если в итоге получится какая-нибудь ерунда. Что вам не грозит, — тут же поспешила успокоить она собеседницу. — По-моему, у вас есть литературный талант. Вы умеете схватывать характер человека, любите наблюдать, а потом переносить свои наблюдения на бумагу.

— О, мой роман вовсе не относится к категории нравоучительных! Терпеть не могу подобной литературы! — проявила свою обычную несговорчивость Виола.

— И как далеко вы продвинулись в своей работе? — миролюбиво поинтересовалась у нее Далси.

— Пока лишь одни наброски, а весь сюжет я держу в голове. Ну, а вы? Чем вы занимаетесь? — перешла она в контрнаступление.

— Варю варенье, консервирую фрукты, готовлю приправы на зиму, — быстро перечислила круг своих обязанностей Далси. — А еще занимаюсь тем, что обставляю комнату для своей племянницы. Она скоро переедет ко мне жить.

— У вас большой дом?

— Да. Особенно для меня одной. Он остался мне от родителей. Четыре спальни.

— Но это же где-то на окраине, насколько я помню. А я вот снимала небольшую квартирку прямо в центре, возле Ноттинг-Хилл-Гейт, но просрочила с платежами, и пришлось расторгнуть договор.

— Я искала вас по телефонному справочнику, — призналась Далси. — Но не нашла вашего номера. Подумала, что было бы приятно встретиться с вами опять.

Виола промолчала, никак не отреагировав на признание.

— И представляете, какое странное совпадение. Буквально за пару минут до того, как я увидела вас, я столкнулась в метро с Элвином Форбсом. И он…

— Вы с ним говорили? — почти грубо перебила ее Виола.

— Нет, я как раз выходила из вагона, а он заходил. Скорее всего, он меня и не заметил. Зато я его сразу узнала. А вы с ним часто виделись после конференции? — спросила она без всякой задней мысли.

— Нет! — коротко отрезала Виола. — Что вы собираетесь делать после обеда?

— Думаю поработать немного в публичной библиотеке.

— Тогда можем прогуляться немного. Я хочу осмотреть церкви на территории Сити. Вот и башмаки одела для этой цели подходящие.

«Так вот почему она вырядилась в такой экстравагантный наряд, — подумала Далси и мгновенно представила себе Виолу среди развалин или на лесах, воздвигнутых вокруг реставрируемых церквей. — Интересно, а настоятели не станут возражать против подобных экскурсий? Впрочем, какие настоятели, если внутри храма одна разруха? Да еще днем! Наверняка только привратник присматривает за ходом работ».

Некоторое время они шли молча.

— Ну, что ж! До встречи! — пролепетала Далси почти униженно, когда они дошли до угла Флит-Стрит. — Мне сюда.

— Обязательно надо встретиться, — дежурно пообещала ей Виола, вовсе не горя желанием новой встречи. — Я позвоню вам как-нибудь. И мы вместе поужинаем.

— Замечательная мысль! — искренне обрадовалась Далси.

— Тогда можно сразу условиться и о дате. Как насчет понедельника?

«А она ведь хочет поскорее отвязаться от меня», — подумала Далси, соглашаясь на предло-

женный ей день.

— Вот и прекрасно. Жду вас к себе на ужин в половине восьмого. Кэрри-Стрит, 19, — продиктовала свой адрес Виола. — Мой звонок — верхний.

— Спасибо! Приду с удовольствием!

— Но сразу же предупреждаю: на обильный стол можете не рассчитывать!

Они распрощались, и настроение у Далси заметно улучшилось. Что из того, что ей дали ясно понять: никакого праздника живота не будет. В конце концов, люди ходят в гости друг к другу вовсе не для того, чтобы поесть. Она сразу же мысленно перебрала все то, что вызывает у нее наиболее стойкое отвращение. Ливер, рубец, манная каша, инжир. До такого меню Виола точно не опустится. К тому же Далси почти инстинктивно почувствовала, что Виола нуждается в ее дружеском участии, и была благодарна ей за то, что она сама сделала первый шаг к сближению.

Она свернула на Флит-Стрит и остановилась у подъезда научного института, в справочном фонде которого ей надо было поработать в поисках нужной информации. Оставив вещи в гардеробной, Далси направилась к умывальнику, чтобы сполоснуть руки, и с недоумением обнаружила, что вся раковина завалена цветами.

— Что за ерунда, — начала она, немного раздосадованная возникшим препятствием, и замолчала, увидев высокую женщину, которая зашла в комнату. — Вот хотела помыть руки, а здесь цветы.

— Прошу простить меня! — сухо обронила женщина. — Это мои цветы. Просто пока не нашла места, куда бы их можно было пристроить. Я несу их больному.

— Ах, так? — с сочувствием воскликнула Далси, и в ее голосе послышалось раскаяние. Ну, вот! Снова чужая беда. Не много ли для одного дня? Озабоченный какими-то своими проблемами Форбс, нищий с гримасой боли на лице, потом Виола, валяющаяся на траве в ярко-красных тапочках на шнурках. Она уже приготовилась тихо выскользнуть из комнаты, как женщина остановила ее вопросом.

— Скажите, вы случайно не присутствовали в прошлом месяце на конференции в Дербишире? Мне кажется, я вас где-то видела.

— Да, была.

— Забавное получилось мероприятие. Особенно тот инцидент с падающим в обморок докладчиком, — женщина рассмеялась немного нервным смехом. — Никто не ожидал подобного

поворота в избитом регламенте мероприятия.

— Да, — эхом отозвалась Далси. — Такая жалость, что мы не смогли дослушать лекцию до конца.

— Невелика потеря! — презрительно фыркнула женщина. — Тоже мне тема! «Некоторые проблемы редактирования текста». Можно подумать, это кому-то сегодня нужно!

— Тогда зачем ехать? — удивилась Далси.

— А вот это уже другой вопрос. Но в любом случае, мне интересно, что сейчас с Элвином Форбсом. И я обязательно все узнаю. Что, кстати, совсем не трудно. Потому что Форбс — родной брат нашего викария.

— Вашего викария?

— Ну, да! А что тут удивительного? Даже у неженатого священника могут быть родственники. Вот и у нашего с вами лектора имеется родной брат-викарий.

Позднее, перебирая каталожные карточки в справочноинформационном отделе, Далси спохватилась, что даже не поинтересовалась у незнакомки, в каком именно приходе служит брат Элвина Форбса. Но что мешает ей заняться самостоятельным расследованием? Это будет даже интереснее. Она сама начнет копаться в те-

лефонных справочниках, адресных книгах. И при этом постарается обойтись без пособий типа «Кто есть кто», потому что они — самый простой путь к получению нужных сведений. Нет, в этой работе ей все же нужна некоторая недосказанность, неопределенность формулировок и сведений, то есть только то, что питало бы воображение и оставляло место для собственных домыслов. А потому ей совсем не обязательно знать такие подробности, как: на ком женат ее герой, есть ли у него дети, и где он проводит свой отпуск.

А в том, что Элвин Форбс уже превратился в ее героя, сомневаться не приходилось. Невероятно, но факт! Она влюбилась. Что ж, можно констатировать, что какая-то польза от всех этих научных конференций все же, несомненно, есть.

5

Сидя в такси, Лорел нетерпеливо смотрела по сторонам, желая удостовериться, что шофер везет ее именно туда, куда ей надо. Вот за стеклом промелькнул огромный мемориал в честь принца Альберта. Теперь можно и расслабиться. Лорел откинулась на спинку сиденья, рассеянно глядя в окно. Хорошо было бы жить в самом центре Лондона, в одном из этих красивых многоквартирных домов с изысканными фасадами, обращенными окнами в парк. Но, с другой стороны, у тети Далси ей на первых порах будет гораздо лучше, чем у какой-нибудь посторонней женщины, которая наверняка с первого же дня установит жесткий регламент для своей квартирантки: ровно в десять и ни минутой позже быть дома. А тетя у нее еще совсем не старая, да и особых вредностей за ней не водится. Правда, скучноватая, и элегантности в ней тоже ни грамма. Вечно ходит в одном и том же твидовом костюме и в туфлях без каблуков. И никогда не красится. Мама сказала, что тетя совсем махнула на себя рукой после того, как у нее что-то там разладилось с женихом. Бедняжка!

Далси встречала племянницу, стоя на ступеньках крыльца, и при этом выглядела так, как и должно выглядеть тетушке, волнующейся за целостность доставки вверенного ей на время ребенка. «И как только родители решились отпустить девочку одну в Лондон, — негодовала она про себя. — А что, если бы какой-нибудь незнакомец пристал к ее молоденькой племяннице прямо на вокзале?» Даже подумать страшно, какие опасности подстерегают неопытную восемнадцатилетнюю барышню в большом городе.

«Еще бы! Пристанут и умыкнут меня в Южную Америку», — презрительно подумала Лорел, слушая тетины охи и ахи. Она поставила коробку с жареной курицей и дюжиной домашних яиц на крыльцо (мама буквально силой всучила ей эту посылку, заставив тащить куриные яйца в Лондон), после чего огляделась по сторонам.

Внушительного вида дома по обе стороны улицы, аккуратно подстриженные кустарники, садовые деревья, с которых уже начала осыпаться листва. Какой-то пожилой мужчина чинно проследовал мимо их дома и раскланялся с тетей с той церемонной учтивостью, которая сразу же выдавала в нем иностранца. В саду напротив женщина старательно подвязывала кусты хри-

зантем. В окне соседнего дома мелькнуло чье-то лицо, мелькнуло и тут же исчезло за складками кружевной гардины. «Какой же это Лондон», — разочарованно подумала девочка. Лондон — это широкие, залитые светом вечерних огней улицы, рестораны Сохо, шумные кафе, в которых в любое время дня и ночи полно народу, это прогулки по тенистым паркам и, конечно же, бесконечные разговоры со сверстниками обо всем на свете. Что ж, на какое-то время придется смириться с тем, что есть, а потом она подыщет себе собственную квартирку, такую, как ей хочется.

Далси, разглядывая украдкой свою племянницу, тоже расстроилась, но уже по другому поводу. Лорел так выросла за минувший год. Настоящая девушка, с которой надо обращаться на равных. Ну, и о чем они, интересно, станут говорить? О работе? О тех домашних мелочах, которые роднят всех женщин, независимо от возраста? О чем еще?

— Идем, я покажу тебе твою комнату, — проговорила она вслух. — Надеюсь, тебе понравится. Я приготовила для тебя спальню с окнами в сад. Там тебе спокойнее будет заниматься. Я ее полностью обновила.

— После смерти бабушки? — с юношеской пря-

молинейностью уточнила Лорел.

— Вообщем-то, да, — немного растерялась Далси, не ожидавшая такого вопроса в лоб. — Надеюсь, ты не имеешь ничего против самой комнаты. Она действительно самая красивая в доме.

Лорел мгновенно припомнила свои детские впечатления от поездок к бабушке. Слабый запах лаванды, постоянно горящий, даже в летнее время, камин, множество фотографий в серебряных рамочках на туалетном столике и на крышке комода, старинная акварель, изображающая Везувий. Сколько она себя помнит, бабушка всегда лежала в постели. Что же с ней все-таки было?

Далси распахнула дверь, и Лорел увидела, что от бабушкиной комнаты действительно мало что осталось. Светло-бирюзовые обои с неброским белым рисунком, вполне современный диван-кровать, кресло, письменный стол, пустой книжный шкаф и совершенно голые стены. Ни одной картинки.

— Я решила, что ты подберешь эстампы по собственному вкусу, — пояснила Далси, перехватив ее изучающий взгляд.

— А где та картинка с Везувием? Мне она очень нравилась в детстве.

— Она сейчас висит у меня в комнате, — коротко ответила Далси, не став пояснять, что акварель тоже любима ею с детства.

Лорел подошла к окну. Сад как сад, такой же, как у них дома, разве что побольше. То же осеннее изобилие и уже первые признаки увядания: желтые листья на траве, паданцы под деревьями, возле которых вьются осы и суетливо толкутся птицы, пышно рдеющие кусты георгин, разноцветье цинний и первые соцветия ранних хризантем.

— Приводи к себе друзей. И вообще, чувствуй себя, как дома. Здесь есть небольшая газовая конфорка. А в этом шкафчике — чайник и прочие мелочи. Всегда можешь сварить сама себе кофе или вскипятить воду. А пока пойдем вниз, и я угощу тебя чаем в столовой.

Лорел умыла с дороги руки и снова подошла к окну. Какой-то молодой парень бесцельно прогуливался по соседнему саду. А он — ничего, мелькнуло у нее. Даже очень ничего! С таким вполне можно познакомиться в каком-нибудь баре. Наверное, он здесь живет. Надо будет разузнать у тети. Девочка воспряла духом и в столовую вошла в уже более приподнятом настроении.

— Я пригласила сегодня соседей на чашечку

кофе, — сказала Далси, когда они с Лорел уже мыли посуду после чаепития. — Это миссис Белтон, ее дочь Моника, сын Поль и синьор Макбрайд-Перейра. Он из Бразилии, работает здесь в дипмиссии и снимает квартиру в доме миссис Белтон.

— Как здорово! — обрадовалась девочка. — А сколько лет Монике и Полю?

— Точно не знаю, но они оба уже взрослые молодые люди. Моника преподает в Лондонском университете, а у Поля — собственный цветочный магазин, который мать специально купила для него. Он — очень милый юноша. Надеюсь, он тебе понравится.

«Еще чего не хватало», — сердито подумала Лорел, однако принялась наводить красоту по полной программе, стараясь, главным образом, для знойного сердцееда из Бразилии, образ которого услужливо нарисовало ее воображение, опираясь на многочисленные южноамериканские сериалы. Впрочем, завидев гостей, она мгновенно поняла, кто есть кто. Вместо темпераментного мачо перед ней предстал тот самый пожилой джентльмен, который так прочувствованно здоровался с тетей на улице. Зато в Поле она узнала молодого человека, которого она успела заметить

из окна. Моника, такая же светловолосая и бледнолицая, как и ее брат, производила впечатление невзрачной и совершенно неженственной особы. Трудно было поверить, что она — родная дочь миссис Белтон, надушенной, ухоженной дамы, мелодично позвякивающей при каждом движении бесчисленным количеством браслетов, нанизанных на ее запястья. Соседка явилась в гости с маленьким пуделем на руках, подсиненным в тон ее волосам.

— Наш Феликс будет паинькой, — объявила она с порога. — Он умеет вести себя в обществе. Я прихватила с собой его подушечку.

С этими словами миссис Белтон водрузила на ковер возле камина небольшую розовую думку, обшитую цветными воланами.

Лорел обрадовалась: появление животного — это всегда хороший повод для того, чтобы начать разговор.

— Привет, Феликс! — проговорила она и положила руку на его маленькую квадратную мордочку с намерением погладить пса.

Маленькие черные, похожие на бусинки, глазки блеснули недобрым светом. Пудель вдруг злобно ощерился и вцепился зубами в ее браслет. А в следующее мгновенье браслет уже валялся

на полу.

— Ах, у него такие острые зубки! — проворковала миссис Белтон, с обожанием глядя на своего любимца. — Что ты наделал, маленький негодник? Порвал браслет, да?

— Да, нет! Ничего страшного! — смутилась Лорел. — Просто застежка слабая.

— Надеюсь, он ее не сломал? — забеспокоился Поль. — Можно, я взгляну?

Лорел протянула ему браслет.

— Да, здесь действительно все дело в застежке. Я починю ее в два счета.

— Надо же нам хоть как-то извиниться за Феликса, — сухо проронила Моника.

— А при чем здесь Феликс? — немедленно возмутилась ее мать. — Ну, да! Мальчик немного раскапризничался, потому что попал в чужой дом. Вот сейчас мисс Манаринг угостит мальчика его любимым эклером, и песик сразу же успокоится. Правда, мисс Манаринг?

Далси, всецело поглощенная процессом разливания кофе, пробормотала что-то вежливо нечленораздельное. Ей и в голову не могло прийти, что Феликса действительно нужно потчевать эклерами.

— Могу предложить ему для начала печенюш-

ку, — предложила она.

— Не надо нам ваших печенюшек! — обиделась за своего питомца миссис Белтон. — Мы хотим эклер. Правда, Феликс?

Феликс, почувствовав, что в любом случае какое-то лакомство ему гарантированно, принялся носиться по комнате, как угорелый, радостно повизгивая и подпрыгивая, и норовя при этом угодить всем под ноги.

— Да, только животному под силу создать такую атмосферу доброжелательности и детской непосредственности! — глубокомысленно изрекла его хозяйка. — Феликс способен растопить лед отчужденности в любом обществе. Я уже не раз имела возможность убедиться в этом, когда брала его с собой.

— А у вас, мисс Манаринг, есть домашние питомцы? — поинтересовался синьор Перейра у Далси.

— Да знаете, как-то не успела еще обзавестись, — отшутилась Далси. А, собственно, почему нет? Особенно сейчас после смерти матери и разрыва с женихом, когда она осталась одна-одинешенька не только в этом огромном доме, но и на всем белом свете. И вот что удивительно! Ей ни разу не пришла в голову мысль о

каком-нибудь котенке или бездомной собачонке. А вот у миссис Белтон — семья, двое детей, а она, между тем, души не чает в своем пуделе.

— Чем вы собираетесь заняться после окончания курсов секретарей? — спросила Моника у Лорел. И девочка мгновенно смутилась, почувствовав себя школьницей, которая держит ответ перед строгой классной руководительницей.

— Я хочу работать секретарем в каком-нибудь издательстве, — пролепетала она вполголоса, стараясь произвести на преподавательницу университета впечатление умной и образованной девушки. — Это ведь так интересно! — воскликнула она и покраснела, почувствовав всю наивность своих последних слов. — Но в бизнес или торговлю точно не хочу идти.

— А какие у вас были любимые предметы в школе? — продолжила свой допрос Моника.

— Английский язык и история, — с готовностью отрапортовала Лорел.

«Бедняжка», — усмехнулась про себя Далси. Сколько таких же вот глупышек, выпархивая во взрослую жизнь, отвечают точно так же. А в сущности, что стоит за этим ответом? Ну да, детская увлеченность героями прошлого: Наполеон, Карл I. Кто еще? Или любовь к поэзии Китса и Мэтью

Арнольда. Разве сама она была другой? Помнится, как озадачил родителей ее собственный выбор профессии после школы. Благо, что они могли позволить себе роскошь отправить ее учиться в Оксфорд. И вот итог: она проставляет индексы на чужих книгах и проводит небольшие информационные поиски для других людей. Для тех, кто умнее ее, у кого больше способностей к научной работе и все такое. Правильно съязвила тогда в разговоре с нею мисс Лорд: «Ну, и что это вам дало, мисс Манаринг?»

С другой стороны, какого ответа можно ждать от ребенка, еще не имеющего ни малейшего понятия о том, что такое взрослая жизнь и настоящая работа. А потому, конечно же, английский язык и история.

6

Далси не забыла о своем намерении самостоятельно покопаться в справочной литературе, чтобы выяснить, в каком приходе служит брат Элвина Форбса. И когда спустя какое-то время она снова оказалась в публичной библиотеке, то первым делом направилась в читальный зал, где хранятся самые разные справочные каталоги. К сожалению, «Крокфорд», ежегодный справочник, в котором публикуются имена всех священнослужителей англиканской церкви, оказался на руках. Далси обвела взглядом посетителей зала и увидела, как пожилой мужчина в затрапезном костюме что-то старательно выписывает из него себе на листок бумаги. «Наверное, переписывает адреса и фамилии священников, — подумала Далси, — чтобы потом направить им письма-прошения с просьбой о материальной помощи». Далси снова впала в меланхолию при виде стариков, явно преобладающих среди публики читального зала. Скорее всего, этим несчастным просто некуда идти, вот они и коротают время в библиотеке за чтением газет и журналов.

Наконец «Крокфорд» освободился, и Далси

приступила к собственным изысканиям. Поиск оказался удачным и очень скоро вывел ее на искомый объект.

«Форбс, Невил Артур, окончил Лондонский университет в 1937 г., бакалавр гуманитарных наук, — прочитала она в короткой библиографической справке. — В годы войны служил капелланом на флоте. С 1954 года — викарий прихода Норд-вест в Лондоне». Дальше шли какие-то цифры, набранные совсем мелким шрифтом, из коих следовало, что ежегодный доход мистера Форбса-старшего составляет 626 фунтов, и что он является владельцем собственного дома.

Норд-вест, Норд-вест, так ведь это совсем недалеко от ее дома. По крайней мере, пешеходная прогулка в те места ей вполне под силу. Нужно только обувь выбрать поудобнее. А главное, и повод есть. Ведь именно в этом районе живут ее дядя Бертран и тетя Гермиона. В ближайшее же воскресенье она напросится к ним на чашечку чая, а там, глядишь, успеет еще попасть и на вечернюю службу.

Далси принялась рисовать себе портрет преподобного отца Форбса. Но почему-то перед ее мысленным взором тотчас же появлялось лицо Элвина, и сам он, облаченный в костюм священ-

ника. Несмотря на то, что скудная информация в «Крокфорде» не пролила свет на то, кто из двух братьев является старшим, Далси была почему-то абсолютно уверена в том, что Элвин — младший. Рука ее непроизвольно потянулась к справочнику «Кто есть кто». «Дай бог, чтобы там было хотя бы пару слов о младшем Форбсе», — подумала она, приступая к новому поиску. Но на удивление, информации об Элвине оказалось гораздо больше, чем о его брате. Во-первых, давалась дата его рождения: 3 июня 1912 года. Правда, про родителей не было сказано ни слова. Зато сообщалось, что он женат на Марджори, дочери Джеймса Уилтона, и что детей у них с женой нет. Дальше прилагался список научных публикаций Элвина Форбса, около десятка статей и монографий по проблемам литературы семнадцатого и восемнадцатого столетий. Сообщались даже сведения о любимых развлечениях: «хорошее вино и интересные беседы».

Далси закрыла справочник, раздосадованная и на себя, и на объект своих изысканий. Надо же! Любитель умных разговоров и хорошей выпивки. Тогда его можно только пожалеть, ибо на конференции в Дербишире он был лишен и того, и другого. Далси даже улыбнулась, вспомнив,

как старательно он избегал общества ученых дам, пытающихся втянуть его в свои научные дискуссии.

Так, и что же у нас в сухом остатке? Жена, которая ушла от мужа и вернулась к собственной матери. А еще несчастная женщина по имени Виола, несчастная до такой степени, что ей безразлично все на свете. И она позволяет себе даже такие экстравагантности, как развалиться на траве в самом центре Лондона, выставив на всеобщее обозрение нелепые полотняные туфли красного цвета. Далси сознательно вынесла за скобки еще одну особу, обычно всегда такую трезвомыслящую. Кажется, она уже тоже почти готова на всякие безрассудства во имя своей любви. Но об этом она подумает позже, на досуге.

Занятая собственными мыслями, Далси даже не заметила, как дошла до дома, и только тут вспомнила, что живет не одна. Мысль о том, что вот сейчас ей придется почти насиловать себя, настраивая на пустые разговоры с восемнадцатилетней девочкой, снова вызвала у нее прилив дурного настроения. Но не успела она переступить порог прихожей, как раздался звонок. Звонила Лорел. Она просила разрешения у тети задержаться на вечер в центре. Собирается

сходить с подружками в кафе, но домой она постарается вернуться не очень поздно. Далси еще раз напомнила ей расписание автобусов, намеренно указав время отправления не последнего, а предпоследнего из них. «Ну и что теперь мне делать», — размышляла она, стараясь поставить себя на место своей сестры Шарлоты. А ведь, если бы она вышла замуж за Мориса, у них бы тоже могли быть дети. Впрочем, Далси как-то очень плохо представляла себя в роли матери. Разве что матери Мориса. Он ведь, в сущности, был самым настоящим взрослым ребенком. Да, вот бы у них получился семейный союз на славу! И на зависть всем. Жена немного выше собственно мужа, немного старше и много-много умнее его. Она даже улыбнулась собственной шутке, хотя на душе у нее скребли кошки. Что из того, что объект твоих былых воздыханий недостоин тебя? Все равно это больно, когда любовь заканчивается так, как закончилось у них все с Морисом.

Она увидела в окно Поля Белтона, идущего по дорожке к их дому с огромным букетом роз: бледно-розовые бутоны на длинных тонких стеблях без шипов. «Такие же, как он сам, — подумала Далси, — нежные и хрупкие. Этот мальчик совсем не похож на взрослого мужчину».

— Добрый вечер! — проговорила она, распахивая перед соседом дверь еще до того, как он успел нажать на кнопку дверного звонка.

— Ах, мисс Манаринг, это вы! Добрый вечер! Вот хотел вернуть браслет. Я починил застежку. И цветы… — Поль вспыхнул от смущения.

«Бедняга», — подумала Далси с сочувствием. Конечно, менее всего на свете парнишка предполагал столкнуться носом к носу со старой теткой вместо молоденькой племянницы.

— Как мило! Уверена, Лорел будет тронута. Она еще не вернулась с занятий. Я все передам ей, и она сразу же позвонит вам.

Поль медленно побрел к себе домой. Его руки, не занятые никакой поклажей, обвисли и уныло болтались по обе стороны туловища. Кисти показались Далси чересчур красными. Бедный мальчик! Он ведь целый день возится в воде: поставить цветы, достать цветы. Зато ему ничего не стоит приволочь соседке шикарный букет оранжерейных роз, вдруг ожесточилась она на юного соседа. Подумаешь, красивый жест! Все равно завтра утром у этих роз был бы нетоварный вид, и их пришлось бы выбросить вон.

Она поставила цветы в вазу и понесла наверх в комнату Лорел. Она еще ни разу не заходила к де-

вочке после того, как та поселилась у нее в доме. И немного нервничала, даже не зная почему.

Первое, что бросилось в глаза, это разобранная постель. В шесть часов вечера! Но, наверное, Лорел очень торопилась утром, вот и не успела заправить кровать. Да, но кто, по ее мнению, должен делать эту работу вместо нее? Если оставить цветы здесь, то племянница поймет, что тетя была у нее в комнате и видела царящий в ней кавардак: одежда, разбросанная по всей комнате, чулки, свешивающиеся со спинок стульев, распахнутые настежь створки шкафа, выдвинутые ящики стола. Бог мой! Да девчонка даже толком еще не распаковала свои вещи.

Далси молча обозревала весь этот хаос, стоя посреди комнаты, не выпуская вазу с цветами из рук. Она уже собралась идти вниз, как вдруг ее внимание привлекла фотография молодого человека, стоящая на прикроватной тумбочке. Лицо юноши показалось Далси знакомым. Странно, но сестра ни словом не обмолвилась насчет того, что у Лорел уже есть парень. Наклонившись над фотографией, Далси принялась пристально изучать ее. Да она еще и подписана! Какими-то корявыми печатными буквами, словно у юноши нет собственного почерка. А, да это ведь известный

исполнитель рок-н-ролла. Его лицо действительно часто мелькает на телевизионном экране, вот оно и показалось ей знакомым. Далси перевела вздох облегчения.

Она вручит розы племяннице, когда та вернется, и не скажет ей, что наведывалась к ней в комнату. Тогда ей не придется и комментировать то, что она там увидела. А сейчас она займется ужином. Приготовит себе что-нибудь простое, в духе французских крестьян. Хрустящий багет, сыр, салат, заправленный оливковым маслом и уксусом, вино. Впрочем, вместо изысканной салатной заправки по-французски сойдет и майонез, а вино ей вполне заменит апельсиновый сок.

Лорел вернулась домой около десяти, совсем даже не поздно. Глаза ее сияли от избытка новых впечатлений, которые она получила сегодня вечером в кафе-баре. И эта безыскусная радость и ощущение молодости почему-то задели Далси, и она решила, что все же скажет племяннице о том, что наведывалась к ней в спальню.

— Поль Белтон заходил к тебе после работы. Принес твой браслет и вот эти розы. Я вначале хотела поставить их у тебя в комнате, зашла и увидела, что ты оставила кровать неубранной.

— Да, я очень торопилась. И потом подумала, что сегодня должна прийти эта. Как ее там? Ну, женщина, которая прибирается у нас в доме. Ах, какие чудные розы! Надо будет обязательно поблагодарить его!

— Мисс Лорд не обязана убирать за нами кровати, — сухо отрезала Далси. — Пожалуйста, впредь имей это в виду. А цветы действительно просто замечательные. Обязательно позвони Полю или даже зайди в магазин и поблагодари лично.

— Пожалуй, я так и сделаю! — охотно согласилась с ней Лорел.

— Хорошо провела время? — перевела разговор на другое Далси.

— Да, мы посидели немного с одной девочкой в кафе, а потом пошли к ней домой. Она снимает такую прелестную комнатку на Куинс-сквер, всего в двух шагах от колледжа.

— Куинс-сквер, Куинс-сквер, — машинально повторила Далси и чуть не подпрыгнула от неожиданности. Так ведь это же домашний адрес Элвина Форбса, который указан в справочнике «Кто есть кто». Далси тут же представила себе ряд огромных респектабельных домов по обе стороны улицы, расположенной почти в самом центре Лондона рядом с Голландским парком.

Предусмотрительные хозяева особняков уже давно превратили многие из них во множество уютных однокомнатных гнездышек, которые охотно снимают молоденькие девушки, мечтающие о красивой жизни в столице, или одинокие женщины, которые — кто знает? тоже, быть может, мечтают о чем-то своем. А интересно, Форбсу принадлежит весь дом или только квартира в нем? Надо это выяснить!

От мыслей о Форбсе Далси отвлек телефонный звонок. Вначале голос звонившей женщины показался ей совершенно незнакомым, но когда та назвала себя, то Далси моментально узнала знакомые интонации. Звонила Виола Дейс.

— О, какая приятная неожиданность! — воскликнула Далси с несколько преувеличенной радостью, лихорадочно соображая, что понадобилось от нее Виоле в столь позднее время. Неужели она собирается отменить свое приглашение на обед?

— Пожалуйста, помогите мне! — глухо проговорила Виола в трубку.

— Да, разумеется! С удовольствием! — наверное, ей понадобилась помощь в проведении какого-то исследования, пришла в голову совершенно нелепая мысль, и Далси охотно ухватилась за

нее. — Говорите, что именно вам надо.

Виола перешла почти на шепот.

— Я сейчас не могу сказать вам все. Особенно здесь и сейчас. Но в двух словах ситуация такова: мы только что крупно поскандалили с хозяйкой дома, у которой я снимаю квартиру. Короче, мне надо съезжать, и незамедлительно. Вот я и прошу вас. Вы бы не могли пустить меня к себе на некоторое время? Естественно, я заплачу.

— Да… почему бы и нет? — страшно растерялась Далси от столь неожиданного поворота в их разговоре.

— Вы ведь сами говорили, что у вас есть свободная комната. Пожалуйста, разрешите мне пожить в ней пару недель, не больше, пока я не найду для себя что-то подходящее. Понимаю, что я откровенно навязываюсь вам, но…

— Вовсе нет! — решительно перебила ее Далси, уже успев прийти в себя. — Мне будет очень приятно видеть вас в своем доме. А когда вы собираетесь съезжать?

— Все это мы обговорим, когда вы придете ко мне на ужин.

— Тогда до встречи. Я жду ее с нетерпением.

— О, я не планирую никаких особых изысков, — отрезала в своей обычной, несколько грубоватой

манере Виола и тут же отключилась.

Далси отошла от телефона со смешанным чувством удивления и досады. Она прекрасно понимала, что Виола и в самом деле откровенно использует ее и, тем не менее, в глубине души ей даже немного льстило, что из всех своих знакомых Виола выбрала именно ее. Пусть всего лишь для того, чтобы попользоваться ее слабохарактерностью. Да, но интересно, в какую комнату ее поселить? Если бы не Лорел, то она, безусловно, отдала бы ей мамину комнату. Пожалуй, порядка в комнате не стало бы больше. Разве что вместо фотографии рок-н-ролльного музыканта на прикроватной тумбочке появилась бы фотография Элвина Форбса.

— Звонила моя приятельница, — пояснила Далси племяннице, вернувшись на кухню. — Просится пожить у нас какое-то время.

— А где вы ее разместите, тетя?

— Но у нас же есть еще свободная спальня. И еще одна небольшая комнатка внизу, рядом с холлом. Правда, она совсем крохотная.

— А в спальне стоит швейная машинка, гладильная доска и еще куча старых журналов. И вообще, она забита всяким хламом до отказа.

— Да, ты права! — вздохнула Далси. Она вспом-

нила, что перенесла в эту комнату все любимые мамины картины и остальные ее вещи. Не хотелось избавляться от них сразу же после ее смерти. Впрочем, со старьем проблем не возникнет. Стоит только позвонить в какой-нибудь благотворительный фонд, и они тут же приедут и заберут все с превеликим удовольствием. А картины пусть пока повисят. В конце концов, Виола собирается пробыть у нее не более двух недель.

— В любом случае, новость приятная, — заметила Лорел и добавила наставительным тоном. — А то вы все одна и одна. Хоть будет с кем словом перекинуться!

— О, да! — мечтательно протянула Далси. — Будет!

7

Приглашение было на половину восьмого, но Далси, снедаемая нетерпением, появилась возле дома Виолы сразу же после семи. Чтобы хоть как-то убить время, она стала медленно прохаживаться по улице, разглядывая пожухлые газоны и осыпающиеся цветы на клумбах. Вот по дорожке, густо усыпанной опавшей листвой, прошла какая-то женщина с собачкой на поводке. Женщина одета в темно-серый костюм из твида, на руках — прозрачные нейлоновые перчатки ярко-розового цвета, под мышкой — две книги. Явно возвращается домой из библиотеки. «Да, но зачем мне все эти подробности», — подумала Далси. Она же не частный детектив, в конце концов. И романы писать не собирается, так что накапливать разнообразные впечатления ей тоже ни к чему. Тем более что и сами впечатления, по большей части, довольно унылы. Никакой радости бытия вокруг.

Нет, лучше уж вернуться обратно и извиниться перед Виолой за то, что она приплелась в гости раньше назначенного времени. В этот момент прямо перед собой Далси увидела телефонную

будку. Ура! Выход найден! Сейчас она скоротает время, сделав пару-тройку звонков знакомым. Да, но кому позвонить, погрузилась она в глубокие размышления, стоя уже в будке. Время такое неудобное: люди либо готовятся к ужину, либо уже ужинают. Неловко как-то беспокоить. Взгляд ее скользнул по телефонному справочнику, и у нее мелькнула шальная мысль. А что, если провести своеобразный информационный поиск прямо на месте? К примеру, выяснить, где живет теща Элвина Форбса. Фамилия Виллитон — не из числа очень распространенных, так что поиск не обещает быть долгим. И действительно, в справочнике оказалось не больше дюжины абонентов с такой фамилией, из списка которых Далси с легкостью вычислила именно ту, которая ей была нужна. Миссис Грейс Виллитон, Кедровая Аллея, 37. Результат взволновал Далси. Еще бы! Ведь это совсем недалеко от ее собственного дома. Не в силах более сдерживать собственного нетерпения, она почти бегом вернулась назад, мысленно напевая вдруг невесть откуда всплывшую в памяти старую песенку, которая начиналась словами «Там, под сенью кедров…»

— Я знаю, что пришла раньше, — проговорила она, почти запыхавшись, когда Виола открыла ей

дверь. — Но я подумала, а вдруг вам понадобится какая-нибудь помощь?

Далси моментально представила себе, как сейчас займется нарезкой овощей или даже станет чистить картофель. Да мало ли что еще? Например, помочь открыть консервную банку, которая никак не хочет открываться.

— Возможно, помощь и в самом деле может понадобиться, — несколько загадочно ответила Виола и добавила. — Нам наверх!

Первое впечатление от увиденного было не очень обнадеживающим. Пожухлый ковер на полу в прихожей, облупившаяся краска на стенах. Явно этот дом, как и все по соседству, переживает далеко не лучшие времена. И вообще, как Виола согласилась квартировать в таком непрестижном районе? Правда, сама комната оказалась значительно лучше: два огромных окна, через которые была видна зелень на улице, так удачно гармонировавшая с зеленоватым оттенком деревянных панелей отделки комнаты. Но две вещи поразили Далси мгновенно, стоило ей переступить порог. Во-первых, ужасный кавардак, который царил внутри, а во-вторых, всякое отсутствие хоть чего-то, отдаленно напоминающего о съестном. Да и вообще, трудно было вообразить себе, что

можно предаваться трапезе среди разбросанных повсюду книг, газет, бумаг вперемешку с косметикой и одеждой, которые занимали буквально все свободное пространство комнаты.

— Вот, занимаюсь сортировкой вещей, — проговорила Виола, перехватив оценивающий взгляд своей гостьи. — Не могу же я перетащить к вам весь этот хлам.

— Кое-что можно отнести на чердак. Там у нас мансарда, — поспешила успокоить ее Далси. Правда, особой уверенности в ее голосе не было. В самом деле, трудно представить себе, что все это барахло можно затолкать в их мансарду.

— Ах, нет! Что вы! Об этом не может быть и речи! К тому же, вот отличный повод свести счеты с собственным прошлым и окончательно похоронить его.

Виола извлекла из кучи вещей на полу огромную испанскую шаль с бахромой и небрежно бросила ее на диван, слегка прикрыв неубранную постель.

«Интересно, какое прошлое должно быть у обладательницы столь экзотической шали», — мелькнуло у Далси.

— Отец купил эту накидку в подарок для мамы в Севилье, — пояснила Виола, словно прочитав

мысли Далси.

— Так трудно расставаться со всеми семейными реликвиями, — сочувственно начала Далси. — Переживаешь над каждой вещью, не правда ли?

Интересно, где же она собирается меня угощать? Никаких следов приготовления к ужину: ни посуды, ни самой еды. Или короткую реплику Виолы «О, я не планирую никаких особых изысков» надо было понимать буквально: изысков не будет вообще.

— Что ж, пора подумать и об ужине, — вторя ее мыслям, сказала Виола. — Я тут кое-что прикупила.

Она извлекла из дальнего угла комнаты корзинку с покупками. Далси увидела упаковки с названиями каких-то экзотических салатов, холодное мясо, фрукты, объемный пакет со свежайшими круассанами.

«Надо же! Истратила целую кучу денег на угощение, — подумала она с теплотой. — Впрочем, это так похоже на Виолу».

— А знаете, оказывается бывшая теща Элвина Форбса живет по соседству со мной, — не удержалась Далси поделиться своим только что сделанным открытием, когда они уже сидели за столом.

— Вот как? — не выказала особого любопытства Виола.

— Да, на Кедровой Аллее.

— И что там, скажите на милость, есть от него на этой самой Кедровой Аллее? — последние слова были произнесены с презрением в голосе. — Сами подумайте! Какое отношение имеет он к своей бывшей теще?

Далси обратила внимание на особую интонацию, с которой были произнесены местоимения: от него, он.

— Да, конечно… Но, с другой стороны… Откуда нам знать? А на почве чего у вас возник конфликт с хозяйкой? — круто поменяла она тему разговора.

— А, сущие пустяки! Она сообщила мне, что женщина, которая приходит к ней убираться, отказывается убирать мою комнату. Потому что, видите ли, здесь всегда беспорядок!

Далси мгновенно представила себе, как ее собственный дом тоже превращается в бедлам, и усилием воли заставила себя не глазеть по сторонам.

— И потом, у меня иногда засиживаются друзья допоздна. А однажды даже оставался мужчина на ночь.

«Интересно, кто это был? Неужели Элвин Форбс. Вряд ли». При всем желании Далси так и не смогла себе вообразить Элвина в подобном интерьере.

— Ну, ко мне в дом вы сможете приводить мужчин совершенно беспрепятственно, — проговорила она бравурным тоном. — Со мной ведь сейчас еще и племянница живет. Так что в отсутствии мужчин мы рискуем превратиться в настоящее женское царство. Как в каком-нибудь плохом романе, — поспешила она уточнить, ибо это и в самом деле было похоже на правду. — Давайте я помогу вам помыть посуду.

— Нет, спасибо! Я с этим сама управлюсь. Попозже. А сейчас кофе.

Кофе оказался превосходным. Они еще немного поболтали ни о чем, и Далси даже пожалела, что не прихватила с собой вязание. Горячий кофе, горящий камин, и две женщины, доверительно беседующие друг с другом. Точнее, одна говорит, а вторая внимательно слушает, старательно перебирая спицами.

— Для меня будет большим облегчением поскорее съехать отсюда! — неожиданно вырвалось у Виолы. — Я не могу жить так близко от него!

Впрочем, через пару минут выяснилось, что это все, что у нее есть сказать по поводу своих отно-

шений с Элвином. После конференции они с ним не виделись. Наверное, боль причиняло Виоле именно сознание того, что он где-то совсем рядом и одновременно так далеко от нее. Разговор иссяк сам собой.

— Мне пора, — робко проговорила Далси.

— Я провожу вас до остановки, — с готовностью подхватилась со своего места Виола. — Надо поторопиться. В это время автобусы ходят очень редко.

— Да, уже скоро десять, — Далси почувствовала себя неловко оттого, что ее так откровенно выпроваживают вон.

— А вы знаете, что у него брат священник? — поинтересовалась она у Виолы уже на улице.

— Да, какой-то заштатный викарий в таком же заштатном приходе в северной части Лондона.

— Интересно было бы побывать у него на службе, правда?

— Тише, прошу вас. Мы уже на Куинс-сквере! А вдруг он…

— Но у него же наверняка нет собаки, чтобы выгуливать ее в такое время!

— Причем здесь собака? А вдруг он просто вышел подышать свежим воздухом? Вот его дом! — почти шепотом проговорила Виола и

замолчала.

Дом производил самое внушительное впечатление. Свежая молочнокремовая окраска стен отсвечивала в лучах уличного фонаря. Начищенный до блеска медный дверной молоток в форме дельфина. Откуда-то изнутри доносились громкие взрывы хохота, несколько не гармонировавшие с респектабельным видом особняка.

— Слуги, как всегда, веселятся, — презрительно пробормотала Виола, кивком головы указывая на цокольный этаж. — Какое-нибудь развлекательное шоу смотрят по телевизору.

— Слуги? — недоверчиво переспросила Далси. — Разве в наше время обычные люди могут позволить себе роскошь иметь слуг?

— А почему нет? Элвин Форбс весьма обеспеченный человек. К тому же, судя по всему, слуги перешли к нему в комплекте вместе с домом. Его личные апартаменты располагаются на двух верхних этажах.

Как это часто случается в жизни, концентрация мыслей человека на одном и том же предмете заставляет сам предмет каким-то странным образом материализоваться и предстать перед ним уже из плоти и крови. Ибо в эту минуту парадная дверь дома распахнулась, и на крыльце появился

Элвин Форбс собственной персоной.

«А он здорово осунулся», — подумала Далси, разглядывая его домашний кардиган синего цвета, поношенные серые брюки и темно-бордовые шлепанцы. Надо проскочить незаметно, сделать вид, что они не заметили его. Или он сам не обратит внимания на двух прохожих женщин.

Но в этот миг раздался радостный возглас Виолы, а следом заговорил Форбс. И в его голосе Далси услышала нескрываемый ужас.

— О, какая приятная неожиданность! Виола! Мисс э-э-э…

— Манаринг! — пришла ему на помощь Далси.

— Ах, да! Разумеется! Мы ведь встречались с вами на конференции, если не ошибаюсь. Оказывается, вы моя соседка?

— Вовсе нет! — поспешила развеять его страхи Далси.

— Мисс Манаринг была у меня в гостях. Мы вместе поужинали, — тут же вмешалась в их диалог Виола. — Я здесь неподалеку снимаю квартиру.

«Сразу две неточности», — методично отметила про себя Далси. Едва ли их трапезу можно было назвать «ужином», а захламленную комнату — квартирой. И потом, к чему эта официальность? Мисс Манаринг! Словно речь идет о почтенной,

но безнадежно пожилой даме.

— А я вот вышел бросить письмо в почтовый ящик.

Никакого письма в его руке Далси не заметила.

— Мисс Манаринг торопится. Ей надо успеть на автобус, — нетерпеливо перебила наметившийся разговор Виола.

— О, да! Я ведь живу у черта на куличках! — шутливо проговорила Далси, с той нарочито приподнятой жизнерадостностью, с которой обычно обитатели городских окраин и пригородов комментируют свое постоянное место жительства.

— Понятно! — пробормотал Элвин, никак не отреагировав на адрес, который назвала ему Далси. Правда, на лице его тотчас же появилось задумчивое выражение. «Наверняка вспомнил про свою жену, которая обитает теперь на улице под кедрами», — подумала Далси.

— А вот и почтовый ящик! — воскликнул Форбс с нескрываемым облегчением и стал шарить в кармане своего кардигана. — А, черт! Кажется, я забыл письмо дома. Вот незадача! Придется возвращаться!

Они распрощались, и женщины пошли дальше.

— Вам не кажется, что внешности Элвина Форбса не хватает какой- то законченности? — вдруг сказала Далси. — Красив, как античный бог, как их ваяли в мраморе. И одновременно чего-то нет для полного совершенства. Такое впечатление, будто кто-то взял и испортил статую и специально притупил все черты лица в самый последний момент. Ой! Мой автобус! Я побежала!

— До свидания! — крикнула ей уже вдогонку Виола. — До пятницы.

А Элвин Форбс в это время занимался самым настоящим самоедством. Итак, он продемонстрировал полное отсутствие манер, корил себя он, поднимаясь к себе в кабинет за забытым письмом. Даже не изволил пригласить женщин в дом. Впрочем, мисс Манаринг едва ли приняла бы приглашение. Она ведь сказала, что торопится на автобус. Ей еще ехать и ехать, добираться на другой конец города. Вот ведь как! Оказывается, она живет неподалеку от его бывшей жены. Как интересно! Услужливое воображение тут же нарисовало ему унылый тещин дом с большими окнами, выходящими на огромный пустырь. Справедливости ради стоит признаться, что не всегда этот дом казался ему столь безнадежно унылым.

Он вдруг вспомнил, как впервые пришел в гости к Марджори вскоре после того, как они начали встречаться. Солнечный январский день, очаровательная каменная белка, изваяние которой красовалось в соседнем садике, хорошенькое личико Марджори, выглядывающее из-за кружевных гардин. С каким же нетерпением поджидала она его тогда к воскресному чаю. Да и он в те дни готов был ради нее на все. Он даже притащил ей белку, с трудом оторвав ее от земли в чужом саду. Некое проявление романтического безумства, встретившее полное непонимание со стороны будущей тещи, которая ошарашенно уставилась на это в высшей степени странное подношение, позаимствованное, к тому же, у ближайших соседей.

Нет, надо было все же пригласить их на чашечку чая. Или, быть может, даже на рюмку виски. И потом, в присутствии мисс Манаринг — о, господи! неужели у этой милой женщины нет нормального имени? — ему не так было бы страшно общество бедняжки Виолы. Снова плестись к почтовому ящику расхотелось. Отодвинув письмо в сторону, Элвин уселся за письменный стол и взял последний номер своего журнала, который предусмотрительно переслал ему на

дом заместитель.

— Вот они, некоторые проблемы редактирования текстов! — неожиданно для самого себя озвучил он слова, которые обычно привык лицезреть только в печатном виде. И добавил: — И редакторской работы тоже.

Впрочем, критерии самой работы стары как мир, и не подлежат обжалованию. Ни одна рецензия не должна превышать тысячи слов. Таковы общепринятые нормы, и его прямая обязанность — строго следить за их неукоснительным исполнением.

8

Возвращаясь домой, Лорел уже издалека увидела такси, стоящее у ворот. Шофер, недовольно бубня себе что-то под нос, выгружал на землю многочисленные чемоданы и баулы, а потом еще некоторое время перетаскивал их в дом. В холле она увидела тетю, которая возбужденно топталась вокруг высокой, немного растрепанной на вид женщины, сосредоточенно пересчитывающей деньги, чтобы рассчитаться с таксистом. «И пальто ее ярко-красного цвета явно нуждается в чистке», — не преминула отметить Марджори, с раздражением вспомнив, что это, должно быть, та самая постоялица, как ее там? — мисс Дейс, про которую ей говорила тетя. Да и сегодня за завтраком тетя напомнила ей, что вечером приятельница (можно ли называть ее просто Виолой?) перебирается к ним.

«Стопроцентная старая дева, страдающая всеми мыслимыми и немыслимыми комплексами, — беспристрастно подумала Лорел, вспомнив слова Далси о том, что ее подруга «переживает нечто вроде нервного срыва». — По всей видимости, жизнь преподнесла ей пару неприятных

сюрпризов. Ну, и что из того? А кому обещают легкую жизнь? Но ее всегда можно улучшить, — безапелляционно заключила девушка со всем максимализмом, свойственным юности. — Могла же эта мисс Дейс удосужиться хотя бы привести в порядок волосы на голове и отправить свое пальто в химчистку. Разве не так?»

— А вот и моя племянница Лорел! — воскликнула Далси, заметно нервничая. Она только что поставила в духовку запекать макароны с сыром и сейчас переживала из-за того, что еды может оказаться мало. Наверное, стоило соорудить что-нибудь на первое, открыть банку с тушенкой, а макароны подать в качестве гарнира. Правда, она успела уже заметить, что Виола ест очень мало. Да и потом, кто это наедается на ночь глядя? Ужин должен быть легким, обед — другое дело! Не станет же ее приятельница требовать, чтобы ее кормили мясом дважды в день.

А Виолу занимали совсем другие мысли. Еще в такси, меланхолично наблюдая за тем, как стремительно меняются цифры на счетчике, а за окном исчезают знакомые ей городские ландшафты, сменяясь лирическими сельскими пейзажами, она почувствовала непреодолимое желание постучать в стеклянную перегородку,

отделяющую ее от водителя, и попросить шофера отвезти ее обратно.

И вот теперь, стоя в холле чужого дома, она критически изучала свое новое место жительства. Что ж, дом вполне просторный. Французские окна открывали красивый вид на ухоженный сад. Прямо настоящая декорация для какой-нибудь пьесы из провинциальной жизни. Через полуоткрытую дверь в столовую ей был виден стол, накрытый к ужину. А рядом на низком серванте из мореного дуба (наверняка раритет эпохи короля Эдуарда) примостилось несколько хрустальных графинов. В одном из них на самом дне виднелось что-то темно-коричневое.

«Наверное, виски, — подумала Виола. — Или бренди, которое в этом доме берегут исключительно для медицинских целей».

— Не хотите ли взглянуть на свою комнату? — предложила Далси немного суетливым тоном. — Там остались висеть на стенах кое-какие старые картины. То есть я хочу сказать, не старых мастеров, а именно старые. Мама их очень любила. А ей они достались по наследству от ее матери.

— О, да! Иные времена, иные вкусы! — заметила Виола, с отрешенным видом разглядывая

картины. — Вы только посмотрите, как лучится благополучием эта дама по имени «Удача». Вся обвешана жемчугами, атлас, кружева. И это роскошное блюдо на столике рядом, наполненное виноградом и спелыми грушами. Да, все признаки процветания налицо!

— Но у самой дамы такое милое личико, — робко возразила Далси. — Мне она напоминает жену какого-нибудь парламентария из стана консерваторов в момент открытия благотворительного базара для бедных.

— И все же вот эта вторая дама по имени «Удары судьбы», у нее гораздо более современный и узнаваемый вид. Гладкие, прямые волосы, затуманенный взгляд. Сегодня в любом баре полно таких девушек.

— А вот ваша кровать, — перевела разговор Далси на более конкретные вещи. — Немного узковата, но очень удобная.

Виола придирчиво пощупала матрас, словно перед ней была не приятельница, по доброй воле согласившаяся приютить ее на некоторое время, а квартирная хозяйка, у которой она намеревается снять жилье.

— Да, все хорошо! — озвучила она после некоторой паузы свое решение остаться.

— Ванная комната в конце коридора. Приводите себя в порядок и спускайтесь вниз. Ужин уже готов.

«Само собой, на ужин в этом доме не предложат суфле из омаров», — раздраженно подумала Виола и, оставшись одна, жадно закурила, а потом принялась распаковывать вещи. Покончив с чемоданом, она отправилась знакомиться с ванной комнатой. Уютное, немного старомодное помещение: на полу слегка полинявший ковер с гирляндами из роз, ванна заделана панелями из красного дерева. На полке рядом стопка книг, некоторые под воздействием влаги и пара стали рыхлыми. Виола машинально взглянула на названия. Ого! «Братья Карамазовы», томики с поэзией Грея и Коллинза, любовные романы. Возле ванны на приставном столике стояла банка с чистящим средством и лежала губка. «Она что, совсем спятила? Ждет от меня, чтобы я чистила ванну, — закипела от негодования Виола. — Конечно, сполоснуть после себя — это само собой, но шаровать это старое корыто губкой! Увольте!» Она спустилась вниз к ужину, все еще исполненная праведного гнева, словно только что выполнила всю докучливую процедуру приведения ванны в надлежащий порядок, которую

пока представила себе только в мыслях.

— По-моему, там есть немного шерри, — Далси показала рукой на графин. Она никак не могла взять в толк, почему у ее постоялицы такой раздосадованный вид. — Не хотите?

— Пожалуй, не откажусь!

— У нас сегодня на ужин макароны с сыром, холодное мясо и салат. Ну, как шерри?

— Вообще-то, это виски. Но это даже к лучшему.

— Ах, простите ради бога! Совсем из головы выскочило! Это же папин графин! Он действительно всегда хранил в нем виски. Может быть, воды? Или содовой?

«Нет уж, — презрительно подумала Виола, отклоняя предложение Далси. — Бывают случаи, когда лучше всего хлебнуть неразбавленного виски». Интересно, сколько времени она сможет вынести все это? Вялый светский разговор ни о чем, а рядом молчаливая племянница, с критическим видом поглядывающая на двух «старух» с высоты своих восемнадцати лет.

«Вот пусть и милуются друг с другом, — размышляла между тем Лорел. — А я при первой же возможности перееду к Мэрион. Сразу же, как только в ее доме появится свободная квар-

тирка!»

«Боже! Какой ужас! — корила себя Далси. — Уже три года, как папы нет в живых, а этот графин с остатками его виски, как стоял, так и стоит. Дом, в котором есть что выпить, но только никто не пьет. О таком ли доме мечтала она в свое время? Завтра же надо будет зайти в винную лавку и заказать вино. Или оставить все, как есть? А если Виоле потребуется горячительное для того, чтобы расслабиться, то пусть балуется с бутылкой у себя в комнате».

— Предлагаю помыть посуду до того, как мы приступим к кофе! — предложила она сразу же после ужина. — Не люблю оставлять после себя беспорядок.

— Делайте, как знаете, — устало согласилась с ней Виола, которая по своему обыкновению предпочла бы просто сгрузить все в раковину до утра. Да и вообще, она с трудом представляла себя за мытьем тарелок.

Лорел сразу же после ужина ретировалась к себе, и вскоре из ее комнаты понеслись мелодии в современных ритмах. «А чем же они с Виолой станут развлекать себя, — уже в который раз подумала Далси, мельком взглянув на свою гостью, которая сосредоточенно вытирала досуха

серебряные приборы. — Да и нужно ли им общество друг друга, в конце концов? Сумеют ли они поладить, хотя бы на тот короткий промежуток времени, на который судьба свела их вместе?» Она молча склонилась над раковиной, проронив вслух:

— Как насчет завтрака? Что вы предпочитаете?

— О, я никогда не ем по утрам! Спасибо! Обойдусь чашечкой чая у себя в комнате. Там, по-моему, есть газовая горелка.

— Хорошо! Тогда я сейчас же дам вам все принадлежности, — проговорила Далси, переведя вздох облегчения. Одной обузой меньше.

— У меня сейчас полно работы. Думаю, я не стану слишком часто докучать вам своим присутствием.

— Какие-то срочные дела?

— Да. Элвин попросил меня помочь ему с классификатором для его новой книги.

— Вот как?

Далси почувствовала невольный укол ревности и тут же разозлилась на себя за подобное ребячество.

— Я ему вообще много чего делала для этой книги, — подлила масла в огонь Виола.

— Надеюсь, не бесплатно? — небрежно поинтересовалась Далси, старательно пряча за будничностью интонаций самую обыкновенную зависть.

— О деньгах не может быть и речи! — отрезала Виола, вовсе не горя желанием рассказывать о том, как все было на самом деле. Это она сама навязалась Элвину в помощницы, столкнувшись с ним вчера на ступеньках Британского музея. Она так горячо предлагала ему свои услуги, что Форбс был вынужден уступить.

— Ну, тогда он обязательно упомянет о вашем вкладе в предисловии, напишет какие-нибудь прочувствованные слова благодарности и признательности «за неоценимую помощь» и все такое, — предположила Далси миролюбивым тоном. — А почему вы, кстати, не сказали мне об этом раньше, когда я была у вас?

— Да я сама узнала об этом только вчера.

— Как… замечательно! — резким движением Далси перекрыла кран и принялась сосредоточенно мыть раковину. — Вы все еще… влюблены в него?

Ответа не последовало.

— Да! Вы все еще его любите! Не могу себе представить более утомительной и однообразной

работы, чем классификация научной литературы. Такое по доброй воле можно делать только для того, кого любишь. Или для того, кого любил в прошлом, а потом разлюбил.

— Есть люди, которых можно любить всю жизнь и никогда не разлюбить. Элвин как раз из их числа.

— Знаете, порой мне кажется, что у каждого мужчины есть такая женщина, которая ни при каких обстоятельствах его не разлюбит. Даже если он — самое недостойное создание на свете! — Далси вдруг вспомнила своего бывшего жениха. Слава богу, его-то она уж точно разлюбила. — И потом, в подобных случаях совсем не важно, любят ли тебя или нет. Главное, что тебе позволительно любить самой. Вы понимаете, о чем я?

— Извините! — немного смущенно пробормотала Лорел, входя в кухню. — Я не хотела вам мешать. Но мне надо молоко. Хочу сварить себе немного кофе.

— Возьми начатую бутылку в холодильнике, — сказала Далси, переходя на свой обычный тон заботливой старой тетушки. — А вы, Виола? Надеюсь, сегодня вы не откажетесь от чашечки кофе вместе со мной? Или вы хотите приступить

к работе прямо сейчас?

9

Только в ноябре Далси удалось, наконец, выкроить время, чтобы осуществить задуманное мероприятие: посмотреть на дом миссис Виллитон на Кедровой Аллее. Был промозглый осенний день, тускло-серое небо без малейших признаков солнца, голые деревья вокруг, пожухлая листва под ногами. Далси бодро шагала по пустырю в своих удобных башмаках без каблуков и жалела только о том, что у нее нет собаки. Пес придал бы ее необычной прогулке более осмысленный характер. Вон как у тех двоих: поджарые молодые люди носятся наперегонки со своими четвероногими любимцами. Подойдя поближе, она увидела, что хозяева собак уже далеко не юноши, и это открытие тоже почему-то не прибавило ей хорошего настроения. Пожилые джентльмены, в свою очередь, с откровенной подозрительностью стали разглядывать незнакомку, шляющуюся в такую погоду по пустырю и без всякой видимой на то цели. Они даже начали переговариваться вполголоса между собой, явно прохаживаясь на ее счет. «Интересно, чем это я им не угодила», — подумала Далси, поплотнее запахивая полы

дождевика. Как предусмотрительно с ее стороны было облачиться в непромокаемый плащ. Первые капли дождя уже упали на землю.

На противоположной стороне пустыря Далси увидела ряд жилых домов. Если она правильно сориентировалась по карте, то это и есть та самая Кедровая Аллея — конечная цель ее поисков. К счастью для нее, на фасаде дома по соседству с коттеджем миссис Виллитон красовалось внушительных размеров объявление «Продается», что хоть как-то оправдывало ее появление здесь. Она стала с деланным вниманием рассматривать дом, выставленный на продажу. Дом, как дом, ничего особенного. Разве что забавная скульптура, установленная в палисаднике: каменная белка, трогательное в своей беззащитности создание, которое скульптор изваял во весь рост. Белка опиралась на кусок гранита, подперев подбородок передними лапками, и вся ее поза являла собой красноречивый призыв о помощи. Далси украдкой взглянула на соседний дом: там во всю кипела жизнь. Постоянно хлопали парадные двери, какие-то дамы с хозяйственными сумками и увесистыми свертками уверенным шагом поднимались на крыльцо и тут же исчезали за дверью.

— Прошу прощения! — услышала Далси у себя

за спиной. — Это ведь дом миссис Виллитон, где и состоится запланированное мероприятие, не так ли? Надеюсь, мы не опоздали. Ума не приложу, куда запропастилась визитка, на которой указано время начала. Видно, я оставила ее дома. Поторопимся же!

— Да, с визитками всегда так: вечно они теряются в самый неподходящий момент, — пробормотала Далси, несколько сбитая с толку приглашением незнакомки последовать за ней. А с другой стороны, почему бы и нет, коль у миссис Виллитон запланирована какая-то многолюдная акция.

— Наверняка они устроят все в гостиной. Это ведь самая большая комната в доме! — продолжала щебетать дама, уверенно шагая вперед. — Я тоже прихватила с собой кое-что, пару самодельных вещиц. Хотя, насколько мне известно, они там не планируют распродажу в привычном смысле этого слова. О, слава богу, мы еще не опоздали! Начало у них в половине четвертого, а не в три.

Далси взглянула на самодельное объявление, прикрепленное к парадной двери, на котором большими буквами было написано следующее: «БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЙ БАЗАР. СБОР СРЕДСТВ В

ФОНД ПРИОБРЕТЕНИЯ ОРГАНА ДЛЯ ПРИХОДСКОЙ ЦЕРКВИ».

Какая жалость, что она не знала об этом заранее и явилась сюда с пустыми руками. Разве что метнуться к соседнему дому и прихватить с собой скульптуру белки? Впрочем, коль она пришла без своего товара, то что же мешает ей купить чужой?

— А вот и вы, мисс Велком! Добро пожаловать! Рада вас видеть! — певуче приветствовала ее спутницу маленькая, кругленькая женщина.

— Ах, как это мило с вашей стороны, миссис Виллитон, предоставить свой дом для проведения базара! — не осталась в долгу мисс Велком, так удачно обозначив для Далси именно ту даму, которую она желала лицезреть собственными глазами.

— Ну, речь ведь идет не о совсем обычной распродаже, вы же знаете, — улыбнулась хозяйка и повернулась к Далси. — Вы недавно в нашем приходе?

— Нет! Не совсем! — растерялась в первый момент Далси. — Дело в том, что я проходила мимо… увидела объявление на дверях вашего дома и решила взглянуть, что и как. Я, знаете ли, просто обожаю всяческие распродажи… И потом,

цель акции — покупка органа, тоже не оставила меня равнодушной.

— О, да! — понимающе кивнула головой миссис Виллитон. — Мы у себя уже давно решили, что мистеру Льюису просто необходим новый инструмент. Если б вы только слышали, с какой замечательной проповедью он выступил в минувшее воскресенье! Изумительно! Но я должна вернуться к своему прилавку. Там уже тьма народу. Мне нужно помочь своей девочке. Вы ведь, надеюсь, в курсе того, что у нас произошло? — доверительным тоном поинтересовалась хозяйка у мисс Велком. — Впрочем, я с самого начала знала, что этим все и кончится!

Далси тихонько отошла в сторону, не веря своему счастью. Надо же! В один день увидеть сразу двоих. «Девочка», то есть жена Элвина Форбса, — это, несомненно, вон та светловолосая молодая женщина в костюме цвета фрез, которая суетится за одним из столов, превращенных на время в прилавки. «Мила, вот только прическа у нее несколько легкомысленная, чересчур молодежная, что ли», — подумала Далси, подойдя поближе. На расстоянии ей можно дать не более двадцати пяти, но вот при более тесном контакте видно, что женщина тянет уже на все тридцать

пять.

— Какая прелестная безделушка! — нарочито экзальтированно воскликнула Далси, подхватив с прилавка фаянсовую статуэтку: маленький ослик, впряженный в такую же крохотную тележку. — Сразу видно, что люди принесли сюда не просто ненужный им хлам.

— Да, очень славная! — моментально согласилась с ней Марджори Форбс. — Верно! Ради такого благого дела многие с легкой душой расстались со своими маленькими сокровищами.

Далси так и не поняла, была ли последняя фраза произнесена с иронией, или же жена Элвина вполне искренне и на полном серьезе нахваливала столь ужасную безвкусицу.

— О, да это, оказывается, не просто статуэтка, а статуэтка-календарь! — продолжила свой осмотр Далси. — Весьма полезная вещь в хозяйстве. Пожалуй, я ее куплю.

«И кому, интересно, я вручу сей шедевр в качестве подарка, — подумала Далси, протягивая полкроны жене Элвина. — Разве что мисс Лорд, которая просто обожает подобные безделушки. Но у той, скорее всего, уже не меньше дюжины таких же календариков».

Сейчас заверну для вас покупку! — стала бес-

толково возиться с бумагой Марджори.

— Ах, не беспокойтесь! Она вполне вместится в мою сумку.

— Да? Ну, если так, — с явным облегчением в голосе согласилась с ней женщина, моментально оставив свои неумелые попытки запаковать вещицу.

Она протянула ослика Далси, и та, мельком взглянув на ее руки, сразу же отметила две вещи: бывшая жена Форбса все еще носит обручальное кольцо и у нее очень неухоженные ногти. «А ведь он взял себе в жены девушку вовсе не из своего круга, — подумала Далси. — Но почему? Что его заставило?»

— Вон там за столиком есть чай, — снова подошла к ней мисс Велком. — Берете тарелку, накладываете на нее выпечку по собственному выбору, а потом платите за то, что взяли. Правда, здорово придумали?

— О, да! Почти как в жизни! Тоже сам делаешь свой выбор, а потом платишь за то, что имеешь.

— Очень остроумно! — добродушно рассмеялась ее собеседница. — Вы, нынешние молодые, все такие умные. Право же, вы гораздо, гораздо умнее, чем были мы в ваши годы.

— Зато вы были счастливее нас.

— Не думаю! Хотя во времена моей молодости жизнь была проще, это уж точно. Да и серьезности у нас было побольше. Ответственности за свои поступки тоже. Вот подумайте сами! — мисс Велком оглянулась по сторонам и зашептала на ухо Далси. — Она ушла от мужа! Невероятно!

— Да, но почему? Неужели он…

— Именно! Полагаю, самый настоящий распутник!

В первый момент Далси захотелось рассмеяться. Какое нелепое определение, и слово устаревшее, совершенно выпавшее из современного языка. Так можно сказать про персонажа какой-нибудь итальянской оперы. Например, про Герцога из «Риголетто».

— А что он сделал? — сказала она вслух и тут же поправила себя. — То есть я хочу сказать, чем он занимается?

— О, он — какой-то там литератор. А вы же знаете, какие нравы царят в этой среде. Вот я недавно прочитала книгу про лорда Байрона…. Тихий ужас!

— Ну, подобные экстравагантности все же скорее исключение из правила, чем само правило. Однако мне пора, прошу простить меня. Приятно было познакомиться.

На улице было уже совсем темно, и Далси благоразумно решила не тащиться под моросящим дождем через пустырь, а пойти к ближайшей автобусной остановке.

А ведь замешкайся она в доме еще на каких-то пару минут, и могла бы столкнуться носом к носу с самим Элвином Форбсом. Потому что едва она завернула за угол, как в дальнем конце улицы показалась его фигура. Форбс явно торопился, а в руке он держал огромный букет хризантем, который купил по пути, в цветочном киоске на выходе из подземки. Букет был громоздким, да и стоил недешево. Но Элвину было неловко появляться в доме бывшей тещи с пустыми руками. Конечно, Марджори предпочла бы что-нибудь менее помпезное: скромный букетик фиалок или какой-нибудь экзотический кактус в миниатюрном горшочке. Но интуитивно Форбс понимал, что в нынешней его ситуации подобные дары будут явно неуместными. Для визита в дом миссис Виллитон ему нужно что-то более величественное и торжественное. Да и подношение-то рассчитано, в первую очередь, на мать и только уже потом — на ее дочь.

В конце концов, это тоже вполне определенный жест, демонстрирующий, что да! в чем-то он был

неправ. Только вот в чем? Он ведь с самого начала прекрасно отдавал себе отчет в том, что Марджори никогда не будет всерьез интересоваться его работой. Поначалу наивно-восторженный вид, с которым она слушала разговоры об искусстве, его даже трогал: эдакая послушная жена, пай-девочка, завороженно ловящая каждое слово своего умного мужа. А еще она так разительно отличалась от всех этих рафинированных и элегантных дам, с которыми он привык беседовать на профессиональные темы.

По иронии судьбы именно одна из таких дам, Виола Дейс, и стала причиной его разрыва с женой. Форбс слегка поморщился, вспомнив слезы Марджори, ее несправедливые упреки, и то, как она, лихорадочно побросав свои вещи в чемоданы, вызвала такси и, несмотря на все его уговоры, укатила прочь, к матушке.

Ну, и в чем его вина, в конце концов? Элвин слегка прищурился, словно пытаясь разглядеть в сгустившихся сумерках дом бывшей тещи. Вот он поравнялся с соседским коттеджем, машинально отметив боковым зрением, что скульптура белки по-прежнему красуется на своем привычном месте. Увидев табличку, сообщающую о том, что дом выставлен на продажу, он с грустью подумал,

что уже совсем скоро новые хозяева отправят белку на свалку вместе со старым линолеумом из прихожей и прочим хламом, оставшимся в доме от прежних владельцев. Далее события разворачивались точь-в-точь, как это случилось с Далси. Он услышал за своей спиной незнакомый мужской голос.

— Вы не подскажете, где здесь дом под номером тридцать семь?

— Да вот же он! Соседний дом, — Элвин взмахнул рукой в сторону дома Марджори. — Видите, какой красивый кедр там красуется возле парадного входа?

Щуплый молодой человек издал виноватый смешок.

— Надеюсь, я не слишком опоздал. Ведь уже скоро пять.

Сказать по правде, кедр он перед домом не приметил, лишь какое-то голое дерево, издали смахивающее на абрикосовое.

— Опоздали к чаю? — вежливо поинтересовался у него Форбс. «Интересно, и что это за гость, — рассеянно подумал он. — Скорее всего, кто-нибудь из прежних приятелей Марджори, с которыми она общалась до замужества».

— Да, и к чаю тоже. Но, прежде всего, опоздал

на благотворительный базар.

— Ах, вот оно что! — удивился Элвин и тут же заметил объявление на двери. Подошел поближе и стал внимательно изучать его. В хорошенький переплет попал бы он, заявившись с визитом в самый разгар благотворительной акции, нацеленной на сбор средств для покупки нового органа. В доме, поди, полно женщин всех возрастов. А тут он со своим нелепым букетом.

— Дело в том, что я — органист, — продолжил свои пояснения незнакомец. — А потому я просто обязан показаться дамам на глаза в такой вечер. Думаю, мое отсутствие может быть истолковано как самое элементарное неуважение и даже вызов с моей стороны.

— О, да! — с легкой иронией в голосе прокомментировал Элвин последнюю реплику. И тут же представил себе, с каким энтузиазмом набросятся все собравшиеся на молодого органиста, стоит тому только появиться в холле. И наверняка этот юноша будет чувствовать себя как рыба в воде среди этого пестрого женского цветника. Все церковники обучены непринужденному обхождению с дамами. Вот и его старший брат Невил, чем не пример для подражания?

Элвин вежливо раскланялся с молодым че-

ловеком и проследовал дальше. И куда сейчас, позвольте спросить, девать эти дурацкие хризантемы? Какое-то мгновение он молча раздумывал, а потом вдруг вспомнил, что где-то поблизости в этих местах обитает Виола Дейс. У него даже ее новый адрес записан. Бедняжка! Она так жаждала помочь ему с библиографией для новой книги, а он никак не отблагодарил ее. Сейчас же он поймает такси и отвезет цветы прямиком к ее новому местожительству, вручит их горничной или кто там откроет ему дверь и попросит передать цветы ей. И все! Никаких неловких и ненужных встреч!

Далси, возвращаясь к себе домой с автобусной остановки, издалека увидела, как на их улицу свернуло такси, но она и подумать не могла, что это к ним. «Наверное, миссис Белтон после своего изматывающего марш-броска по магазинам», — решила она.

Между тем Элвин, нажав на дверной звонок, стал терпеливо дожидаться, пока ему откроют. Дверь открыла молоденькая темноволосая девушка в обтягивающих черных брючках и ярко-желтой водолазке.

— Ой! — по-детски растерялась Лорел, увидев перед собой красивого незнакомца с огромным

букетом хризантем. — А тети нет дома!

«Наверняка ошибся домом», — подумала она про себя.

— Собственно, я хочу передать вот это для мисс Дейс, — смутился Элвин при виде хорошенькой девочки. — Надеюсь, я попал по адресу. Так глупо с моей стороны явиться сюда…

— О, да! Все правильно! Она здесь живет, но сейчас ее тоже нет дома. Проходите, пожалуйста. Думаю, она скоро должна появиться.

— Нет-нет! Благодарю вас. Разве что позвольте мне черкнуть пару строк.

Он вошел в холл, извлек из бумажника визитку и на какое-то мгновение задумался. Ну что обычно пишут женщинам в знак благодарности за помощь при составлении библиографии, а? Наверное, этого будет достаточно: *«С благодарностью за все, что вы делаете для меня. Э. Ф.»* Лучше бы он с ней деньгами рассчитался в свое время, как, кстати, и настоятельно предлагал. А тут вот букеты, цветы. По иронии судьбы Элвин Форбс уже начисто забыл, для кого же изначально предназначался сей роскошный дар.

Лорел с трепетом взяла протянутые ей цветы.

— Я обязательно передам! Не волнуйтесь!

Какая милая девочка! И как она прелестна с

этой охапкой роскошных хризантем. Как это там у Пруста? Под сенью девушек в цвету. Очень поэтично! Зато сам он нелеп! Вваливается в прихожую какого-то дома на окраине города с какими-то цветами и уже почти не прочь приударить за хорошенькой крошкой.

— Благодарю вас! — промямлил он. — До свидания.

Оставшись одна, Лорел первым делом внимательно изучила карточку. Так вот он, этот знаменитый Элвин Форбс! А он очень даже ничего! В такого мужчину влюбиться — пара пустяков! Она еще раз прочитала адрес, указанный на визитке. Куинс-сквер. Что ж, очень скоро, в обозримом будущем, она станет жить совсем рядом с ним, можно даже сказать, по соседству. И что такого, интересно бы знать, делает для него эта мисс Дейс? Неужели библиографические справки тянут на такие роскошные подношения?

10

Далси столкнулась с Элвином почти у самой калитки, но он, естественно, не узнал ее в темноте и торопливо прошмыгнул мимо. «Вот и чудненько», — подумала Далси, ни капельки не расстроившись, что столь желанная встреча не состоялась. Ей вполне хватило впечатлений от встречи с женой Форбса и его тещей. Пожалуй, троих за один вечер она бы уже не вынесла.

В последующие дни Далси была вынуждена часами выслушивать медитации Виолы на тему «Цветы от Элвина»: нескончаемые монологи о том, как все это важно и какое судьбоносное значение имеет этот куртуазный жест с его стороны для дальнейшего развития их отношений. Постепенно Далси начала ощущать себя самой настоящей наперсницей из какой-нибудь классической пьесы. Таких замшелых старух полным- полно в трагедиях Корнеля или Расина. Правда, она с трудом вспоминает сюжеты сих пьес, читанных ею еще в школе. Но общий рисунок роли полностью совпадал с тем, что предлагалось ей. Разумеется, она старалась не думать о собственных чувствах и о той волне ревности, которая поднялась в ее

душе при мысли о том, что, вполне возможно, Элвин Форбс видит в Виоле не только компетентного специалиста-библиографа. В самом деле! Разве расплачиваются за библиографические изыскания столь роскошными цветами, которые наверняка стоят кучу денег? Нет, такие букеты дарят своим возлюбленным пылкие любовники, но уж никак не коллеги по работе, желающие выразить свою дежурную благодарность.

Впрочем, никакого решающего поворота в отношениях этих двоих так и не случилось. Несмотря на цветы, а, быть может, именно из-за них Элвин не сделал ни малейшей попытки увидеться с Виолой. А та безвылазно сидела все вечера в своей комнате, занимаясь корректурой очередного научного опуса. Более того, насколько Далси могла судить, Форбс даже ни разу не позвонил ее постоялице. В свою очередь, она тоже не стала рассказывать приятельнице о своей встрече с Марджори Форбс. Наверняка Виолу шокировали бы подробности того, как она очутилась в доме бывшей жены Элвина, воспользовавшись в качестве предлога проводимым там благотворительным базаром.

Так прошло две недели. Однажды утром Далси сидела на кухне в ожидании мисс Лорд, которая

как раз заканчивала убираться в комнате Виолы, чтобы потом угостить ее чашечкой свежего кофе.

Вскоре появилась и сама мисс Лорд: она тащила перед собой вазу с уже изрядно пожухшими хризантемами.

— Думаю, их пора уже выбросить вон. Как считаете, мисс Манаринг?

Далси замялась в нерешительности. С одной стороны, букет уже давно потерял свой товарный вид, но, с другой, кое-какие из хризантем еще не совсем увяли. Просто нужно обобрать пожелтевшие листья и по-иному скомпоновать цветы.

— Боюсь, мисс Дейс не поймет нас, если мы выбросим цветы без ее разрешения. Оставьте их здесь. Я сама поменяю воду и отнесу вазу наверх.

— Я вообще считаю вредным для здоровья держать цветы в комнате, где ты спишь, — не сдавалась прислуга. — И вообще, доложу я вам, мисс Дейс — такая неряха! Вечно у нее кавардак. Разумеется, я не обязана собирать за ней вещи, которые она разбрасывает повсюду. Но скажите мне, как в таком случае навести в комнате порядок, а?

— Обязательно поговорю с ней! — клятвенно пообещала служанке Далси и тут же диплома-

тично перевела разговор на другое.

Ближе к полудню доставили утреннюю почту. На коврике перед входной дверью лежали два конверта лицевой поверхностью вниз, словно застыв в ожидании, когда же их поднимут и прочитают адреса, чтобы узнать, откуда они и от кого. Как всегда в доме, где уже давно отучились получать любовные послания, при виде писем Далси испытала легкое чувство тревоги. Что в них? Но, подняв конверты с пола, она перевела облегченный вздох. В одном находился каталог известной торговой фирмы, занимающейся продажей товаров по почте. В другом — приглашение на вернисаж в одну из частных галерей, где планировалась экспозиция художника, чье имя ни о чем не говорило Далси. Разве что адрес самой галереи: респектабельная Бонд-стрит, славящаяся обилием частных галерей и выставочных залов. Да ведь это же та самая галерея, в которой трудится ее бывший жених Морис. Судя по всему, он и позаботился о том, чтобы пригласить ее на открытие. «Неужели ему кажется, — подумала она с негодованием, что после всего, что произошло между ними, она воспользуется его любезностью и отправится на выставку?» В первую минуту она даже вознамерилась разорвать приглашение

на мелкие части, но потом остудила свой пыл. Вполне возможно, Морис даже не в курсе того, что устроители выставки отправили ей приглашение. Скорее всего, он и работу уже успел сменить. Просто ее имя и фамилия значатся в списке постоянных посетителей. Вот ее и включили автоматически в число приглашенных на вернисаж гостей.

Вечером она показала приглашение Виоле.

— Можете воспользоваться, если хотите, — предложила она подруге. — У меня что-то нет особого настроения ходить по выставкам.

— А я, пожалуй, схожу. Обожаю закрытые просмотры в частных галереях. Там всегда можно увидеть что-то забавное. Давайте все же сходим вместе.

— Ну, разве что за компанию, — неохотно согласилась Далси, представив себе бесцельное шатание по полупустым залам. И потом, перспектива столкнуться с Морисом, даже случайно, все еще пугала ее. Но, наверное, такая встреча, случись она на вернисаже или в любом другом месте, пошла бы ей только на пользу, придала бы уверенности и, в конце концов, быть может, даже прояснила ответ на столь мучительный для нее вопрос: «И как я только могла полюбить такого

человека?»

За столиком у входа в просмотровые залы сидела молодая женщина, чем-то похожая на саму Далси. Такая же светловолосая, высокая, но гораздо более ухоженная. Она словно спорхнула с обложки глянцевого журнала: безукоризненный макияж, красивая прическа, голубые тени, умело подчеркивающие синеву глаз, нежно розовый лак ногтей. «Вот что бывает с людьми, которые постоянно следят за собой», — огорченно вздохнула Далси. На столике лежала стопка свежих каталогов, а рядом — книга записей. Далси машинально пролистала несколько страниц, обнаружив несколько знакомых имен. Критики, искусствоведы, вот только имени Элвина Форбса она среди них не нашла. Да и с какой стати ему здесь быть? Насколько ей известно, проблемы современного искусства не слишком занимают ученого филолога.

— Ну, что? Приступаем к осмотру экспозиции? — бодро предложила ей Виола.

— О, господи! — снова не удержалась от вздоха Далси, увидев стены, снизу доверху увешанные полотнами, испещренными самыми разнообразными геометрическими конструкциями, преимущественно, в грязновато-серых тонах.

— Ага! — сверилась Виола с каталогом. — В этом зале представлены последние работы художника. Может, начнем осмотр с его ранних полотен? Соблюдем, так сказать, хронологическую последовательность, как считаете?

— Пожалуй, вы правы, — согласилась Далси, тоже глянув в каталог. — В ранних картинах есть хоть какое-то подобие сюжета. Вот, например, черно-белая кошка, держащая лимон в лапах. Или этот натюрморт: лук, перец, батарея винных бутылок на фоне окна, за которым виднеется кромка воды и лодки на берегу. Наверное, он все же хороший художник, как думаете? Вот только что заставило его отказаться от привычных сюжетов и переметнуться на абстракции?

— Просто мастер уже устал от цветовой палитры в привычном понимании этого слова, — с видом знатока обронила дама, стоявшая неподалеку. — Вот он и решил поэкспериментировать с новыми формами и непривычной для всех гаммой.

— А сам художник присутствует на вернисаже? — поинтересовалась у нее Далси.

— Да! Вон стоит молодой человек в пестрой тенниске. Это он и есть.

Далси бросила мимолетный взгляд в ту сторо-

ну. «Боже, как надоели все эти молодые гении, начинающие писатели и художники, — подумала она с некоторым раздражением, — которые появляются на публике именно в том образе, которого от них и ждут». Впрочем, покажись он среди своих геометрических закорючек в строгом деловом костюме или в смокинге, и вид у него был бы еще более забавный.

— Надеюсь, экспозиция имеет успех, — проговорила она задумчиво. — И молодому человеку удалось продать хоть что-то из того, что здесь выставлено.

Она машинально скользнула взглядом по полотнам, отыскивая глазами красную звездочку в углу рамы — знак того, что картина уже продана. Ужасно, если таковых нет. Тогда придется поддержать беднягу морально и материально и купить, хотя бы из чувства жалости, ту черно-белую кошку. А что? Она совсем не дурна!

— Да! В этом зале я уже нашла три проданные картины, — тут же сообщила ей Виола. — Думаю, абстрактных полотен куплено еще больше. Взгляните вон туда! С вами явно хотят поговорить!

Встреча, которой так боялась Далси, случилась столь неожиданно, что она не успела даже испугаться.

— О, привет, Морис! — с удивлением услышала она свой непривычно жизнерадостный голос. — Рада видеть тебя!

Далее последовала короткая процедура представления Мориса и Виолы друг другу, и последняя мгновенно просияла при виде столь импозантного молодого человека.

— Вы знаете, мы просто теряемся в догадках, пытаясь определить ценность этих живописных полотен, — кокетливо сообщила она Морису, и тот немедленно принялся с присущей ему обстоятельностью объяснять ей, в чем именно состоит непреходящее значение последних работ молодого мастера.

Далси специально отстала, давая возможность этим двоим в полной мере насладиться разговором о проблемах высокого искусства. «Поразительно, — размышляла она, плетясь следом, — как я могла влюбиться в Мориса. Что я в нем нашла?» Впрочем, чему же удивляться? Ее бывший жених — из той породы красавчиков, которые нравятся всем. Стройный шатен среднего роста, с мелкими, но безукоризненно правильными чертами лица, на котором застыло всегдашнее выражение мягкости и покорности. Только в глубине серых глаз кроется нечто такое,

что заставляет подумать о том, что ты имеешь дело с жестким, а быть может, даже и с жестоким человеком. На пальце Мориса она разглядела массивный перстень-печатку. «Ба! Неужели мы снова обручены?»

— Не ожидал встретить тебя здесь — повернул он голову в ее сторону, пока Виола занялась созерцанием очередного шедевра с рассеянным видом женщины, которую ведет по залам столь притягательно красивый экскурсовод, который к тому же еще предусмотрительно указывает, на что следует обратить внимание в первую очередь.

— Вот как? — с деланным удивлением спросила Далси. — А мне, между прочим, прислали специальное приглашение на вернисаж. Я даже, было, подумала, что это ты позаботился.

— Я? Нет, что ты! Разве я мог? В сложившихся обстоятельствах…

Он оборвал себя на полуслове и принялся внимательно изучать свои ногти.

— Неужели ты вообразил, что мне все еще очень больно будет видеть тебя? Напротив! Я всегда знала, что такая неожиданная встреча пойдет нам только на пользу. Так оно и вышло.

— Эта дама… твоя приятельница, она живет у тебя сейчас?

— Да! Славная женщина, и мы с ней хорошо ладим.

«Интересно, — подумала она про себя, — можно ли рассматривать

такой вариант общежития как равноценную замену законному браку. Например, супружескому союзу с Морисом». Чувство одиночества нахлынуло на нее с новой силой. Она рассеянно вслушивалась в бравурные речи Мориса, который уже на полном серьезе предлагал в ближайшем будущем пообедать вместе. Удивил энтузиазм Виолы (чудесная мысль! обязательно!), моментально оценившую всю перспективность такого предложения.

— Не заглянуть ли нам в буфет? — предложила она Виоле, когда они, наконец, распрощались с Морисом. — Как вы думаете, у них подают чай?

— Чай — да, а вот никаких аперитивов не видно, — ответила Виола, озираясь по сторонам.

— Здесь не видно не только аперитивов, — вяло пошутила Далси. — Здесь, по-моему, вообще ничего не видно. Ой! — непроизвольно схватила она за локоть свою спутницу. — Взгляните вон на того священника! Поразительно похож на Элвина Форбса. Наверное, это его старший брат.

Виола посмотрела в указанном направлении.

Священник внимательно рассматривал полотно, на котором были изображены какие-то прямоугольные загогулины, судя по замыслу, цветы, которые были помещены в такой же прямоугольный обрубок, являющий собой вазу.

— Знаешь, Уилкинз, — проговорил он с добродушным смешком, обращаясь к художнику. — Вот этот свой шедевр ты точно сотворил, встав по утру не с той ноги.

Дружный смех сопровождающих подтвердил верность его догадки, и художнику не оставалось ничего иного, как присоединиться к общему смеху.

Завершив осмотр экспозиции, священник направил свои стопы в сторону буфета.

— Идемте же за ним! — неожиданно проявила прыть Виола. — Я тоже уже хочу чая.

По счастью, в буфете сыскался свободный столик совсем недалеко от того, за которым расположился дородный священнослужитель. Он действительно был очень похож на Элвина. Удивило, что вместо традиционного чая священник заказал кофе и несколько пирожных, обильно украшенных взбитым кремом.

— Вы только посмотрите на него! — не преминула съязвить Виола. — Вместо того чтобы

предаваться благочестивым мыслям о вере или коротать время на заседании какого-нибудь теологического общества, он шляется по всяким вернисажам и ублажает себя невероятным количеством пирожных. Хорошенький пример подает он своей пастве! Ничего не скажешь!

Впрочем, не священнослужитель занимал сейчас мысли Виолы. Ее просто распирало от любопытства по поводу Мориса.

— Какой приятный молодой человек, этот ваш знакомый! И где вы его только прятали все это время?

— Нигде я его не прятала. Скорее, он сам прятался, — Далси сделала еще одну неудачную попытку пошутить. — Дело в том, что мы с ним были помолвлены.

— Вы?! Помолвлены с ним?! — не сумела скрыть своего изумления Виола.

«Пожалуй, такую реакцию можно назвать даже оскорбительной», — подумала Далси и еще ниже опустила голову.

— Да, мы были помолвлены с Морисом, а где-то около года тому назад разорвали помолвку по обоюдному согласию.

— Припоминаю, припоминаю! Вы действительно рассказывали мне в свое время об этой

помолвке. Но я и представить себе не могла, что…

— Конечно, не могли! — довольно резко оборвала ее Далси.

— А обручальное кольцо он вам подарил? — проявила несвойственное ей любопытство Виола.

— Да. И очень красивое. Гранат в обрамлении жемчужин.

— И вы его сохранили?

— Сохранила. Видите ли, дело в том… инициатива в нашем разрыве все же принадлежала ему, — впервые за все эти долгие месяцы Далси почувствовала невыразимое облегчение. Наконец-то она решилась произнести эту горькую правду вслух! Признаться постороннему человеку, что именно Морис не захотел жениться на ней. Хотя, надо отдать ему должное, обставил он свой разрыв более чем благородно: она прелесть, умница и все такое, а он просто недостоин ее.

— Понятно! — задумчиво протянула Виола. Кажется, ей понравилось то, что она услышала. — Разумеется, в подобных обстоятельствах вам незачем возвращать ему кольцо. Пусть останется, как память.

— О чем вы говорите? Я бы никогда не смогла

носить его. А потому продала.

— Вы продали обручальное кольцо? — уже в который раз удивилась Виола с несвойственным ей пылом. Подобный шаг никак не вяжется с серьезной и добродетельной Далси.

— Продала! Прочитала в одной из газет просьбу о помощи. Какая- то женщина просила помочь ей материально, она попала в затруднительную ситуацию и я подумала, что вот хороший повод сделать доброе дело. И я тут же продала кольцо, а все деньги направила по указанному в газете адресу. Надеюсь, это принесло хоть какое-то облегчение несчастной.

«Боже, что я мелю такое! — в ужасе подумала Далси. — Я сейчас говорю точь-в-точь, как моя служанка мисс Лорд, которая, наслушавшись всяких телевизионных проповедников, просто обожает разглагольствовать о помощи ближним и важности благотворительной деятельности в приходе».

— Взгляните! — Виола снова переключилась на столик, за которым восседал предполагаемый брат Элвина Форбса. — А к нашему священнику подсел какой-то его приятель. Ужас! Он заявился сюда в гамашах! Наверное, какой-нибудь архидиакон, не иначе.

— Ну, как впечатления, Готорн? — зычным голосом выкрикнул предполагаемый архидиакон, поудобнее устраиваясь за столиком.

«Готорн! — разочарованно подумала про себя Далси. — Значит, они обе ошиблись, и этот жизнелюбивый священник отнюдь не брат Элвина Форбса».

— Мне рассказывали, что мальчишка начинал свой путь в искусстве в качестве хориста, — продолжал вопить на весь буфет священник в гетрах. — Пел в церковном хоре. Готов побиться об заклад с кем угодно, через год от его популярности не останется и следа. Голову даю на отсечение!

В этот момент к их столику подошла официантка и поставила перед священнослужителями блюдо с новой порцией пирожных и свежий кофе.

— Пора домой! — поднялась со своего места Далси, несколько удрученная тем, что ее версия насчет Невила Форбса оказалась ложной. И вообще, культпоход в галерею принес больше разочарований, чем положительных эмоций. А тут еще эта встреча с Морисом. Не то, чтобы она все еще любила его. Нет, ее чувства к нему уже давно перегорели. Просто в свое время он причи-

нил ей столько страданий, что даже спустя почти год видеть его было все еще больно. Но ничего, попыталась она обрести прежнее присутствие духа, скоро это должно обязательно пройти. Она найдет в себе силы перевернуть эту страницу в своей жизни, и тогда их отношения с Морисом, наконец, окончательно станут прошлым.

11

Сказать по правде, Далси никогда не страдала гипертрофированной привязанностью к своим родственникам. Конечно, чувство долга и все такое побуждали ее время от времени навещать дядю Бертрама и тетю Гермиону, но визиты эти случались крайне редко, были короткими и нерегулярными. Однако близилось Рождество — вполне уместный предлог для очередного посещения. Что мешает ей вручить старикам подарки лично вместо того, чтобы отправлять их по почте? К тому же, она все уже рассчитала. Если она нагрянет в гости пораньше, а ужинают дядя с тетей ровно в семь, и если не станет вести с ними нескончаемые разговоры обо всем на свете, то она вполне может успеть на обратном пути заглянуть еще и в церковь, в которой служит Невил Форбс. Ведь судя по карте, церковь находится в двух шагах от дома ее родственников.

И дядя, и тетя были ревностными прихожанами. Правда, у каждого были свои религиозные пристрастия. Так, дядя числился приверженцем англиканской церкви, тетушка же, как подозревала Далси, исключительно в пику своему

брату, придерживалась взглядов евангелистов. В отличие от брата, преподававшего в свое время в педагогическом колледже, ей никогда не нужно было зарабатывать себе на жизнь. А потому все свое личное время тетя Гермиона с превеликим удовольствием тратила на всевозможные заседания в различных комитетах и обществах или на занятия той самой благотворительной деятельностью, о которой толковала мисс Лорд, но уже исключительно в своем приходе.

И вот промозглым ноябрьским вечером Далси отправилась в гости к родственникам. Респектабельный особняк в викторианском стиле, парадное крыльцо в обрамлении живой изгороди из аккуратно подстриженных лавров. Она нажала на кнопку звонка и принялась терпеливо ждать, когда ей откроют. Ждать пришлось довольно долго. Миссис Седж, домоправительница и по совместительству кухарка, скорее всего, занята приготовлением ужина на кухне, которая располагается в цокольном этаже, а потому звонка точно не слышит. Наконец, после нескольких минут, показавшихся Далси вечностью, дверь открывает ей сама тетя Гермиона. Она в зимнем пальто и в кокетливой маленькой шляпке, отороченной мехом.

— Прошу простить меня, деточка! — торопливо роняет тетя на ходу. — Я разговариваю по телефону. Раздевайся и проходи в гостиную. Погрейся пока у камина.

Далси устраивается прямо на коврике возле огня и начинает рассеянно листать стопку старых журналов, лежащих рядом на небольшом кожаном пуфике.

— Да, она станет вам настоящей моральной опорой, — долетают до нее из холла обрывки телефонного разговора. «Интересно, с кем это тетя общается в таких непривычно напыщенных выражениях? И кто кому может стать моральной опорой в наше тяжкое время?»

— Ах, это наш викарий! — объявляет тетя в унисон ее мыслям, появляясь в гостиной и на ходу снимая пальто. — У него сегодня днем скончалась сестра.

— Печально.

— К счастью, его старшая сестра пока еще жива и даже живет вместе с ним. Не сомневаюсь, в сложившихся обстоятельствах, она примет весь удар на себя и станет настоящей моральной опорой своему младшему брату.

В этот момент в гостиной появляется дядя Бертрам, маленький, гораздо ниже своей сестры,

кругленький, со всегдашним озабоченным выражением лица. Подстриженные ежиком седые волосы топорщатся в разные стороны.

— Привет, Далси! Кто кого подпирает, позвольте осведомиться?

— Я говорю ей, что после смерти младшей сестры Глэдис Мейси станет просто незаменимой помощницей для нашего викария.

— Вот как? А его сестра умерла? Почила в бозе, так сказать?

Гермиона метнула рассерженный взгляд в сторону брата, потом рывком сняла шляпку и, бросив ее возле зеркала, висящего над камином, принялась поправлять прическу.

— Это зеркало, — нашла она наконец повод излить собственное раздражение вслух. — Такое неудобное! Слишком высоко повесили.

Да уж теперь какой смысл его перевешивать? Все равно ведь скоро съезжать.

— Как? Вы собираетесь продавать дом? — воскликнула Далси, мгновенно испугавшись перспективы того, что родственники могут объявить ей о своем желании жить вместе с ней.

— Да. Этот дом всегда был слишком велик для нас двоих. А уж для меня одной…

— Как одной? А дядя Бертрам?

— А твой дядя Бертрам собирается к своим закадычным дружкам в монастырь. Те уже дали согласие приютить его в своей обители.

— Дядя, неужели вы собираетесь стать монахом? — недоверчиво уставилась на него Далси.

— Ну, не сразу, конечно. Вначале я поживу в монастыре какое-то время на правах гостя, но потом, постепенно, с течением времени, кто знает? Вполне возможно, я созрею для того, чтобы принять постриг. Одним словом, поживем — увидим. А пока буду жить в гостевом домике. Я уже в нем много раз останавливался. Там очень уютно: центральное отопление, кормят вкусно, а главное, моя дорогая, — никаких женщин.

Он озорно улыбнулся, взглянув на сестру и племянницу.

— Да уж, женщин там точно не будет, — согласилась с ним Далси. — Но ведь в монастыре вам придется работать.

— Ну и что? Мне еще вполне по силам делать кое-какую работу. В аббатстве красивая кедровая роща, сотни акров земли, засаженных кедрами. Вот стану ухаживать за ними.

— Кедры не нуждаются в твоем уходе! — презрительно фыркнула тетя Гермиона. — Всем известно, что эти деревья растут сотни лет и

отлично обходятся безо всякого человеческого участия.

— Тогда буду трудиться на огороде. В конце концов, сорная трава растет повсеместно, даже в монастырях. Или найду себе еще какое- нибудь занятие, мало ли на свете дел?

За дверью послышалось громкое позвякивание посуды.

— Миссис Седж накрывает на стол, — сказала Гермиона.

— Тогда нам стоит поторопиться! — поднялся со своего места дядя Бертрам. — Наша кухарка не любит, когда ее заставляют ждать.

Действительно, стол был уже сервирован к ужину. В качестве основного блюда предлагалось мелко порубленное мясо, обильно залитое сверху томатным соусом. К нему прилагалась отварная картошка и зелень, разложенная на блюде, которое служанка поставила рядом на приставной столик. Миссис Седж, приехавшая в Англию лет двадцать тому назад из Вены, судя по всему, уже начисто забыла все кулинарные тонкости своей национальной кухни. И всякий раз, бывая у родственников, Далси вполне искренне удивлялась тому, с какой же легкостью их домоправительница переняла все худшее,

чем издавна славится английская кухня. Одним словом, никаких штруделей, шницелей и прочих деликатесов, которыми потчуют своих гостей австрийские хозяйки.

За ужином разговор продолжал вертеться вокруг ближайших планов дяди Бертрама.

— Не думаю, что люди чувствуют себя комфортно, когда собираются вместе, да еще в большом количестве, — задумчиво проронила Далси, невольно подлив масла в огонь все еще продолжающего тлеть спора.

— Вот я летом побывала на одной выездной научной конференции и имела возможность лишний раз убедиться в этом. К тому же, многие, вырвавшись за порог родного дома, вообще начинают вести себя как расшалившиеся дети, которых наконец-то отпустили на волю. Право же, смешно смотреть на их выходки со стороны. Кстати, у одного из наших докладчиков брат — викарий, и служит он в одном из соседских с вами приходов. Его фамилия — Форбс. Не слышали?

— А как же! Невил Форбс. Он служит настоятелем в соборе святого Айвела, — с готовностью подтвердил дядя Бертрам.

— Его и в самом деле зовут Невилом, — тут же перебила брата тетушка. — Вот только служит

он не в соборе святого Айвела. Ты перепутал сорт сыра с названием церкви.

— Ничего я не перепутал! Будто ты сама не знаешь, что многие производители присваивают своим товарам названия, которые они отыскали в святцах. Если мне не изменяет память, ты и сама обожаешь мармелад, названный в честь святого Мартина. Разве не так?

— Да, так! Но все равно Форбс служит не в церкви святого Айвела! — с детским упрямством продолжала упорствовать Гермиона. — Что за глупое название для церкви! Глупее не придумаешь! Такая церковь только для тебя и сгодится.

Далси тяжело вздохнула. Сколько раз ей доводилось быть свидетельницей вот таких пустых споров и даже ссор, возникающих между дядей и тетей по всякому поводу и без оного. «Неужели все старики такие вздорные, — подумала она. — Или это неизбежно, и с возрастом характер у всех людей портится? Интересно, а каким в старости будет Элвин Форбс?» Услужливое воображение моментально нарисовало ей благостную картину: хрупкая светловолосая женщина в костюме фрез, безуспешно пытающаяся завернуть в рифленый лист бумаги дурацкого ослика, а рядом с ней Элвин. А почему бы и нет? Вот представить

рядом с подобной простушкой Мориса почти невозможно. А рядом с ней самой разве можно?

Тоска навалилась на нее с новой силой, и еще острее стало чувство собственного одиночества, которое не помогает скрасить даже присутствие в ее доме Виолы. Как раз-то именно с ней у Далси в последнее время все чаще случаются стычки, причем не какие-нибудь там академические споры, которые легко прервать и моментально забыть, а разногласия исключительно на бытовой почве: невыключенный свет в ванной, оставленные после себя грязные чашки в раковине, категорическое неприятие какой бы то ни было работы по дому. Как же она устала от всего этого!

После десерта Далси первой подхватилась из-за стола. Взяв блюдо с яблочным пудингом, она сказала, обращаясь к Гермионе:

— Пойду, отнесу на кухню. Мне как раз нужно кое о чем расспросить миссис Седж.

— Конечно, милая!

Тетя принялась собирать посуду со стола.

На самом деле никаких специальных вопросов к кухарке у Далси не было, но посмей она нарушить раз и навсегда установленное правило — обязательно наведываться на кухню после завершения трапезы с выражением благодарности

за вкусный ужин, — и тетушке наверняка был бы гарантирован нагоняй за невнимание со стороны племянницы. Экономка тети Гермионы и дяди Бертрама была самым настоящим тираном, и восторги Далси по поводу собственных кулинарных талантов она воспринимала как должное. Хотя, если честно, то никаких талантов не было и в помине! Далси совершенно искренне терялась в догадках: как подобная неумеха умудрилась двадцать лет тому назад устроиться кухаркой да еще подвизаться в этом качестве в приличных домах. Ну разве что по недомыслию работодателей, которые наивно полагали, что раз служанка прибыла к ним из Вены, которая издавна славится своей кухней, то готовит она образцово. Ну, а дальше все пошло как по маслу, ибо усвоить премудрости приготовления пары-тройки незамысловатых блюд, которые обычно подаются в английских домах, и вовсе оказалось парой пустяков.

Надо сказать, Лили Седж стала за минувшие годы настоящей англоманкой. Косвенным доказательством чему служит огромный портрет герцога Эдинбургского — главное украшение кухни, раскрашенный в невообразимо яркие тона. Во всяком случае, глаз такой пронзительной синевы, как у герцога на портрете, Далси никогда

не встречала в реальной жизни. Она даже подозревала, что такого цвета вообще не существует в природе. Английскость кухарки проявлялась еще и в том, что она, как само собой разумеющееся, присвоила себе титул «миссис», коим традиционно величают англичанок в возрасте, хотя Далси было доподлинно известно, что миссис Седж никогда не была замужем.

Выполнив положенный ритуал, связанный с изъявлением благодарности за вкусный ужин, и поздравив служанку с наступающим Рождеством, Далси заторопилась наверх, в гостиную, где первым делом вручила подарки дяде Бертраму и тете Гермионе.

Дядя тут же принялся листать толстенный том по истории англиканской церкви.

— Замечательная книга! — воскликнул он с восхищением. — Ты подарила мне не просто книгу, а много-много счастливых вечеров, которые я проведу наедине с ней.

— Ну, мне пора! — поднялась Далси. — Да и вы, я знаю, привыкли ложиться рано.

— Ты права, милая! — согласилась с ней тетя Гермиона. — Но все же перед тем, как отправиться спать, я позвоню еще раз нашему викарию. А вдруг я смогу быть хоть чем-то ему полезной.

«Дай-то бог, — подумала про себя Далси. — Пусть бы этот человек нашел тетушке хоть какое-то пустяшное дело, чтобы она смогла в полной мере прочувствовать то, что еще кому-то нужна». Как же грустно наблюдать за одинокими женщинами, изо всех сил старающихся помочь своим ближним. С какой готовностью они предлагают свои услуги, как они горят желанием быть полезными и как редко, на самом деле, от них бывает хоть какой-то прок. Впрочем, Виола же помогла Элвину Форбсу, явив счастливое исключение из общего правила.

Было уже около девяти вечера, и Далси, подгоняемая промозглым ветром, ускорила шаг. Нужно бежать, пока церковь не заперли на ночь. В противном случае ей придется ограничиться лишь созерцанием внешнего вида храма, в котором служит старший брат Элвина.

То, что на карте представлялось «парой шагов», в действительности оказалось довольно значительным отрезком пути, да и саму церковь, затерявшуюся в гуще жилых домов, найти было совсем не просто. Наконец, табличка, прикрепленная к неприметному зданию из красного кирпича, сообщила ей, что она видит перед собой церковь святого Айвела. Рядом висела доска

объявлений, на которой болталось несколько постеров, сообщающих прохожим последние новости приходской жизни. Далси вступила под своды арочного крыльца и увидела еще одну доску объявлений, на которой висело расписание служб. «Исповеди, — прочитала она на одном из листков с крестиками по краям. — По субботам, в шесть сорок пять».

«О, да это церковь, тяготеющая к католицизму, — подумала Далси. — И, следовательно, брат Элвина Форбса должен быть холостяком». Далси машинально потрогала массивную ручку входной двери. К ее удивлению, дверь неожиданно легко приоткрылась, и она оказалась внутри. В церкви было тихо, но, несмотря на то, что вокруг никого не было видно, Далси инстинктивно почувствовала, что она под этими сводами не одна. Возле самой двери стояла большая мраморная чаша со святой водой. Далси окунула в нее пальцы и перекрестилась, преклонив одно колено, как это делают католики. После чего бодро зашагала по направлению к алтарю. Приблизившись к органу, она на цыпочках подошла к высокому табурету, на котором лежали развернутые ноты. В углу за органом виднелась дверь, и она с трудом сумела разобрать в сизоватых клубах то ли смога,

проникшего в церковь с улицы, то ли ладана, еще не развеявшегося после недавней службы, следующее объявление: «Никто, повторяю, НИКТО не имеет права трогать электронагреватель, установленный в этом помещении».

Интересно, кому же предназначена сия угроза, написанная, скорее всего, рукой брата Элвина Форбса? Органисту? Или служкам, прибирающим церковные помещения? О, последних подобная категоричность лишь подстегнет к тому, чтобы обязательно «тронуть» злополучный агрегат. Потоптавшись еще некоторое время возле алтаря и наскоро прочитав молитву, Далси двинулась к выходу, не забыв опустить по несколько монеток в каждый из ящиков для пожертвований: на цветы, на ремонт церкви, на содержание прихода. Последняя статья расходов показалась ей особенно туманной и, быть может, поэтому она пожертвовала на приходские нужды целый шиллинг.

На крыльце она буквально носом к носу столкнулась с женщиной, торопливо прошмыгнувшей мимо нее. Кажется, женщина плакала или платок, который она прижимала к лицу, свидетельствовал о том, что у нее сильный насморк. Следом по ступенькам крыльца поднималась

еще одна женщина, которая, заметив Далси, направилась прямо к ней.

— Вот иду, чтобы, наконец, выключить в храме свет и запереть двери. Отец Форбс распорядился, чтобы церковь оставалась открытой допоздна. Ведь даже в такое позднее время у кого-то может появиться желание заглянуть сюда и помолиться в одиночестве.

— Идея неплохая, — согласилась с ней Далси. — Но ведь для вас это только лишние хлопоты.

— Боже мой, какие хлопоты? Никаких хлопот!

— А вы не боитесь, что сюда может заглянуть посторонний человек, да еще нечистый на руку, и украсть что-нибудь ценное из церковной утвари?

— К нам подобные люди не заглядывают! У нас церковь ежедневно открыта до десяти вечера, а потом прихожу я или отец Форбс, и мы отключаем свет и закрываем храм на ночь. Я служу домоправительницей у отца Форбса.

— А разве он не женат?

— Женат? — удивилась в свою очередь экономка Невила Форбса, как будто уже в самом вопросе заключалось нечто крамольное. — Конечно же, он не женат! Разумеется, такому красавцу, как наш настоятель, трудно было совладать в свое

время с земными соблазнами, — вздохнула она понимающе. — Все мы люди, и все грешим: и мужчины, и женщины.

С такой универсальной истиной трудно было не согласиться, и Далси лишь молча кивнула головой в знак согласия. Только вот что имела в виду экономка, когда говорила о земных соблазнах? Какая- нибудь интрижка? Например, с хорошенькой учительницей из воскресной школы? А почему бы и нет? В самом деле, все мы люди.

Пожалуй, стоит навестить церковь Невила Форбса еще раз. Только вот в каком качестве ей предстать здесь в следующий раз?

12

Еще несколько дней мысли Далси вращались вокруг Невила Форбса. Она постоянно ловила себя на том, что не перестает думать о тех земных соблазнах, которым подвергается почтенный священник. Интересно, каким?

Она даже рискнула поделиться своими соображениями по этому поводу с Виолой. И услышала в ответ:

— Меня просто удивляет ваш почти что нездоровый интерес к персоне этого священника. Ведь вы его даже не видели.

— О, да это только игра, — попыталась оправдать свое чрезмерное любопытство Далси. — Знаете, такая своеобразная игра воображения. И потом, жить жизнью посторонних людей, сопереживать их радостям и горестям, согласитесь, всегда намного проще и, я бы даже сказала, безопаснее, чем жить своей собственной жизнью. В этом случае мы превращаемся всего лишь в сторонних наблюдателей и следим за перипетиями чужой жизни с той же отрешенностью, с какой вникаем в развитие сюжета в каком-нибудь романе или кинофильме. Ничего личного! А не

пригласить ли нам Элвина Форбса на чашечку чая? — неожиданно закончила она свои весьма сбивчивые объяснения. — Что мешает ему заглянуть к нам по пути домой?

— Каком пути? — презрительно фыркнула в ответ Виола. — Где — мы, и где — его дом.

— Хорошо! Тогда мы можем специально пригласить его на ужин, — стояла на своем Далси. — Я даже позабочусь о мужском обществе для нашего гостя. Приглашу еще кого-нибудь из своих друзей.

Вот только кого, тут же испугалась она собственной смелости. Ни один из ее ближайших знакомцев, будь то дядя Бертрам, обходительный сеньор Макбрайд-Перейра или, уж тем более, юный сосед Поль Белтон никак не годятся в качестве собеседника для утонченного интеллектуала Элвина Форбса.

— Неплохая мысль! — одобрила ее Виола. — А почему бы вам не пригласить в пару к Элвину вашего бывшего жениха Мориса? По-моему, у вас с ним сохранились вполне дружеские отношения. Да и им, не сомневаюсь, будет о чем поговорить друг с другом.

— В самом деле, как это мне самой в голову не пришло! — несколько преувеличенно обрадова-

лась Далси. — Конечно же, я приглашу Мориса. Обязательно!

И пусть он знает, подумала она не без некоторого злорадства, что ее жизнь после их разрыва не кончилась, что она по-прежнему вращается в свете, встречается с разными интересными людьми и вообще ведет весьма насыщенное событиями и людьми существование. Вот, даже знакома с такой знаменитостью, как Форбс. А еще пусть лишний раз убедится в том, какая она замечательная хозяйка, как хорошо готовит и как радушно умеет принимать гостей.

— Значит, решено! Устраиваем званый ужин сразу же после Рождества. Приглашение Форбсу пошлете вы?

— Нет, лучше это сделать вам! — немедленно отказалась Виола. — Иначе он чего доброго вообразит, что таким изощренным способом я выманиваю его на свидание, — с горечью в голосе пояснила она свой отказ.

— Бог мой! Ну какие подвохи может таить в себе банальное приглашение на ужин! — не согласилась с ней Далси. — Вы, по-моему, чересчур сгущаете краски.

— Ах, в любом случае, до Рождества еще дожить надо, — меланхолично заметила Виола,

сникнув при мысли о том, что и это Рождество, как и все предыдущие, ей предстоит встретить в родительском доме в Сидинхэме. Что совсем не вдохновляло. И уж точно не придавало хорошего настроения.

«Единственный праздник в году, — подумала Далси, взглянув на помрачневшее лицо подруги, — когда люди полностью теряют собственную индивидуальность, превращаясь на какое-то время просто в маленькие винтики хорошо отлаженного механизма, имя которому “семья”». Воистину, Рождество напоминает каждому человеку о том, кто он и откуда родом, и буквально притаскивает его за руку к той колыбели, в которой он был взращен. Звучит сентиментально, но это так. Вот бы знать, с кем будет отмечать Рождество Элвин. Едва ли он станет встречать сочельник в обществе бывшей жены и ее матушки.

Сама Далси уже получила приглашение от сестры и планировала отправиться на праздники вместе с племянницей Лорел к ее родителям. Что, впрочем, тоже не самое веселое времяпрепровождение. Конечно, у Шарлоты ей будет не так одиноко, как в Лондоне, где она проторчала бы все праздники одна-одинешенька в пустом доме.

А с другой стороны, появиться у родственников в статусе брошенной невесты, с перспективой быть сданной в ближайшие несколько лет в архив в качестве стопроцентной старой девы, — увы! тоже далеко не самый лучший вариант.

В свою очередь, Лорел лихорадочно прорабатывала встречные планы. В первую очередь, она должна, во что бы то ни стало, подготовить родителей к мысли о том, что она уже совсем взрослая девушка и вполне готова жить самостоятельно, без опеки тетушки. А для этого ей позарез нужна поддержка Далси. За день до отъезда она, как бы между прочим, поинтересовалась у тети, можно ли ей пригласить на чай свою подружку Мэрион.

— Конечно! — даже обрадовалась Далси. Ей всегда хотелось видеть вокруг себя молодые лица, но по каким-то непонятным причинам племянница старательно избегала приводить однокашников к себе домой. И всякий раз при этом у нее находились все новые, но всегда одинаково веские оправдания: то друзья живут в самом центре, и им будет далеко добираться назад, то очередная вечеринка запланирована в студенческом кафе, то они собираются у кого-то из друзей дома, пользуясь тем, что родители в отъезде.

— Ты должна, — натаскивала она подружку

непосредственно перед тем, как привести ее к себе, — обязательно внушить тете Далси, что нет ничего страшного в том, что я перееду жить в меблированные комнаты. Тогда и она поможет мне убедить родителей в разумности такого переезда. Мама с папой ведь и представления не имеют, что такое настоящая столичная жизнь, а тетя — очень разумная женщина, и она все поймет правильно.

«А ведь я и в самом деле уже отработанный материал, просто старая тетка и ничего более, — с горечью подумала Далси, когда Мэрион впервые переступила порог их дома. — Неужели эта девочка всего лишь на каких-то десять лет младше меня? Невероятно! Другое поколение, и все у них уже другое». Элегантная, по-светски раскованная, с той подчеркнутой почтительностью по отношению к старшим, которая сразу же отринула Далси еще на несколько десятилетий назад, мгновенно превратив ее в хрупкую старую леди из какого-нибудь семейного романа начала века. Даже та манера, с которой Мэрион проговаривала каждое слово, отчетливо и гораздо громче, чем это принято, свидетельствовала о том, что юное создание вполне серьезно опасается, что старая леди глуховата и может не расслышать всего

того, что ей говорят.

— Ах, как это мило, что вы пригласили меня к себе, — щебетала девчушка — У вас тут так красиво. Просто самая настоящая деревенская идиллия! Я пока ехала автобусом, не переставала любоваться пейзажами за окном. Получилось незапланированное путешествие на природу.

— Ну, на метро дорога показалась бы вам значительно более короткой, — довольно сухо парировала Далси.

— О нет! Ни за что на свете! Я страшно боюсь замкнутых помещений. С детства страдаю клаустрофобией.

— Именно поэтому Мэрион снимает квартирку в самом центре, на Куинс-сквер, — тут же вставила слово племянница. — Очень удобно. И колледж почти рядом. Да и вообще, все…

— Да! — моментально подхватила брошенную ей подсказку Мэрион. — Лорел тоже могла бы… ну, если бы, скажем, в нашем доме освободилась бы…

Девушка замялась в нерешительности, не зная, как закончить свою мысль максимально тактично, чтобы не обидеть старуху.

— Вы хотите сказать, что Лорел могла бы поселиться вместе с вами в одном доме? — закончила

за нее Далси. — Увы, но я ничего не решаю. Ведь я всего лишь ее тетя. Так что последнее слово остается за родителями Лорел.

— А вы не обидитесь, если она от вас съедет?

— Я? Обижусь? — рассмеялась Далси. — Господь с вами! С какой стати я должна обижаться?

«А тетка-то еще совсем не безнадежна, и это радует, — подумала Мэрион. — Во всяком случае, градацию того, на что стоит обижаться, а что можно оставлять без внимания, она представляет себе довольно четко». И потом, это так естественно для молодых стремиться к самостоятельности. Далси рассеянно вслушивалась в то, что рассказывала ей Мэрион обо всех прелестях жизни в меблированных комнатах. Имеется полный пансион с хорошей кухней. Так удобно, ведь не надо думать о том, что приготовить себе на обед или на ужин, прачечная тут же, в цокольном этаже, уборка квартиры автоматически включается в стоимость жилья, и далее, и далее…

— Все это звучит очень заманчиво, — подытожила услышанное Далси. — Но повторяю еще раз: окончательное решение примут родители Лорел. Ведь она пока еще не зарабатывает себе на жизнь, а потому обязана считаться с их мнением.

— Но вы-то ведь прекрасно понимаете все плю-

сы такого варианта, — продолжала упорствовать подружка, твердо вознамерившись пуститься в уговоры по новому кругу.

К счастью для Далси этот раунд перетягивания ее на свою сторону был прерван звонком в дверь. Она поспешила в холл и, распахнув входную дверь, увидела на пороге сеньора Макбрайда-Перейру, который неумело прятал у себя за спиной сверток в рождественской упаковке.

— Позвольте угостить вас сливами в качестве ответного дара за вашу щедрость, — начал он немного напыщенно и тут же расплылся в добродушной улыбке. — Вот! Самые настоящие сливы из Португалии. Это родственники прислали мне такой гостинец к Рождеству.

— Ах, что вы! Я угостила вас самыми обычными сливами из собственного сада, — смутилась Далси. — Право же, такие пустяки!

— Вот именно! А я вас угощаю самыми обычными сливами из сада моего двоюродного брата, только и всего. Они их собственноручно там собирали, а потом приготовили по какому-то особому рецепту, чтобы ягоды не потеряли свою летнюю свежесть.

— Спасибо! — растрогалась Далси столь неожиданному подношению. — Проходите, пожалуй-

ста! Я с удовольствием угощу вас рюмочкой шерри, если вы не возражаете.

— Не откажусь! — мгновенно согласился сосед, сняв хотя бы частично груз ответной благодарности с плеч Далси.

13

Январь уже подходил к концу, когда, наконец, была согласована дата званого ужина и разосланы приглашения Элвину и Морису. По странному стечению обстоятельств этот вечер должен был стать последним, который Лорел проведет в доме своей тетушки. На утро следующего дня был назначен ее переезд на Куинс-сквер: Мэрион все-таки прикараулила свободную квартирку для подружки. Все страхи Лорел, связанные с тем, что родители могут ее не понять и не разрешат проявлять самостоятельность в столь юном возрасте, остались в прошлом. Даже Далси удивилась, с какой легкостью ее сестра с самого начала приняла сторону дочери.

— Я и сама в студенческие годы страстно мечтала пожить в одной из таких крохотных квартирок типа студии, и чтобы никто из взрослых не мешался в мою жизнь, — доверительно сообщила она ошеломленной Далси.

«Надо же, — подумала Далси, — даже женщины, счастливые в браке, а Шарлота уж точно принадлежала к категории счастливых жен, снедаемы неудовлетворенностью желаний, так и не

реализованных в далекой юности». Наверное, обладай ее сестра более взрывным темпераментом, она наверняка сожалела бы о том, что не провела в свое время романтическую ночь с любовником в каком-нибудь бунгало на юге Франции. Впрочем, взглянув на деверя, всецело погруженного в классификацию новой партии экспонатов для местного исторического музея — копья и стрелы воинов племени Массаи, — Далси поняла, что даже самые примерные жены имеют право на свои скрытые фантазии, тем более, оправданные в данном конкретном случае.

Виола отреагировала на известие о переезде Лорел более критично.

— Скоро она на собственной шкуре прочувствует, как это дорого жить одной в Лондоне.

— Пожалуй, вы правы, — согласилась с ней Далси, но мысли ее в этот момент были всецело заняты предстоящим ужином. — Впрочем, насколько я могу судить, современные девушки научились как-то приспосабливаться к сложным житейским обстоятельствам. Бегают с парнями в кафе, а те за них платят. Вот Лорел, к примеру! На днях она сообщила мне, что ее пригласил на ужин наш сосед Поль Белтон. Подозреваю, он далеко не единственный в списке ее кавалеров. А

переберется в центр, на Куинс-сквер, и кто знает, может быть, на нее просыплются крошки и со стола самого Элвина Форбса.

— Едва ли! — флегматично отреагировала Виола.

— Вы хотите сказать, что на его столе не остается крошек?

— Я хочу сказать, что едва ли она получит приглашение приблизиться к этому столу.

— Кто знает, кто знает! — с видом заправского философа подытожила дискуссию Далси. — После вечера у нас в доме их отношения вполне могут перейти в фазу близкого знакомства. О, звонок! Это, наверное, мисс Лорд. Я попросила ее, чтобы она пришла сегодня и помогла мне с ужином.

— Надеюсь, она не станет прислуживать за столом. И потом, это уж слишком. Я сказала Элвину, что ужин будет самым простым, безо всяких формальностей.

— Вот как? — Далси почувствовала легкий укол раздражения. — Вы считаете, что служанка, помогающая хозяйке с переменой блюд за обеденным столом, это уже перебор по части формальностей?

«Ты-то ведь не очень бросишься, чтобы помочь мне!» — вдруг не на шутку разозлилась

Далси, правда, про себя. И действительно, участие Виолы в совместных работах по подготовке мероприятия свелось лишь к тому, что она отнесла вазу с нарциссами и тюльпанами на стол, предварительно слегка поправив сами цветы. Далси попыталась согласовать с ней меню, но Виола не проявила никакого интереса к кулинарным дебатам, заметив лишь, что, насколько ей известно, Элвин не любит помидоры. А потому Далси немедленно исключила из меню все блюда, в которых используются томаты. Никаких «любовных яблок», строго наказала она кухарке, воспользовавшись старым перифразом для обозначения помидор.

— В чем вы собираетесь на ужин? — перевела она разговор на другую тему.

— Надену свое старое черное платье. Это единственная приличная вещь в моем гардеробе на сегодняшний день. Только вот дополнение к нему… Я еще не решила.

— А вы накиньте на плечи ту свою красивую испанскую шаль. Она вам очень идет. Правда, кисти могут, пожалуй, помешать во время самой трапезы.

— Ерунда! За ужином я сниму шаль и положу ее на стул. А в чем будете вы?

— Тоже в своем старом черном платье.

— Вы любите черное? Вот бы никогда не подумала.

— Во всяком случае, в моем гардеробе оно есть. Понимаю, вы хотите сказать, что с моим типом внешности мне лучше бы надеть бледноголубое платье из мягкой шерсти, присовокупив к нему обязательную нитку жемчуга. Но моя беда как раз в том, что я редко поступаю так, как лучше.

— Вы никого не пригласили для Лорел, и она останется за столом без пары.

— Я хотела пригласить для нее Поля, но она наотрез отказалась. А потому получилась несколько непривычная конфигурация: три женщины и двое мужчин. Впрочем, меня можно не брать в расчет. Я ведь буду все время курсировать между кухней и столовой: то одно подать, то другое принести. Обычные хлопоты хозяйки, принимающей гостей.

— А это, между прочим, самая женская и, я бы даже сказала, самая женственная роль. Боюсь, мы с Лорел на вашем фоне будем смотреться совсем не так уж выигрышно. Кстати, а какое у нас будет вино?

— Красное, «Кло Вог» урожая 1952 года. Хозяин винной лавки, в которой мы постоянно пополня-

ли свои запасы спиртного, порекомендовал мне именно это. Думаю, мы вполне можем положиться на его вкус.

— Да, неплохое вино. И хорошо гармонирует с птицей. У нас ведь основное блюдо — зажаренный гусь?

— Да. А еще я прикупила немного джина для Мориса. Он не любит шерри и…

Далси искоса взглянула на Виолу и, увидев, как по лицу постоялицы разлилась скука, оборвала себя на полуслове. Внезапно она почувствовала страшную усталость. Ей даже захотелось, чтобы еще неначавшийся ужин уже закончился. А еще лучше, чтобы вообще не было никаких гостей и никаких званых ужинов. Как было бы замечательно сейчас усесться на диван возле камина, удовольствовавшись обычным бутербродом с куском холодного мяса.

А в это время Элвин Форбс, сидя в такси, ибо он и помыслить не мог о том, чтобы в такую даль ехать на общественном транспорте, размышлял, стоит ли ему делать остановку по пути, чтобы купить цветы хозяйке. Правда, правила этикета на сей случай весьма строги. Цветы следует отослать уже после ужина. Да и мисс Манаринг (черт, как все же ее зовут?) наверняка позаботилась

о том, чтобы флорист украсил ее дом цветами. Воображение тут же нарисовало ему массивный обеденный стол в эдвардианском стиле, украшенный гвоздиками в небольших серебряных вазочках. Во всяком случае, именно так это выглядело на картинках, которыми изобиловала «Энциклопедия для домохозяек». Как ни странно, в детстве это была его любимая книга, и он мог часами рассматривать красочные иллюстрации, устроившись в кресле возле камина в гостиной отеля, которым заправляла его матушка на правах единоличной владелицы.

Конечно, в доме, куда его пригласили, все будет далеко не столь изысканно, однако все равно появляться там с цветами не стоит. Да и потом, не может же он все время приходить к ним с букетами. Еще чего доброго, Виола вообразит, что цветы снова предназначены ей, и получится очень неловко. Интересно, будет ли за ужином та хорошенькая девочка, которая открывала ему дверь в прошлый раз? Кажется, племянница мисс Манаринг. Она бы очень украсила их застолье. Что ж, ему тоже не чужд интерес к хорошеньким молоденьким девушкам, который свойственен большинству его коллег-мужчин из академических кругов. Ну и что в этом плохого, в конце

концов? Ведь его интерес к юным прелестницам носит исключительно умозрительный характер.

Его размышления были прерваны вопросом водителя.

— Вам остановить машину прямо возле того дома с белой калиткой?

Элвин, глянув в окно, увидел, как по ступенькам крыльца взбегает симпатичный молодой человек, гораздо моложе его самого. Наверняка приятель той девчушки, о которой он только что думал.

— Нет, пожалуйста, чуть дальше! — поспешно предупредил он шофера, категорически не желая появляться на пороге в толпе других гостей.

Между тем Морис (а это был именно он), стоя перед парадной дверью, испытывал самые противоречивые чувства. На него вдруг нахлынули воспоминания о том времени, когда он был страстно влюблен в Далси и видел в своей невесте только хорошее. А потом в один прекрасный день он вдруг неожиданно для самого себя пришел к выводу, что, пожалуй, хорошего в ней слишком много. Во всяком случае, чересчур много для обычного супружеского союза, и у него просто не хватит сил терпеливо сносить всю жизнь постоянное присутствие рядом с собой столь

добродетельной женщины. Вот уж не думал, что еще когда-нибудь ему представится случай снова подняться по ступенькам крыльца ее дома!

Правды ради стоит признаться, что, неожиданно столкнувшись с Далси в галерее, Морис обратил внимание не столько на ее многочисленные добродетели, сколько на чересчур худые ноги, обутые, как всегда, в практичные башмаки на прямом ходу.

Дверь ему открыла незнакомая темноволосая девушка в декольтированном вязаном платье белого цвета. Открытая шея и плечи делали наряд похожим на ночную сорочку.

— Добрый вечер. Меня зовут Морис Клайв, — представился он незнакомке. Слишком зеленая. Такой молодняк никогда его не интересовал. Свежесть этих девочек быстро приедается, а пылкость их чувств очень скоро делается утомительной. Потому лично он всегда предпочитал общество более зрелых дам, уже имеющих вполне определенное представление о том, что такое жизнь. К сожалению, возрастные характеристики его бывшей невесты никак не совпадали с подобающим ее летам жизненным опытом. Слишком многое в Далси напоминало именно невинную восемнадцатилетнюю девушку, а ее

неискушенность в житейских вопросах порой даже раздражала его.

— Пожалуйста, проходите! — вежливо пригласила его девушка. — Вот вешалка!

Слегка помутневшее от времени узкое зеркало отразило стройную фигуру Мориса: в нем он смотрелся даже выше, чем был на самом деле. Он слегка тронул рукой свои мягкие волосы. «Надо бы причесаться», — мелькнуло у него. Но девчонка в ночнушке, маячившая у него за спиной, нетерпеливо переминалась с ноги на ногу, явно торопясь спровадить его к остальным гостям. И он поспешил за ней так, как есть.

— А я племянница мисс Манаринг, — небрежно представилась она по пути.

Вот оно в чем дело, племянница! Морис зашел в знакомую гостиную, большую, уютно обставленную комнату. Впрочем, на его тонкий художественный вкус, в ней было чересчур много декоративного фарфора, да и обивка старинной мебели (букеты роз) тоже раздражала своей деревенской аляповатостью. Возле камина застыли в ожидании две женщины в черном, и по выражению их лиц было видно, что обе они ждут чего-то необыкновенного. Что, кстати, было истинной правдой. В одной из дам он узнал Далси. Строгое

черное платье сделало ее необыкновенно хрупкой и по-своему очень привлекательной, как это бывает с высокими худенькими женщинами.

— О, Морис! — вполне искренне обрадовалась она его появлению. — Хочешь джина? — Она кивком головы указала на еще непочатую бутылку. — Ты ведь помнишь Виолу Дейс? Я знакомила вас на той ужасной выставке. Виола, это Морис Клайв? Помните? — немного смутилась Далси, почувствовав, что церемония представления гостей с самого начала пошла немного не так, как надо. — Морис был так любезен, пытаясь объяснить нам, что означает вся эта заумь на полотнах художника. Впрочем, кошка с лимоном очень мила. Наверняка ее приобрел кто-нибудь из посетителей выставки. Но вот его абстракции…

— Абстрактная живопись требует особого подхода, — снисходительным тоном профессионала начал Морис, плеснув себе в стакан щедрую порцию джина и чуть-чуть воды.

— А парень не промах выпить. И джин любит, — констатировал Элвин, появившийся в гостиной как раз в тот момент, когда Морис занялся приготовлением собственного аперитива.

— Добрый вечер! — бросилась к нему навстречу Далси. — Рада видеть вас у себя в доме! По-моему,

все персоналии вам известны, за исключением Мориса Клайва. Морис! Это доктор Элвин Форбс!

— Приветствую вас, доктор! У вас, должно быть, сейчас чертовски много работы. Такая слякотная погода как нельзя лучше подходит для очередной эпидемии гриппа.

— Ах, нет, Морис! Мистер Форбс не имеет никакого отношения к медицине. Пожалуйста, угощайтесь, мистер Форбс!

— Прошу прощения! Так вы представитель академических кругов, ученый муж, так сказать?

— Можно сказать и так, — улыбнулся Элвин. — Самый что ни на есть бесполезный продукт общества.

— Как вы можете говорить такое? — с жаром воскликнула Виола. — То, чем вы занимаетесь, крайне важно сегодня. При общем уровне падения культуры, засилии телевиденья… и вообще! А ваша последняя книга, посвященная Эдмунду Лиддену, она — образец того, что такое настоящее фундаментальное исследование в области литературы.

— Даже так? — вполне искренне удивился Морис.

— А кто такой этот Эдмунд Лидден? — не преминула вставить свой вопрос Лорел, видно,

посчитав, что она единственная в этой комнате, кто, в силу своего возраста и недостатка образования, не знает имени столь значительной фигуры отечественной культуры.

— О, это один малоизвестный поэт XVII века. Очень хороший поэт, — с готовностью пустился в объяснения Элвин. — Он принадлежал к группе неометафизиков.

Право же, какое это удовольствие объяснять хорошенькой девочке роль и значение Лиддена в мировой литературе. Пожалуй, ей стоит подробно рассказать о том, кто такие эти метафизики. Но не сейчас! Боковым зрением Элвин отметил, как в полураскрытой двери мелькнула фигура женщины, облаченной в нарядный фартук. В руках она несла супницу. Было бы обидно, если бы его объяснения прервали на полуслове дежурной фразой: «Обед подан!»

— А я и не знала, что Лидден оставил после себя обширное литературное наследие, — задумчиво обронила Далси.

— Вы правы! — тут же согласился с ней Форбс. — До наших дней дошли крохи. Сохранилось совсем немного его работ: незаконченный цикл «Зимних сонетов», три эпиталамы, и так, отдельные разрозненные фрагменты.

— И где вы планируете издать свой труд? — вежливо поинтересовался у него Морис.

— В Оксфорде. Университетское издательство «Оксфорд Пресс» готовит книгу к публикации.

— Они просто умоляли Элвина отдать им эту рукопись, — снова не удержалась от комментариев Виола.

«Умоляли! Надо же, какие страсти-мордасти», — подумала Далси и тут же представила себе, как все эти крайне серьезные и очень важные джентльмены, подвизающиеся в столь почтенном академическом издательстве, со слезами в голосе умоляют Элвина Форбса отдать им свою рукопись. Веселое зрелище, ничего не скажешь. Смешно! Она вдруг вспомнила о своем визите на Кедровую Аллею. Бедняжка Марджори! Лучше бы он уговорил жену снова вернуться к нему вместо того, чтобы тратить время на сочинительство всяких книг о поэтах, о которых никто нигде и никогда не слышал. Кроме него, разумеется.

— А я, между прочим, помогала в составлении библиографии для этой книги, — продолжала изливать свои восторги Виола.

К счастью для Элвина, именно в этот момент и прозвучала сакраментальная фраза: «Обед подан». Иначе он бы за себя не поручился! Она

помогала! Подумать только! Если бы они не столкнулись носом к носу в тот злополучный вечер в библиотеке Британского музея, если бы она, заливаясь слезами, не стала рассказывать ему обо всех неприятностях, которые обрушились на ее голову в последнее время, то наверняка он, движимый чувством жалости к этой странной женщине, не пригласил бы ее к себе домой. К тому же, ему и самому было чертовски одиноко в тот вечер. Ведь все произошло уже после того, как Марджори объявила ему о своем решении вернуться к матери. Да и что у него было с Виолой, в конце концов? Да ровным счетом ничего! Немного выпили, потом он поцеловал ее и отправил на такси к себе домой. Все! И в следующий раз он встретился с ней только на той летней научной конференции. К сожалению, там он дал слабину и согласился принять ее помощь в составлении библиографии. И вот теперь она будет при каждом удобном случае верещать о собственных заслугах и козырять своим неоценимым вкладом в его работу. Что ж, поделом ему. Сам виноват!

Далси на правах хозяйки уселась во главе огромного стола из красного дерева. Справа от нее сел Элвин, по левую руку Морис. Рядом с Элвином усадили Лорел, а подле Мориса заняла свое

место Виола. «Пожалуй, присутствие еще одного мужчины совсем бы не помешало», — подумала Далси, окидывая взглядом стол. В этом случае композиция получилась бы вполне завершенной. Как жаль, что она недостаточно близко знакома с приходским священником. Он бы сейчас очень уместно смотрелся на противоположном от нее конце стола.

— Моя племянница переезжает в центр и скоро будет жить почти рядом с вами, — обратилась она к Элвину. — В многоэтажном доходном доме на Куинс-сквере? По-моему, все его меблированные комнатки снизу доверху забиты студенческой молодежью.

— О, да это ведь буквально напротив моего дома! Я все время наблюдаю толпы молодежи вокруг. И молоденькие девушки, которые гуляют вечерами по аллеям нашего парка. Как это там у Пруста? Под сенью девушек в цвету! Что ж, милости просим ко мне в гости! — Элвин с улыбкой повернулся к Лорел.

Ну, и что дурного в том, если эта хорошенькая девочка заглянет ненароком в дом одинокого ученого в один из своих свободных вечеров? А вдруг у нее возникнут вполне конкретные вопросы по поводу роли неометафизиков в современном

литературном процессе? И вообще! Ему ведь еще только сорок семь, так что ничего в этой жизни для него пока не потеряно.

— Ах, этот Пруст с его изысканными медитациями! — вздохнула Виола.

«Боже! Как они все нелепы, — Лорел презрительно взглянула на обеих женщин. — И как смешны в своем неуемном желании задавить окружающих своей культурой. В самом деле! Пожилые люди порой бывают просто несносными. Особенно, когда начинают к месту и не к месту демонстрировать свою образованность».

Служанка подала блюдо с запеченным гусем.

— Я могу помочь разделать мясо! — тут же предложил свои услуги Элвин.

— О, не беспокойтесь! Постараюсь справиться сама! — с благодарностью отклонила его предложение Далси. — Главное, не обращайте на меня внимания, и я все сделаю, как надо.

«Хоть бы он только пропекся как следует», — подумала она, берясь за разделочный нож, но уже после первой порции перевела облегченный вздох. Гусь удался на славу. Аппетитная хрустящая корочка сверху и нежно-розовое мясо внутри. Соблазнительные ароматы поплыли над столом. Хорошо, что она не послушала Виолу,

которая предлагала начинить птицу оливками. Нет уж! Традиционный рецепт, шалфей и лук в сочетании с густым яблочным соусом — это именно то, что надо. Плюс зеленый горошек в качестве гарнира.

— Глядя на это роскошное блюдо, я невольно вспоминаю детство! — восхищенно воскликнул Элвин, полной грудью вдыхая ароматы со своей тарелки.

— Детство? — эхом повторила за ним Виола. Интересно, где прошло его детство? Насколько ей известно, он откуда-то с Запада. Вполне возможно, они даже соседи.

— Да! В детстве рождественский гусь был моим любимым блюдом. Наверное, потому, что такое лакомство у нас в семье подавали только по самым большим праздникам.

Элвин замолчал, явно не намереваясь посвящать присутствующих в более детальные подробности о временах своего далекого детства.

— Отличное вино, Далси! — прервал затянувшуюся паузу Морис. — Поздравляю с удачным выбором.

— О, это скорее заслуга моего виноторговца, который порекомендовал взять именно эту марку.

— И правильно! — поддержал новое направле-

ние в разговоре Элвин. — Женщинам совсем ни к чему разбираться в винах.

— А я вот больше люблю белое вино, — проронила Лорел, рассматривая густую темно-бордовую жидкость в своем бокале.

— Какое? Токайское? Или вам больше по душе рейнское? — снова обратился к ней Элвин.

— О, мне все равно. Главное, чтобы оно было сладким и не очень крепким.

— Это возрастное! — не удержалась от язвительного замечания Виола. — Но ничего страшного! Через пару лет вы перерастете свою любовь к сладкому.

Смотреть противно, как он заигрывает с этой зеленой девчонкой! Стоит ли удивляться, что и в жены он выбрал себе такую невыразительную особу, как Марджори? Виола вдруг вспомнила, сколько долгих вечеров она просидела у каталожных ящиков, многократно перепроверяя правильность каждого индекса. Вот он бы так послепился с этими карточками допоздна! Тогда бы знал, что это такое — правильно составленная библиография. Она почувствовала, что еще немного — и она расплачется от обиды на весь белый свет. Впрочем, разве кто-нибудь из них заметит ее слезы? Если только Далси, кото-

рая мгновенно спишет все на начинающуюся простуду и тут же начнет предлагать свои доморощенные рецепты исцеления за одну ночь от насморка и заложенного горла.

Виола подняла голову и встретилась глазами с Морисом: на его устах играла легкая ироничная улыбка человека, который все успел заметить и все правильно понял. Она резко поднялась со своего места и, схватив блюдо с зеленым горошком, сказала:

— Пойду, отнесу на кухню.

Сидя за кухонным столом, мисс Лорд начищала до блеска хрустальные креманки, которые приготовила для апельсинового мусса.

— Правда, красиво будет смотреться? — обратилась она к вошедшей Виоле. — Ой, ваша шаль, мисс Дейс! По-моему, вы запачкали кисти супом. Дайте-ка мне ее сюда, я сейчас замою.

— Пасха в Тоскане — это что-то! — услышала Виола голос Элвина, вернувшись через некоторое время в столовую.

— Как бы мне хотелось побывать в Италии! — воскликнула в ответ Лорел.

— Кофе я подам в гостиную! — объявила Далси после десерта. — Прошу!

Элвин, Виола и Лорел перешли в гостиную,

а Морис замешкался возле обеденного стола, помогая Далси составлять посуду на тележку. Внезапно он подошел к ней и полуобнял за плечи. Далси замерла, не выпуская тарелку из рук. Неужели он сейчас полезет целоваться?

— Ах, Далси! — прошептал он ей на ухо разомлевшим от сытого обеда голосом. — Наверное, мы все же допустили ошибку, так внезапно разорвав наши отношения.

«Ты допустил, — мысленно поправила она его. — Сказал, что недостоин меня. А ведь и в самом деле недостоин. Или у нее все же чересчур завышенные требования к представителям сильного пола?»

— Не переживай, Морис. Все, что ни делается, все к лучшему. Мы вряд ли были бы счастливы вместе.

— Почему ты так уверена? Жизнь не стоит на месте, а вместе с ней меняемся и мы.

— Теперь уже поздно об этом говорить.

— Почему поздно? У тебя появился кто-то другой? Этот доктор Форбс! Ну, конечно, Элвин! Великий знаток поэзии! — добавил он саркастически.

Мысль о том, что они с Форбсом могут быть вместе, показалась Далси столь абсурдной, что

она негромко рассмеялась. «Некоторые проблемы редактирования текстов», вспомнила она название доклада, с которым Элвин выступал на научной конференции. И как она неслась к нему, зажав в кулаке флакон с нюхательной солью.

— Успокойся, Морис! Я никогда не выйду замуж.

— Вот ты всегда так! Твоя категоричность меня просто пугает. Ты не оставляешь человеку ни малейшей надежды.

«Надежды на что? Что ты снова вернешься ко мне? Не дай бог! — вихрем пронеслось в ее голове. — Вернешься, чтобы потом снова бросить? Нет уж! Хватит!»

— Морис, вокруг полно молодых девушек. Нет нужды горевать о том, что было. Думаю, ты очень скоро найдешь мне равноценную замену. И даже еще лучше.

— Да, но ты не такая, как все. Я знаю это, вижу, чувствую! — продолжал ныть Морис, бестолково топчась рядом.

— Все, Морис! Остальные уже заждались обещанного мною кофе. Я пошла на кухню.

Когда Далси появилась в гостиной с кофейным подносом, Элвин разглагольствовал о своих неометафизиках. Впрочем, судя по лицам гостей,

его откровениям внимала лишь одна Виола. Что же до Лорел и Мориса, то они откровенно скучали в ожидании кофе.

Далси весь вечер хотелось расспросить Элвина о его старшем брате, но она никак не решалась начать этот разговор, боясь показаться бестактной. Непринужденная атмосфера за кофе побудила ее собраться с духом и озвучить вопрос, уже давно вертевшийся на кончике языка.

— У вас случайно нет брата-священника? — поинтересовалась она как можно более безразличным тоном. — Дело в том, что мои дядя и тетя живут рядом с приходом, в котором служит некто по фамилии Невил Форбс. Вот я и подумала…

— Есть! — неохотно признался Элвин. — Мой старший брат имеет духовный сан. Впрочем, мы редко видимся. Родственные узы еще не предполагают наличие духовной близости, не правда ли?

— Не скажите, не скажите! — не согласился с ним Морис. — Родная кровь есть родная кровь. Тем более, священнослужитель!

— Ну и что тут такого? — ринулась на помощь Форбсу Виола. — Подумаешь, священник! Это еще не повод питать к человеку нежные родственные чувства.

— Вот именно! — ухватился за подсказку Элвин. — Люди думают, что священники не такие, как все. Уверяю вас, точно такие же! И проблем с ними не меньше. Нам с матерью это известно не понаслышке.

Интересно, что за проблемы были у Элвина с его старшим братом, если потребовалось даже вмешательство их матери? Далси попыталась представить себе мать Элвина Форбса, почтенную даму с седыми букольками и неизменной бархоткой на дряблой шее. Какие такие неприятности обрушил на ее голову старший сын? Вряд ли ей представится возможность выяснить подробности, ибо Форбс снова вернулся к столь дорогим его сердцу неометафизикам.

Но вот кофе допит, и мужчины начинают собираться по домам.

— Моя дорогая Далси, — прочувствованно мурлыкает Морис, целуя ей руку. — Это был незабываемый вечер! Благодарю тебя!

«Ах, так ее зовут Далси! Надо запомнить», — фиксирует в памяти полезную подробность Форбс и тут же пускает свои знания в дело. Нельзя допустить, чтобы молодой человек переиграл его.

— Благодарю вас, Далси, за прекрасный вечер! Ужин был восхитительным!

Надо же! Он назвал ее по имени. Как непривычно прозвучало оно в его устах. А что такого? Ведь у них же чисто дружеская вечеринка, и все они почти в приятельских отношениях. Только вот вряд ли она рискнет назвать его Элвином в обозримом будущем.

14

Жить по соседству еще не значит встречаться друг с другом каждый день. Во всяком случае, за прошедшие пару месяцев Элвин видел Лорел лишь единожды, да и то только из окна своего кабинета, когда она в утренний час торопилась на автобусную остановку в компании таких же юных, как и сама, сверстниц.

Как жаль, что у него нет собаки! Тогда встреча с девушкой стала бы более вероятной, особенно, во время вечерней прогулки. Какая-нибудь милая собачка, которая моментально привлекла бы внимание к себе своими милыми дурачествами. Такая, которую хочется погладить, потискать, приласкать. Беда в том, что он не большой любитель животных. А уж в доме и вообще их не переносит. И что? Завести собаку, а потом взвалить эту обузу на прислугу? Вот если бы Далси Манаринг жила поближе, то она наверняка не отказала бы ему в помощи по уходу за животным. Все же она очень мила, эта Далси.

Что же до ее племянницы, то встреча с ней, к счастью, случилась и без участия четвероногого питомца, так сказать, в порядке вещей, как нечто

само собой разумеющееся. Элвин возвращался домой из издательства, Лорел спешила к себе после занятий, и они сошлись вместе в одном автобусе, заметив друг друга лишь на выходе. Лорел была не одна, а в обществе своей неизменной подружки Мэрион. Увидев Элвина, она немного смутилась, но все же поздоровалась и представила ему свою спутницу. Подружка показалась Форбсу чересчур раскованной, пожалуй, ее присутствие было даже лишним. Впрочем, на фоне эффектно яркой Мэрион юная племянница Далси показалась ему еще более нежной и хрупкой.

— Ну, как прошел день? — поинтересовался он тоном умудренного жизнью человека просто для того, чтобы что-то спросить. Надо же как- то поддерживать разговор, пока они идут все вместе.

— Спасибо, хорошо! — хором ответили девочки.

— А у вас как? — проявила ответную вежливость Лорел. «А что у них может быть, у этих стариков», — подумала она про себя. Она вообще с трудом представляла себе, чем можно заполнить свои дни в таком преклонном возрасте. Скукотища, а не жизнь!

— Без особых приключений. А вот и мой дом! Приглашаю! Я в это время не отказался бы вы-

пить какой-нибудь аперитив.

— Аперитив? — снова хором удивились девочки, и Элвин моментально устыдился своего предложения. В самом деле! Разве этим юным созданиям нужен допинг в виде спиртного для поднятия настроения или для укрепления общего тонуса? Боже, какой же он безнадежный старик в сравнении с ними.

— Тогда по чашечке чая!

— Я пасс! — мгновенно отреагировала Мэрион. — Прошу простить меня, доктор Форбс, но мне надо бежать. У меня сегодня свидание!

И с этими словами девушка действительно вприпрыжку унеслась прочь. «Беги, кролик, беги», — мысленно напутствовал ее Элвин, ни мало не сожалея о том, что лишился общества Мэрион. После чего снова повернулся к Лорел.

— Ну, а вы? Надеюсь, вы не откажетесь составить мне компанию?

— С удовольствием! — смущенно пробормотала Лорел, всерьез перепугавшись, что вот сейчас этот пожилой джентльмен затащит ее к себе домой и тут же начнет жаловаться на собственное одиночество, неприкаянную старость и прочие «радости» холостяцкой жизни.

— Тогда прошу! — он широким жестом указал

на парадную дверь своего дома.

Все стены в холле и над лестничными проемами были увешаны потемневшими от времени картинами в массивных позолоченных рамах. Они поднялись по лестнице, устланной пушистым ковром в ярко-красных тонах, на второй этаж. Элвин распахнул одну из дверей.

— Моя библиотека!

Огромная комната была сплошь уставлена стеллажами с книгами, которые закрывали все стены, что издали очень смахивало на обычные театральные декорации. Но нет! Книги были самыми настоящими: толстенные, в дорогих кожаных переплетах с золотым тиснением на корешках. Лорел с любопытством уставилась на полки. Не то, чтобы она была большой любительницей литературы. Но ведь надо же было на что-то смотреть. К тому же, переплеты действительно были очень красивыми, вот только названия большинства книг ей ни о чем не говорили.

— Итак, что будем пить? — Элвин указал рукой на маленький журнальный столик, примостившийся возле камина, на котором была выставлена целая батарея графинов со спиртным. — Вот, рекомендую, отличный шерри. Есть

джин. А может быть, немного виски?

— Нет-нет, лучше шерри! — снова испугалась Лорел, на сей раз перспективе быть споенной.

Она взяла предложенный ей бокал двумя руками и неловко прижала его к груди.

«Ну, и о чем я стану говорить с этой девчушкой, — подумал Элвин. Пожалуй, лучше всего просто сидеть вот так и молчать, потягивая виски и любуясь ее прелестным личиком. В конце концов, красивые молоденькие девушки созданы совсем не для разговоров».

— Как поживает ваша тетушка? — нащупал он, наконец, нужную тему для беседы.

— Тетя Далси? — вполне искренне удивилась Лорел. — О, у нее все прекрасно. У нее всегда все прекрасно. Правда, я сейчас редко с ней вижусь.

Лорел скользнула глазами по письменному столу, заваленному бумагами.

— Это корректура моей последней книги, — перехватил ее взгляд Элвин.

— Той самой, над которой работала мисс Дейс?

— Можно сказать и так, — слегка скривился Форбс, снова услышав о неоценимом вкладе Виолы в свой опус. — Хотя, если честно, то ее участие в работе ограничилось исключительно только библиографией.

— Скучное, должно быть, занятие — копаться во всех этих справочниках.

— Согласен, веселого в такой работе действительно мало.

— Но ведь кто-то же должен заниматься и этим.

— Да, вы правы. Более того, молодых филологов даже специально обучают такому ремеслу. О, ваш стакан уже пуст. Разрешите, я подолью еще немного?

— Пожалуй, мне достаточно! — снова смутилась Лорел. — Разве что чуть-чуть. К тому же, мне тоже пора!

— Уже? — разочарованно воскликнул Элвин, на какую-то долю секунды наклонившись над ней с графином в руке.

«А он ведь был очень хорош собой в молодости», — мелькнуло у девушки. Впрочем, от ее зоркого глаза не укрылись темные круги под глазами и серебристые нити в густой светлой шевелюре. Старость! Лорел почувствовала, как непроизвольно сжалось у нее сердце при виде столь прекрасного, но — увы! неизбежного увядания.

«Безжалостное время посеребрило его кудри, которые некогда были золотыми», — вдруг

всплыли в ее памяти строчки стихотворения, которое она когда-то учила в школе. Вот только кто его написал, она вряд ли вспомнит. Особенно, после бокала шерри. Ну, и почему, интересно знать, он над ней завис с этим графином? Неужели сейчас полезет целоваться? О, Поль, где ты? Ты мне сейчас очень бы пригодился!

В дверь негромко постучали. На пороге появилась темнокожая служанка.

— Прошу прощения, сэр! К вам миссис Виллитон.

Стоя в холле, Грейс Виллитон прихорашивалась возле старинного зеркала в бронзовой раме, поддерживаемой двумя позолоченными купидонами. Собираясь с визитом к своему бывшему зятю, она специально надела новую шляпку и сейчас решила, что снимать она ее не будет. Бледно-розовый фетр хорошо сочетается с серым цветом ее костюма, и вообще! Пусть знает, что она тоже знает толк в том, как должна выглядеть леди. Итак, коль скоро он дома, значит, ее письмо получил. Что ж, тем лучше! Не стоит тянуть с тем, что называется «поставить все точки над i».

— Доктор Форбс у себя в библиотеке, — объявила появившаяся на лестнице служанка. — Он ждет вас.

Миссис Виллитон стала медленно подниматься по ступенькам, придирчиво оглядывая ковер под ногами. Чисто! Неужели служанка пылесосит его каждый день? В противном случае, в нем, должно быть, полно моли. Нет! Она все же никогда не чувствовала себя в этом доме комфортно. Да и ее дочь тоже.

— Здравствуйте, Элвин! — проговорила она несколько церемонным тоном, входя в библиотеку. Что за дурацкое имя у ее бывшего зятя! Надо же придумать такое. Элвин!

— Здравствуйте, Грейс! Какая приятная неожиданность!

Наверное, напрасно он назвал ее по имени, испугался Элвин уже после того, как озвучил свое приветствие. Кто знает, вдруг бывшая теща оценит подобную фамильярность, как вопиющую бестактность. Но не «мамой» же ее называть, в самом деле! Особенно в нынешней ситуации.

— Позвольте представить вам мисс… э-э-э… Манаринг.

Черт! Имя девочки начисто выветрилось из его памяти. Ошарашенная Лорел взглянула на него с нескрываемым недоумением. С какой стати этот старикашка решил выдать ее за ее старую тетку?

Маленькая пухленькая женщина в сером ко-

стюме и чересчур яркой для ее возраста шляпке с нескрываемым удивлением вперила свой взгляд в гостью.

— Миссис Виллитон, моя теща! Прошу любить и жаловать!

— Здравствуйте! — улыбнулась Лорел. Улыбка получилась преувеличенно лучезарной. Возможно потому, что спиртное уже успело ударить ей в голову. А, возможно, потому, что ей и в самом деле стало смешно, что у такого пожилого человека есть теща. И вообще, наличие подобных родственников никак не вяжется с обликом мистера Форбса. — Ну, мне пора! Спасибо за угощение, доктор Форбс!

— Я провожу вас! Прошу простить меня, Грейс! Я буквально на одну минуту.

Оставшись одна, миссис Виллитон внимательно обозрела комнату. Так-так! Два бокала для шерри, рядом почти пустой графин. Наверняка он был полон, когда эти двое уединились в библиотеке, якобы для работы. Чего и следовало ожидать! Бывший зятек в своем привычном амплуа: волочится за молоденькими девушками. Омерзительный тип! Какие же нужны еще доказательства его развратной натуры? Можно только предполагать, чем завершилось бы это

милое свидание, не появись она здесь в столь неподходящий момент. Подумать только! Даже сам антураж — книги! не в состоянии остановить этого бабника. Он способен к грехопадению даже в окружении столь славных имен. Она мельком скользнула по корешкам: «Ночные размышления», «Игра воображения», «Россиада». Ничего не говорящие ей названия, неизвестные фамилии авторов. Как же он мог опуститься до подобного безобразия? И это после того, как она предупредила его письмом о том, что придет к нему для разговора. Впрочем, чего еще можно ожидать от всей этой богемной публики? Она ведь сама на днях вернула в библиотеку книгу о похождениях лорда Байрона. Там про него такое написано! Одно слово — развратник! И ее зять недалеко ушел от беспутного лорда.

— Прошу простить меня, Грейс, что заставил вас ждать, — проговорил Форбс, снова появившись в дверях. — Зато сейчас я всецело в вашем распоряжении. Выпить желаете?

— Нет, благодарю вас. Я никогда не употребляю спиртное.

— Ну, шерри едва ли можно назвать спиртным в привычном понимании этого слова. — Кажется, его реплика прозвучала чересчур саркастиче-

ски. — Тогда позвольте, я позвоню служанке, чтобы она подала вам сок. Например, томатный.

— Нет-нет! Обойдемся без соков! Вы получили мое письмо?

— Письмо? Какое письмо?

— Я послала вам письмо третьего дня. Оно уже точно должно было прийти.

— Позвольте-позвольте! Ах, вот вечерняя почта! Сожалею, но я еще не успел ее разобрать.

— Конечно! Вам ведь было недосуг!

— Вот и ваше письмо, кстати! Но моя дорогая Грейс! Вы же перепутали индексы! Я живу на Юго-Западе, а вы написали индекс Западного округа. Неудивительно, что письмо блуждало в пути лишний день. Сейчас я прочитаю его. Или вы предпочтете изложить мне его содержание в устной форме?

— Там нет никакого содержания. Я просто предупредила вас, что собираюсь к вам с визитом.

— Бог мой! Но не проще ли было позвонить по телефону?

Миссис Виллитон, с большой опаской относившаяся к любым техническим устройствам и никогда вполне не доверявшая таким из них, как телефоны, лишь еще плотнее поджала губы.

— Я привыкла уведомлять о своих визитах

письменно. Не вижу повода отступать от своих привычек! Впрочем, коль скоро я уже здесь, то не могли бы мы перейти непосредственно к цели моего визита? Я хочу поговорить с вами о Марджори. Дело в том, что я хотела бы знать, какие у вас дальнейшие намерения относительно моей дочери.

— Намерения? — переспросил Форбс удивленным тоном. — А какие у меня могут быть намерения? Она сама ушла от меня, так и не удосужившись объяснить на прощание истинные мотивы столь импульсивного поступка. Я даже хотел навестить вас, переговорить с ней начистоту, но так и не рискнул зайти.

— Когда это было?

— В тот день, когда у вас в доме проходила благотворительная ярмарка по сбору средств для приобретения нового органа. Я посчитал неуместным появляться у вас дома в такой момент.

— Ах, вот как? — черты лица миссис Виллитон слегка разгладились, и взгляд ее стал не таким колючим.

«Наверняка вспомнила того красавчика-органиста, для которого она собирала пожертвования», — язвительно подумал Форбс, но промолчал.

— Мне жаль, что все так вышло, — проговорила она после некоторой паузы. — Но если бы вы предупредили нас заранее, то, уверена, мы бы что-нибудь придумали.

— Я никак не мог предупредить вас заранее. Дело в том, что желание увидеться с Марджори у меня возникло спонтанно, и я…

— Ах, вот как? Но вы же уже вполне зрелый человек. И мне ли говорить вам о том, как неразумно следовать сиюминутным порывам души или, тем более, желаниям.

— Пожалуй, вы правы! — тяжело вздохнул Форбс. Вот он последовал такому сиюминутному желанию и женился на Марджори. И ничего хорошего в итоге из этого брака не получилось. Да и она, тоже исключительно в порыве чувств, собрала свои вещи и уехала к матери.

— А что, если вам с Марджори встретиться с вашим старшим братом? Он ведь священник, и ему приходится сталкиваться с самыми разными житейскими коллизиями. Авось и насоветует что-то дельное.

— Он бы вначале с собственными коллизиями разобрался, а уже потом начинал советовать другим.

— Тогда, возможно, вам сумеет помочь наш

приходской священник, отец Тулливер. Он очень разумный человек. Приезжайте к нам на Пасху. Думаю, он сумеет выкроить время для того, чтобы переговорить с вами, даже притом, что Пасха для священников — горячая пора.

— Спасибо, но у меня несколько иные планы. Я собираюсь провести пасхальные каникулы в Италии. В Тоскане, если конкретно. Там необыкновенно красиво в эту пору года, особенно, в апреле. Я уже и номер забронировал в тамошней гостинице.

— Ах, вот оно что! — презрительно фыркнула миссис Виллитон. Конечно, куда же такому аморальному типу податься? Только в Италию! Вот и лорд Байрон там подвизался в свое время. — Ну, тогда нам больше не о чем говорить!

— Сожалею! — Элвин изобразил светски вежливую улыбку. — А почему бы Марджори самой не заглянуть ко мне при удобном случае? Кстати, как она? Все хорошо? Мои наилучшие пожелания ей!

Миссис Виллитон покинула дом зятя в самом скверном расположении духа. Хорошо, что она запомнила один чайный магазинчик неподалеку от метро. Этот мерзкий человек даже не сообразил предложить ей чашечку чая, а сама она

не могла опуститься до такого унижения, чтобы просить подать ей воды. Сидя в чайной лавке, она неторопливо глотала горячий ароматный напиток, чувствуя, как силы мало-помалу возвращаются к ней. Вокруг нее сидели такие же озабоченные люди, и по их лицам было видно, что у каждого из них есть свои проблемы или мелкие неприятности. Но картина всеобщей неустроенности окружающей жизни, вполне возможно, подвигнувшая философа на глубокомысленные размышления, а у писателя пробудившая воображение, которое, в свою очередь, дало бы толчок полету творческих фантазий, — все это оставило миссис Виллитон совершенно равнодушной. У нее не было склонности к абстрактным медитациям да и особой игрой воображения она тоже не отличалась. Отставив в сторону пустую чашку, женщина поднялась из-за столика и вдруг неожиданно для себя подумала: «Ну, что могло побудить Марджори выйти замуж за Элвина? Что?» Приемлемого ответа на этот вопрос она так и не нашла. «Да и почему люди вообще женятся или выходят замуж, — размышляла она, стоя уже на платформе метро. Сходятся, потом расходятся. Одни только хлопоты и неприятности и для себя, и для родственников».

15

Далси предложила Виоле посетить церковь Невила Форбса в четвертое воскресенье поста. Утро выдалось прекрасным и по-весеннему теплым. Они вышли из автобуса и направились прямиком к церкви.

— Пожалуй, мне стоит навестить тетю Гермиону и дядю Бертрама после службы, — задумчиво обронила Далси. — Сегодня же принято посещать родственников и делать им маленькие подарки. Наверняка они меня ждут. О, взгляните на объявление! Оказывается, здесь сегодня торжественная вечерня с благодарением.

— Ничего особенного! — тоном превосходства пояснила ей Виола. — У англокатоликов это обычная практика во время поста.

— Тогда, наверное, вам стоило бы надеть шляпку. Или они в наши дни не обращают внимания на такие мелочи, как непокрытая голова?

— Не знаю. Но я не ношу шляпы в принципе. А на такой случай у меня всегда есть с собой небольшая кружевная мантилья черного цвета. Она мне очень к лицу.

— Ну, это уж не столь и важно в подобных

обстоятельствах, — резонно возразила подруге Далси, почти обидевшись за свою уже изрядно поблекшую от времени шляпку из голубого фетра. Остается лишь надеяться, что Виола в процессе службы не станет обряжаться в кружевную мантилью, привлекая к себе тем самым ненужное внимание со стороны прихожан. В конце концов, случайные люди в церкви должны вести себя очень ненавязчиво и не мешать верующим. Ведь у них цель — наблюдать за происходящим, а не превращаться в объект для постороннего наблюдения.

Они вошли в храм, взяли с полки у дверей Псалтырь и сборник церковных гимнов и уселись на одном из последних рядов. Людей в церкви было совсем немного, в основном, пожилые дамы. Впрочем, боковым зрением Далси отметила небольшую группу молодежи, устроившуюся возле самого прохода.

Заиграл орган, и женщины одновременно уставились на алтарь. Сейчас из церковных глубин должен показаться красавец священник, похожий как две капли воды на своего младшего брата Элвина Форбса. К их великому разочарованию, первыми появились хористы, с десяток мужчин и женщин, последние — в строгих платьях пур-

пурно-алого цвета. А следом за ними немного шаркающей походкой вышел и сам священник, высокий лысый человек в круглых металлических очках с толстыми линзами. Он был очень невзрачен: никакого сходства с красавцем Форбсом или с тем вальяжным священником, которого они встретили на выставке. К тому же, он был значительно старше своего брата. «Много-много старше», — разочарованно констатировала Далси. Можно только удивляться тому, что у этого замухрышки возникли какие-то там проблемы сердечного свойства.

— Это не он! — убежденным тоном сказала Виола, когда священник начал гнусавым голосом читать службу.

— А кто же еще? — возразила ей Далси. — Он ведь старше своего брата, так что все верно.

Служба шла своим чередом, и, наконец, наступило время проповеди. Тема ее — «Кто без греха, тот пусть бросит первый камень» — показалась Далси, как нельзя лучше, подобающей случаю. «Интересно, как ему удастся развить эту тему», — подумала она. Ведь большинство слушателей Невила — обычные люди, и у каждого из них за душой есть свои грехи. Однако уже первые слова проповеди заставили ее насторожиться.

— К нашему огромному сожалению, — прогнусавил он первую фразу, — один из наших дорогих братьев сегодня не с нами. Его нет среди нас, и это большая печаль для всех нас.

И вот уже целая россыпь слов «крайне сложные и непредвиденные обстоятельства», «терпение и всепрощение», «упование на милость божью» вдруг сложились в единую картину.

«А ведь Виола права! — мысленно восхитилась Далси прозорливости своей подруги. — Это не Невил Форбс! Это кто-то другой, тот, кто хорошо осведомлен о «крайне сложных и непредвиденных обстоятельствах», случившихся в жизни старшего брата Элвина. Что же у того стряслось?» Насколько она помнит последние номера «Дейли миррор» (любимое чтиво ее служанки мисс Лорд) никаких сенсационных заголовков на первой полосе типа «Тайная жизнь исчезнувшего священника» она там не видела.

Далси с трудом дождалась окончания проповеди, чтобы поделиться с Виолой своими соображениями по поводу всего увиденного. Но едва она открыла рот, как услышала у себя за спиной.

— Добрый вечер! По-моему, вы у нас впервые на службе. Прошу вас на чашечку чая. Мы всегда

устраиваем небольшие чаепития после окончания вечерней воскресной службы. Даже в пост.

Далси повернулась и узнала в женщине, облаченной в пурпурное платье хористки, экономку мистера Форбса-старшего. В руках у женщины была начатая бутылка молока и пакет с кусковым сахаром.

— С удовольствием! — немедленно согласилась Далси, опередив возможные возражения Виолы.

— Тогда прошу следовать за мной в холл!

Женщина повела их по проходу мимо органа к уже знакомой двери, притаившейся в боковой стенке.

«Итак, сейчас мы попадем за кулисы, — размышляла Далси, вдыхая тяжелый, напоенный ладаном воздух. — И моментально совершим переход от небесного к земному». Впрочем, глядя на служек, которые деловито прибирали алтарь и собирали свечи по всему храму, можно было сделать вывод, что для них этот переход уже свершился. Один из них небрежным движением сбросил с себя рясу, и Далси увидела под ней обычный кожаный пиджак. А у другого из-под рясы выглядывали вполне современные джинсы.

— У нас холл находится здесь, — проговорила женщина, открывая ту самую дверь, которая

вызвала такое любопытство у Далси в ее прошлое посещение храма. — Очень удобно, знаете ли!

— А что это там за шум? По-моему, у вас уже танцуют! — воскликнула Виола, прислушиваясь к громыханию музыки, доносящейся из холла.

— Да, это наша молодежь устроила себе небольшую танцевальную вечеринку. Как всегда, по воскресеньям. Конечно, шума от их музыки много, но мы уже привыкли.

В просторном помещении с десяток молодых людей с упоением отплясывали под ультрасовременные ритмы.

«Да, здесь особенно не поговоришь», — подумала Далси.

— А ваш священник выступил сегодня с очень хорошей проповедью, — сделала она первую попытку перекричать жуткую какофонию звуков.

— Да это же вовсе не наш викарий! — прокричала ей в ответ экономка. — Он просто временно исполняет обязанности отца Форбса, только на время поста. А вот и ваш чай!

Перед ними возникла молоденькая девушка с подносом, на котором стояли чашки с чаем.

— Спасибо, Ширли! — Экономка взяла чашки и передала их Виоле и Далси. — Вам с сахаром?

— А что, отец Форбс заболел? — испугалась

Далси того, что сейчас разговор примет общий характер и она так и не успеет узнать все, что ей хочется.

— Не то, чтобы заболел, — неохотно выдавила из себя женщина. — Просто, вся эта история с мисс Спайсер серьезно выбила его из колеи. Вы же знаете, такое случается сплошь и рядом. Прихожанка влюбляется в своего священника. Тем более, в такого красавца, как наш! — с гордостью в голосе добавила экономка. — Но он ведь дал обет безбрачия. Целибат! А тут она со своей любовью! Очень неловкая ситуация получилась!

— Но откуда вы знаете, что она его любит? — не выдержала Виола.

В танцах наступил короткий перерыв, меняли пластинку, а потому экономка перешла на обычный голос.

— Да она сама об этом трубила на каждом шагу. И ему призналась в любви! Я собственными ушами слышала весь их разговор. Отец Форбс пытался урезонить бедняжку, наставить на путь истинный, но где там! У него с ней было столько проблем!

Странно! Точно так же выразился и Элвин, когда говорил о своем брате. Дескать, у них с матерью столько проблем с ним.

— А где он сейчас? — упорствовала в своем любопытстве Далси.

— Уехал к матери. У нее на западном побережье отель для отдыхающих. По-моему, это Тейвискомб — небольшой курортный городок. В любом случае, ее отель «Орлиное гнездо», насколько мне известно, приносит постоянный и устойчивый доход. Золотая жила, одним словом!

— А мисс Спайсер? Она поехала вместе с ним?

— О нет! Что вы! Разве она может бросить свою мать одну? Почтенной миссис Спайсер уже далеко за восемьдесят. К тому же, в последнее время она постоянно падает. Ее никак нельзя оставлять без присмотра. Конечно, отец Форбс выбрал совершенно неподходящее время для своей отлучки. Пасха ведь на носу. Сейчас в церкви полно работы. А все эти приходящие священники! — женщина понизила голос до шепота. — Проку от них, знаете ли, совсем немного! Но, наверное, так надо было. Скорее всего, это наш епископ порекомендовал отцу Форбсу пойти на такой крайний шаг. Хоть бы он вернулся уже к самой Пасхе! — женщина издала тяжелый вздох. — Приходите к нам на Пасху! Уверена, вам понравится, как ведет службу отец Форбс.

— Не сомневаюсь! — вежливо согласилась с

ней Далси.

Когда они с Виолой вышли на улицу, было уже совсем темно.

— Думаю, вам стоит перенести свой визит к родственникам на другой день, — проронила Виола в своей обычной меланхоличной манере.

— Пожалуй, вы правы! Слишком много информации обрушилось сегодня на мою голову. Давайте зайдем куда-нибудь по пути и поужинаем.

А заодно и обмозгуем, что нам делать с этим небольшим курортным отелем на западном побережье.

— Как, что? — насмешливо парировала ей Виола. — По-моему, самое время отправляться в Тейвискомб, где находится этот самый отель «Орлиное гнездо», чтобы увидеть все собственными глазами. Составить полную картину происходящего, так сказать, непосредственно на месте.

— А это мысль! — обрадовалась неожиданной подсказке Далси. — В самом деле, что мешает нам провести предстоящие пасхальные каникулы на морском побережье, а? Завтра же напишу туда письмо с просьбой сообщить мне о своих расценках. Как вы думаете, Виола, у них ведь имеются в гостинице рекламные проспекты с

прейскурантом?

— Тише, Далси! Успокойтесь! — попыталась остудить ее пыл подруга. — Неудобно же! На нас уже люди начинают обращать внимание.

16

Между тем жизнь в отеле «Орлиное гнездо», единоличной владелицей коего являлась мать братьев Форбсов, шла своим размеренным и устоявшимся годами чередом. Здесь уже начались приготовления к приему первых постояльцев нового курортного сезона. Так, накануне Вербного воскресенья в гостинице затеяли генеральную уборку. Кардинальной чистке и проветриванию подверглось буквально все, включая чучело орла, украшающего гостиничный холл. Своеобразный символ и зримое напоминание о том, в честь кого назван сей приют любителей уединенного отдыха на взморье.

Однако в этом году дела как-то с самого начала пошли наперекосяк. Во- первых, только в средине поста миссис Форбс обнаружила, что в столовой до сих пор лежат на столах скатерти, которые были постелены еще летом. Вполне возможно, такое недоразумение со стороны прислуги случилось потому, что в прошлом сезоне они у себя в отеле впервые опробовали веселенькие скатерти из пластика, которые не нужно было стирать каждый день. И все же, и все же… Эта досадная

мелочь явилась первой в нескончаемой череде плохих знамений, надолго лишивших миссис Форбс спокойствия и сна. Ибо вторым таким знамением стал сам орел, вернее, его чучело. Царственной птице надоело терпеть все те издевательства, которым он подвергался со стороны горничных, чистивших его перья. До поры до времени он стоически сносил их над собой, но в этот раз не выдержал, изловчился и серьезно поранил когтем руку служанки, мывшей его оперение.

Наконец, третьим, поистине завершающим аккордом стало неожиданное появление в отеле старшего сына миссис Форбс — Невила. Он явился без всякого предупреждения, поздно вечером, с небольшим саквояжем в руке и в своем неизменном черном облачении католического священника. Конечно, миссис Форбс предпочла бы увидеть на его месте Элвина. И не столько потому, что тот был ее любимцем. Просто, от младшего сына было бы больше проку. Подумайте сами, какой толк может быть от человека в сутане на кухне, в столовой или за стойкой регистрации? К тому же, люди, особенно отдыхающие, без особого восторга воспринимают фигуру священника, праздно шатающегося среди сугубо цивильной публики.

А потому миссис Форбс не стала бы возражать и, даже напротив, была бы очень рада, если бы Невил вымелся из отеля еще до начала пасхальных каникул. Иначе он и в самом деле может нанести серьезный урон семейному бизнесу. Да и вообще! У миссис Форбс в голове не укладывалось, как можно бросить приход, пусть и не самый оживленный в Лондоне, и уехать за три девять земель от своей паствы в самый разгар поста. Объяснить же причину своего неожиданного появления у матери сын поначалу категорически отказывался. Впрочем, миссис Форбс уже давно не нуждалась ни в каких объяснениях. Все, как всегда, мгновенно решила она, квалифицировав причину известным выражением «проблемы с женщинами». Ибо такое с ее старшим сыном происходило регулярно. Все начиналось, как невинная дружба священника и прихожанки, а потом неожиданно для себя и всех окружающих несчастная влюблялась в прелата, загоняла Невила в угол, и начинались те самые «проблемы с женщинами», справиться с которыми у него самого не было уже ни сил, ни возможностей. Да, этот обет безбрачия, он так некстати ее старшему сыну. «В конце концов, ему следует определиться и выбрать одно из двух: либо жениться, либо

уйти в монастырь», — размышляла миссис Форбс, явно раздосадованная поведением своего старшенького. Впрочем, женись он на очередной прихожанке, влюбившейся в своего священника, и где гарантия, что это не случится снова? Разве что его избранницей окажется сильная женщина, способная постоять и за себя, и за неприкосновенность своего семейного очага.

Вот Элвину, тому не повезло с женой, это правда. Женился на какой-то серой мышке. К тому же, совершенно бесхарактерная особа. И вообще! Конечно, Марджори — славная девочка, но ее сыну она уж точно не пара. Элвину с его положением нужна совсем другая женщина. А пока же и у младшего сына на семейном фронте — увы! — одни неприятности.

Миссис Форбс, занимавшаяся у себя в кабинете разбором утренней почты, с тяжелым вздохом отложила в сторону письмо от Грейс Виллитон. Глядя на эту костлявую, немного нескладную женщину с длинным носом и маленькими пронзительными глазками, трудно было поверить в то, что это именно она родила двух красавцев сыновей, которые, слава богу, ничего не позаимствовали по части внешности у родной матери. Гортензия Форбс уже заранее знала содержание

письма миссис Виллитон (они со сватьей так и не перешли на «ты» и на обращение по имени). Наверняка сообщит пару-тройку гадостей про сына, а потом попросится к ней на постой. Так и есть!

«В мою последнюю встречу с Элвином у него дома я лишний раз убедилась в том, что превыше всего на свете ваш сын ставит собственные удовольствия, потакая всем своим желаниям. Так, он сам рассказал мне, что пасхальные каникулы намеревается провести в Италии и уже забронировал себе номер где-то в Тоскане. Что ж, я думаю, Марджори тоже заслужила несколько дней отдыха у моря. А потому, если вы не возражаете, то мы приедем в Тейвискомб во вторник или среду, сразу же после Пасхи. Надеюсь, в это время у вас еще найдутся свободные комнаты для нас двоих. Нам есть о чем поговорить…»

Миссис Форбс взяла со стола следующее письмо.

«Мадам! Буду весьма признательна, получить от Вас прейскурант с расцен-

ками на услуги в Вашем отеле. Прилагаю чистый конверт с маркой для ответного письма. Заранее благодарю Вас. Далси Манаринг».

Миссис Форбс разгребла ворох бумаг на своем столе и откуда-то снизу извлекла небольшой проспект с цветными фотоснимками отеля и просимым прейскурантом. Впрочем, цены уже давно успели устареть, ну, да бог с ними. Нового проспекта все равно нет. Она вложила глянцевый листок в чистый конверт, заклеила его и только потом заметила, что неизвестная просительница по имени Далси Манаринг наклеила на конверт марку достоинством целых три пенни.

— Надо же! Какое расточительство! — пробормотала она недовольным голосом. — Проспекты и прочая печатная продукция рассылаются по почте всего лишь за два пенса. Но ничего! Сейчас мы это быстро исправим!

Миссис Форбс взяла промокашку, смочила ее теплой водой из чайника и, прижав к марке, держала ее до тех пор, пока та не отклеилась. После чего приклеила на конверт марку нужного достоинства, а эту спрятала в один из ящиков письменного стола.

Покончив с делом, миссис Форбс снова вернулась к письму от миссис Виллитон. «Хорошо, что они собрались нагрянуть к ней уже после Пасхи», — подумала она. Хотя, если честно, никаких проблем с гостями не возникло бы, надумай они приехать в Тейвискомб и на саму Пасху. Нельзя сказать, что в эту пору года от постояльцев в отеле не было отбоя. Да и в разгар летних отпусков приезжие отнюдь не брали штурмом стойку регистрации в гостиничном фойе. Несмотря на все красоты, о которых так красочно живописал туристический проспект, отель был расположен все же не очень удобно, естественно, с точки зрения отдыхающих. А именно, он находился на довольно значительном удалении от моря. А потому фразу из проспекта «Рядом море и магазины» следовало бы сократить, оставив только про магазины.

Местонахождение «Орлиного гнезда» в глубине побережья создавало определенные неудобства для отдыхающих, которые не могли позволить себе роскошь выходить на пляж в купальном костюме прямо из номера и в таком же виде возвращаться обратно. А потому пустующих комнат в гостинице было предостаточно в любое время года, что отнюдь не поколебало решимости мис-

сис Форбс поселить родственниц сына в одном из номеров, выходящих окнами не к морю, а во двор. Эти комнаты дешевле, а никто не собирается драть с них три шкуры. Разумеется, они вообще могут пожить у нее бесплатно, так сказать, на правах близкой родни. Но, зная принципиальный характер миссис Виллитон, можно было уже заранее предвидеть: никаких одолжений такого плана она не потерпит. «Нет, нет! — воскликнет она с негодованием. — Об этом не может быть и речи! Мы с Марджори вполне кредитоспособны. И потом, это же ваш доход, миссис Форбс. Ваш, если хотите, источник существования».

— Привет, мамуля! — в двери появился Невил. Это детское обращение прозвучало немного странно в устах священника, облаченного в сутану, но Гортензия Форбс, судя по всему, даже не обратила внимания. — Чем занимаешься?

— Да вот ломаю себе голову над тем, в какие комнаты поселить Марджори и ее мать.

— Ну, по-моему, как раз-то с этим проблем нет. У тебя полно свободных комнат. Выбор более чем обширен.

Невил издал короткий смешок.

— Выбор есть, это правда! — не поддержала шутливый тон сына миссис Форбс. — Скажи на

милость, почему ты слоняешься по отелю в этом странном одеянии? — неожиданно добавила она с плохо скрываемым раздражением.

— Мама, я священник. Надеюсь, ты не забыла об этом! «Странное одеяние», как ты изволила выразиться, — это моя униформа. Между прочим, в Лондоне так ходят все священники.

— Так то в Лондоне! А здесь ты у всех на виду. И выглядишь в этом балдахине, словно старый монах. Впрочем, какая-то польза от него все же есть. Во всяком случае, не так быстро снашивается цивильное платье. Невил! — резко перевела она разговор на другое. — Я думаю, тебе надо побеседовать с Элвином. У них там что-то разладилось с Марджори. А она, при всем том, очень милая девочка.

— Я с самого начала знал, что именно так все и закончится. Эта женщина ему совершенно не подходит. Элвин влюбился в хорошенькую мордашку и потерял голову, как мальчишка. Не подумал о том, что в браке главное — это общность духовных интересов.

— Но ведь и твои прихожанки влюбляются в твою хорошенькую мордашку, ни мало не заботясь об общности духовных интересов. Разве не так? — рассмеялась миссис Форбс в ответ.

Невил вспыхнул до кончиков волос. Конечно, он прекрасно знал, что чертовски хорош собой. Но хорошенькая мордашка — это все же слишком! Он украдкой глянул на себя в зеркало. Красивое лицо с правильными чертами, очень похож на Элвина, но у того гораздо более озабоченный вид. Да и волосы у него светлее, чем у младшего брата. Вон как распушились на висках, словно локоны, обрамляющие головки ангелов на картинах итальянских мастеров эпохи Возрождения.

— Если ты имеешь в виду мисс Спайсер, мама, то она полюбила меня отнюдь не за мою внешность!

— О, да! Так я тебе и поверила! По весне, знаешь ли, все женщины одинаковы. Теряют разум, словно… самые обычные кошки!

Вполне возможно, на кончике языка миссис Форбс вертелось и более крепкое выражение, но строгое облачение сына заставило ее сдержаться.

Неожиданно она притянула его к себе и обняла.

— Ты так похож на своего отца! — проговорила она с нежностью. — И ты, и твой брат, вы оба! И проблемы у вас одинаковые. Все никак не можете разобраться со своими женщинами, господи

прости!

— Мама, ты преувеличиваешь!

— Ни капельки! В остальном же, вами можно только гордиться. Подумать только! Один — профессор, второй — священник. Какая мать не гордилась бы?

— Ну, во-первых, Элвин — не профессор, — педантично уточнил Невил.

— Хорошо-хорошо! Доктор философии или как это там у вас называется! Но все равно, в один прекрасный день он станет профессором, уверена в этом. А ты будешь епископом.

— Вот это уж точно весьма маловероятно!

— Взгляни, дорогой, как там мой кофе. Я люблю, когда он хорошо перекипит. Тогда у него и вкус покрепче.

— Мама, что за причуды! Перекипевший кофе — это такая гадость!

— А я всегда кипячу его для своих постояльцев. От этого у него цвет темнее. Приходится думать и о таких мелочах, когда работаешь с людьми, дорогой. Кстати, какие у тебя планы? Собираешься встретить Пасху вместе с нами?

— Да. Епископ любезно разрешил мне взять кратковременный отпуск для восстановления сил. Я объяснил ему, что нахожусь на грани нерв-

ного и умственного истощения.

— Даже так? Но с таким диагнозом, дорогой, тебе самое место в клинике для душевнобольных, а не на морском побережье, да еще в канун открытия курортного сезона. Кстати, ты рассказал епископу о своих шашнях с мисс Спайсер?

— Мама! Что за выражения! Естественно, о мисс Спайсер у нас с ним речи не было. А что, если мне жениться на ней? — неожиданно добавил он вполголоса, словно рассуждая сам с собою вслух.

— Жениться на ней? — эхом повторила конец фразы миссис Форбс.

— Ну да! Из нее, между прочим, получилась бы очень хорошая жена.

— А я была уверена, что ты в свое время давал обет безбрачия или как это там у вас называется.

— Все верно! Но в жизни любого священника бывают ситуации, когда приходится поступаться какими-то принципами… ради счастья ближнего.

— Не знаю, что тебе и сказать, сынок. Честное слово, не знаю. Так мой кофе закипел? Он уже, наверное, весь выкипел! Кстати, если пойдешь на прогулку, брось это письмо в почтовый ящик. Какая-то дама из Лондона попросила послать ей прейскурант на услуги в нашем отеле.

Невил машинально взглянул на имя адресата. Некая мисс Далси Манаринг. Красивый почерк. И конверт с маркой наверняка прислала. Мать-то уж точно не стала бы тратиться на то, чтобы отослать ей свой прейскурант.

17

Когда наступила пора действовать, то есть когда нужно было уже бронировать номера в гостинице, Далси вдруг охватила странная нерешительность. Более того, ей даже категорически расхотелось останавливаться именно в «Орлином гнезде». Предусмотрительно связавшись заранее с городским бюро по туризму, она на сей момент располагала обширной информацией о том, как обстоят дела в сфере гостиничного бизнеса в далеком Тейвискомбе. Ибо на руках у Далси имелся полный перечень всех отелей и пансионатов, расположенных в этом курортном городке.

— Пожалуй, вначале нам все же стоит выбрать что-нибудь другое, — поделилась она своими соображениями с Виолой. — Оглядимся, посмотрим на родовое гнездо Форбсов, так сказать, со стороны и на месте решим, что делать дальше. К тому же, у нас нет никаких стопроцентных гарантий, что Элвин в Италии. А вдруг он тоже гостит у матери? И тогда получится очень неловко. Вот если бы он прислал нам хоть одну открытку из Тосканы, то можно было бы и не сомневаться с

выбором местопроживания.

Как оказалось, открытку Элвин Форбс все же отослал, только не им с Виолой, а Лорел. Во время очередного сеанса связи с тетей Далси по телефону девочка среди прочего сообщила и эту новость: доктор Форбс прислал ей из Италии поздравительную открытку с видом какой-то церкви.

— Как это мило с его стороны! — восхитилась вслух тетя, а про себя подумала, что открытку он должен был послать, в первую очередь, им с Виолой, а уже потом — ее племяннице. В конце концов, Лорел — еще совсем ребенок! Что, впрочем, отнюдь не умаляет его похвального желания заняться культурным образованием подрастающего поколения.

— Я вообще отказываюсь понимать вас, Далси! — довольно апатично реагировала на все ее терзания Виола, мысли которой были в последнее время заняты очередным сердечным увлечением. — Ну, и какая нам разница, где сейчас находится Элвин! Мы же не к нему в гости собираемся! По-моему, вы слишком сильно комплексуете по пустякам.

— Да я и сама знаю, — согласилась с ней Далси. — Но знаете, как это бывает? Вначале ты начинаешь свой научный в кавычках поиск, ру-

ководствуясь сугубо академическим интересом. А потому не испытываешь никаких терзаний, вторгаясь в чужую жизнь. Но мало-помалу тобой начинают овладевать сомнения, а правильно ли ты поступаешь, когда суешь без спроса свой нос в чужую жизнь, и тебе даже делается стыдно за собственную бесцеремонность. — Далси действительно слегка покраснела. — Вот так случилось и со мной. Вначале праздное любопытство, и только! Зачем я ходила в церковь, где служит Невил? Да еще потом и вас потащила с собой. Зачем мне нужно было выяснять все эти подробности, связанные с его личной жизнью? Господи! И когда все это началось!

— Что «все»? — не поняла ее Виола.

— Мой интерес к семейству Форбсов.

— О, я думаю, он зародился еще прошлым летом, на конференции.

— Наверное, вы правы. А все из-за Мориса. Если бы он не разорвал тогда помолвку, то я бы и не поехала на эту конференцию. И не встретилась бы там с Элвином, и вообще…

Она сконфуженно замолчала, не зная, что еще сказать в свое оправдание.

— И все же я не вижу никаких препятствий для нашей поездки в Тейвискомб. Это будет даже

занятно. И «Орлиное гнездо» вовсе не должно пугать вас неотвратимостью наказания за ваш повышенный интерес к сыновьям миссис Форбс.

— Нет-нет! Решено! Первую ночь мы проведем в каком-нибудь другом отеле. Вот их список. Выбирайте на свой вкус.

— Тогда вот этот! — Виола ткнула пальцем в первое же попавшееся название. — Гостиница «Якорь», — прочитала она вслух. — «Атмосфера христианского тепла и уюта». Что за глупости пишут во всех этих проспектах!

— Почему? — не согласилась с ней Далси. — Вполне возможно, кому- то именно этого и не хватает в жизни: христианского тепла и уюта. Значит, выбор сделан. Звоню в «Якорь» и бронирую номер на одну ночь. Кстати, судя по адресу, гостиница располагается почти рядом с «Орлиным гнездом». Что удобно во всех смыслах.

И в самом деле! «Орлиное гнездо» было видно из окна их номера как на ладони. В реальной жизни вид у владения миссис Форбс был не столь внушительным, как на фотографии, помещенной в проспекте, который она переслала Далси. Отель оказался гораздо меньше, гораздо невзрачнее, и никаких автомобилей на стоянке рядом с парадным входом. И вообще, безлюдность со стороны

фасада гостиницы настораживала и даже пугала.

— Наверное, они еще просто не готовы к открытию курортного сезона, — проронила Далси, внимательно обозревая местные окрестности до тех пор, пока не стало совершенно темно. — Но все равно завтра надо что-то решать. Меня уже предупредили, что свободных номеров в «Якоре» нет. Тем более, что мы заказывали номер только на сутки. По их словам, на Пасху у них всегда аншлаг. Вот что значит атмосфера истинного христианского тепла и уюта.

— Да уж! Чего-чего, а тепла здесь хватает, — процедила сквозь зубы Виола, но, оказавшись возле стойки, не преминула вступить в контакт с администраторшей. — Что бы вы нам посоветовали? — доверительным тоном обратилась она к высокой, несколько сухопарой женщине в безукоризненно белом, накрахмаленном до хруста халате, делавшим ее похожей скорее на зубного врача, чем на работницу сферы обслуживания. — Вот, к примеру, «Орлиное гнездо».

— «Орлиное гнездо»? — переспросила администраторша и рассмеялась веселым переливчатым смехом, который, по всей видимости, тоже способствовал формированию атмосферы той самой атмосферы христианского тепла и уюта. — Ах,

что вы, мадам! Это же такая развалюха! Говорят, внутри там вообще все, как при царе Горохе. Одно старье.

— Отель принадлежит некой миссис Форбс, если я не ошибаюсь, — вступила в разговор Далси, делая вид, что она сосредоточенно изучает перечень отелей и гостиниц в городе.

— Да! Весьма эксцентричная старуха. И вообще! Что-то у них там творится неладное.

— Неладное? — испугалась Далси. — Вы хотите сказать, что их лишили лицензии?

— О, нет! Тут совсем другое. Вдруг ни с того ни с сего появляется ее сынок. Старший, тот, который священник. И это в разгар поста, самое напряженное время в любом приходе. Представляете?

Женщина впилась в нее тяжелым немигающим взглядом.

— Да, но я не вижу здесь ничего экстраординарного, — попыталась отбить атаку Далси. — А что, если они тоже захотели создать у себя атмосферу христианского тепла? — не удержалась она от колкости. — Вполне разумное намерение в преддверии Пасхи, не так ли?

— Вот как раз для этого иметь у себя священника под рукой совсем не обязательно! — оставила без внимания администраторша ее саркастиче-

ский выпад. — Он только распугает всех клиентов своей сутаной.

— Ну, и чем займемся сейчас? — поинтересовалась Виола после ужина. — По-моему, собирается дождь.

— Давайте пройдемся к тому замку, который мы видели из окон поезда, когда подъезжали к Тейвискомбу, — предложила Далси. — Это, должно быть, где-то совсем недалеко отсюда. Потом прогуляемся по побережью, а заодно рассмотрим и родовое гнездо миссис Форбс со всех сторон.

Перспектива провести весь вечер в спальне, бесцельно валяясь на собственной кровати, между прочим, весьма характерная особенность именно английского времяпрепровождения праздников, так вот, такая перспектива показалась Виоле малопривлекательной. А потому предложение Далси, несмотря на скверную погоду, было принято. Тем более, и время-то было детское, только половина восьмого вечера.

На улице и в самом деле было очень сыро и ветрено. Прогулка по морскому побережью сулила мало приятного.

— Давайте прямо сейчас, — проговорила Далси, сделав особое ударение на слове «сейчас», — отправимся в «Орлиное гнездо» и зарезервируем у

них два номера на завтрашний день.

— Вы точно уверены, что хотите поселиться именно там? — с сомнением в голосе поинтересовалась Виола. — Здесь рядом, буквально в двух шагах, есть еще один отель. Весьма респектабельный, по-моему. Называется «Бристоль».

— Не знаю, хочу я того или нет, но какой-то непреодолимый рок влечет меня в это проклятое «Орлиное гнездо». Все это уже начинает смахивать на античную трагедию, когда человек не властен над собой, безропотно подчиняясь неумолимому ходу событий.

К отелю «Орлиное гнездо» женщины подошли в кромешной тьме. Как ни странно, но вблизи, да еще в темноте, здание смотрелось весьма внушительно. В нем даже появилась та величественность, которую уловил фотограф, делая свои снимки для рекламного проспекта. Что при свете утреннего дня, когда Далси изучала проспект, показалось ей чистейшей воды приукрашиванием действительности. Но вот сейчас, вглядываясь в маленькие башенки и узкие готические окна, словно сошедшие с картинок, на которых изображались средневековые замки, она не могла не признать: да, что-то есть завораживающее в этом пейзаже. Некая печать таинственности

лежит на самом здании, поражающем вблизи безупречностью пропорций и утонченностью архитектурного стиля.

Впрочем, гостиница утопала в темноте не только снаружи. Все вокруг казалось вымершим: ни одного освещенного окна.

— Может, они все собрались в столовой и сейчас ужинают, а окна столовой выходят во двор, — предположила Виола. — Давайте поищем центральный вход.

— По-моему, мы как раз и стоим напротив него. У меня такое впечатление, что этой дверью никто и никогда не пользуется. Или она распахивается только по каким-то очень торжественным дням. Например, когда на трон вступает кто-то из династии Стюартов. Но как бы то ни было, а я вижу, что оттуда изнутри пробивается тусклый свет. Значит, в гостинице кто-то есть. Вперед!

В полутемном вестибюле, заставленном крохотными скамеечками для ног, об одну из которых немедленно споткнулась в полумраке Далси, с грохотом перевернув ее, не было ни души.

— Ну, и что дальше? — недовольно спросила у нее Виола. — Где здесь администратор? Кто нам покажет номера? Здесь вообще есть кто живой?

— Тише! Я слышу голоса!

Они замолчали, прислушиваясь. Говорила женщина с ярко выраженным местным акцентом. Второй голос был мужским: четкая дикция, правильная речь.

— Я еще не готов принять окончательное решение, — произнес мужской голос. — Вполне возможно, в один прекрасный день я приму такое решение. Но в любом случае, это будет мой выбор, и никто не навяжет мне его. По-моему, или это мне показалось, но хлопнула входная дверь. Пойду, взгляну, кто там.

— Нет уж! Предоставь это мне, Нев! Ты даже не знаешь, как надо обращаться с клиентами.

Раздался по-старчески хриплый смешок, а вскоре в вестибюле появилась и сама миссис Форбс.

— Добрый вечер, леди! Что вам угодно?

Первое чувство, испытанное Далси, очутившейся лицом к лицу с той, о которой она так много размышляла в последнее время, — это удивление, на смену которому тут же пришло разочарование. Надо же! Эта женщина совершенно не похожа на Элвина.

— Нам нужны комнаты. Но прежде хотелось бы взглянуть на то, что вы можете нам предложить, — начала деловую часть разговора Виола, пока Далси приходила в себя от потрясения. Но

постепенно ее внимание переключилось на священника, маячившего за полураскрытой дверью. Наконец-то Невил Форбс собственной персоной!

— Как вам будет угодно!

Все четверо стали неспешно подниматься по широкой деревянной лестнице, устланной темно-красным турецким ковром. Мисс Форбс важно шествовала первой. Они молча прошли по длинному коридору, стены которого украшали старинные гравюры, изображающие разнообразные батальные сцены. Все двери в комнаты были закрыты, а тишина показалась Далси почти кладбищенской. Неужели здесь никого нет, испугалась она. Или в этом здании такие толстенные стены, что ни один звук не проникает наружу?

Наконец, хозяйка остановилась возле одной из запертых дверей и, повозившись некоторое время со связкой ключей, нашла тот, что ей нужен, открыла дверь и сделала шаг в сторону, пропуская вперед Далси и Виолу.

Первое, что бросилось Далси в глаза, это то, что в комнате была только одна кровать: широкая двуспальная кровать, покрытая белым вафельным покрывалом. О, нет! Виола никогда не согласится на такой вариант — спать вместе. Но не вступать же в пререкания с матерью Элвина! Придется

довольствоваться тем, что она предлагает.

Со смешанным чувством облегчения и стыда Далси услышала сердитый голос Виолы.

— Нет! Это нас не устраивает. Нам нужна комната с двумя кроватями и горячей и холодной водой в номере. Или же две отдельные комнаты, но тоже с водой.

Некоторое время миссис Форбс задумчиво изучала Виолу.

— Это обойдется вам гораздо дороже, мадам. Вы же знаете, какие цены сегодня на стирку белья. В этих прачечных заправляют самые настоящие бандиты, грабители с больших дорог. А тут сразу еще один дополнительный комплект придется стирать.

— Мы не возражаем! — поспешила успокоить ее Далси. Немного странно, что владелица не торопится демонстрировать им отдельные номера. — Неужели все одноместные номера уже забронированы?

— Нет еще! Но люди могут приехать в любое время. Вы же знаете, как это бывает!

— Вот когда они приедут, тогда пусть и волнуются. А пока приехали мы! — нетерпеливо перебила ее Виола. — А потому имеем все права выбирать.

— Сегодня никого нет, а завтра пожалуют сразу пятьдесят человек. Особенно в разгар охоты. В столовой не протолкнуться, а уж стирки — горы! — продолжала упорствовать старуха.

— Мама все еще живет прошлым, — шепотом проговорил Невил, обращаясь к Далси. — Когда-то ее отель действительно был прибыльным бизнесом, но сейчас… Разве что летом, в самый разгар курортного сезона, кто-нибудь случайно забредет к нам. Но не беспокойтесь! У нас хорошая кухарка. И горничная убирается каждый день. Условия вполне комфортные. И две отдельные комнаты мы вам, конечно, сыщем.

— Вот и прекрасно! — милостиво согласилась Виола. — Завтра же утром мы привезем к вам свои вещи.

Далси мельком заглянула в одну из одноместных комнат. Чистенько, но вид абсолютно нежилой. Интересно, проветриваются ли здесь когда-нибудь постели? Страх, передавшийся ей по наследству от матери. Впрочем, подцепить ревматизм, валясь на влажных простынях и сбитых матрасах, — это и в самом деле пара пустяков. Но отступать было уже поздно.

— Так мы вас ждем завтра утром! — услышала она у себя за спиной голос Невила, уточнявшего

какие-то последние мелочи с Виолой, и снова подумала, что бессильна перед неумолимой волей рока.

18

Утром они перенесли свои пожитки в «Орлиное гнездо» и отправились бродить по городу. У Далси уже возникла очередная идея: сходить на церковное кладбище и постараться отыскать там могилу мужа владелицы отеля.

— Почему вы так уверены, что мистер Форбс упокоился именно в Тейвискомбе? — удивилась Виола, выслушав столь неожиданное предложение. — Вполне возможно, отец братьев Форбс погиб на одной из двух мировых войн.

— Нет! — упорствовала Далси. — Я уже внимательно изучила список всех местных жителей, погибших на войне. Их фамилии перечислены на мраморной табличке у основания того обелиска в центре города, установленного в честь героев-фронтовиков. Имени Форбса среди них нет.

Церковное кладбище встретило их покосившимися от времени надгробиями, выстроившимися в два ряда возле аллеи центрального входа.

— Ну, и что вы здесь собираетесь искать? — недовольно поинтересовалась Виола. — Вы только взгляните на даты!

Действительно, на надгробных плитах были

выбиты годы, весьма далекие от тех дат, которые были нужны им: 1887 год, 1891 год, 1874 год и так далее.

— Просто это старая часть кладбища, — не сдавалась Далси. — А если мы пройдем вглубь, то там наверняка начинаются захоронения уже более поздних времен.

— Доброе утро, леди! — услышали они чей-то жизнерадостный голос и одновременно повернулись на него. Навстречу им торопливо шел невысокий мужчина, облаченный в цивильный костюм крапчатой расцветки, и лишь рубашка с высоким воротом-стойкой выдавала в нем священнослужителя. — Чем могу быть вам полезен? — добродушно поинтересовался он у них, подходя ближе.

— Я так понимаю, что вокруг церкви располагаются исключительно старые захоронения? — не удержалась от вопроса Далси, вопреки своим вечным страхам показаться постороннему человеку назойливой и даже чрезмерно любопытной.

— Вы абсолютно правы! — прежним жизнерадостным тоном ответствовал ей священник. — Последние сорок пять лет здесь уже не хоронят. Разве что старую мисс Форбс, для которой было сделано особое исключение, когда она сконча-

лась пару лет тому назад. Да и то, ее захоронили не в отдельной могиле, а просто подхоронили к родственникам в старом фамильном склепе. Та еще была работенка, доложу я вам! Когда вскрыли склеп, то оказалось, что там нет ни дюйма свободного места.

— И что вы сделали? — заинтригованно спросила Далси.

— А что в таких случаях делают? Вежливо попросили остальных обитателей склепа потесниться, только и всего. Пожалуй, нам стоит заранее подумать о том, чтобы на месте нашего собственного погребения родственники не забыли установить табличку с надписью: «Свободных мест нет». В противном случае потомки, не задумываясь, перетрясут все наши кости.

Священник заразительно рассмеялся собственной шутке. И Далси тоже невольно улыбнулась, а потом спросила, где находится новое городское кладбище и как туда добираться. Ей очень хотелось выяснить также, имеет ли отношение старая мисс Форбс, столь решительно потревожившая вечный покой своих предков, к Элвину и его матери, но она постеснялась спросить об этом, испугавшись, что служитель культа может превратно истолковать ее повышенный интерес

к семейству Форбсов. К тому же, он явно спешил куда-то по своим церковным делам и, любезно раскланявшись с дамами, решительным шагом направился в сторону храма.

Они с Виолой еще немного погуляли по старому кладбищу и даже отыскали на одной из аллей то самое фамильное захоронение Форбсов. Настоящая скульптурная композиция в викторианском стиле: несколько полулежащих фигур под сводчатым перекрытием в окружении детей и собак. Среди многочисленных табличек с упоминанием имен тех, кто покоится в склепе, им бросилось в глаза имя некого Арчибальда Форбса, погибшего во время войны с бурами.

— Как вы думаете, Элвин и его брат имеют отношение к этому, судя по всему, весьма благородному семейству? — спросила Далси у Виолы.

— Если брать в расчет только их наружность, то, вне всякого сомнения, в их венах течет какая-то капля благородной крови. Чего никак нельзя сказать о матери: та явно из простолюдинок. Впрочем, это всего лишь мое предположение. Вполне возможно, что они просто однофамильцы, и только. Знаете что? Давайте-ка мы зайдем в кафе и выпьем по чашечке кофе прежде, чем вы потащите меня в новый поход. К тому же, у

меня уже разболелись ноги от этого бесцельного шатания среди чужих могил.

Далси не посмела возразить, ибо ей никак не улыбалось тащиться, пусть даже и днем, на новое кладбище в одиночестве.

Священник был прав: городское кладбище действительно находилось в пределах городской черты. Отшагав минут двадцать по главной улице городка и миновав газозаправочную станцию (главный ориентир на их пути), женщины вдруг неожиданно для самих себя вышли в чистое поле, но чуть поодаль, справа от дороги, начинался кладбищенский массив.

Сердце Далси упало при виде бескрайней череды могильных памятников, уходящих вдаль до самого горизонта.

— Ну, вам здесь работы, как минимум, на пару недель! — язвительно заметила Виола, мысли которой были заняты тем, что надо не забыть послать возлюбленному в Лондон очередную открытку. И еще вопрос: что написать в этой открытке и не покажется ли ему слишком смелой ее подпись в конце — «С любовью, Виола».

— Я думаю, мы сориентируемся по датам захоронения, указанным на памятниках в самом начале кладбища, — робко предложила Далси. —

Вот взгляните! Уже пошли более поздние годы: 1904, 1927.

— Вот именно! А что в промежутке между этими годами? Неужели вы думаете, что покойники лежат здесь рядами в строгом соответствии с хронологией? Кого-то подхоронили к его родственникам, а кто-то сам изъявил желание упокоиться вон под той развесистой ивой в конце аллеи. Так что обычная логика поиска нам здесь не поможет.

— А что, если нам разделиться и каждой двигаться своим маршрутом? — выдвинула встречный план Далси.

— Ни за что на свете! Увольте меня от ваших маршрутов! Ни за какие коврижки я не намерена шастать по кладбищу одна в поисках неизвестно чего. Да и время нас подпирает. Взгляните на часы, уже половина первого: скоро ленч.

— Может, у кого спросить? — не сдавалась Далси, лихорадочно озираясь по сторонам. На самом горизонте, там, где кладбище поднималось вверх, копошилось несколько фигурок. Скорее всего, родственники, пришедшие на кладбище накануне Пасхи для того, чтобы убрать могилы своих близких. — Подойдем к ним поближе! — заторопила она Виолу и почти бегом направилась

вперед по центральной аллее.

Они преодолели уже большую часть пути, как неожиданно Виола крикнула ей.

— Стойте! Взгляните вон туда! Если меня не подводит собственное зрение, то вон те двое — это миссис Форбс и Невил.

— Не может быть! — выдохнула Далси, не веря своему счастью. Но уже в следующую минуту ею овладел страх. — А вдруг они нас заметили?

— И что такого? Мы тоже имеем право посещать кладбище для того, чтобы оставить там цветы на могиле близкого человека. Вполне возможно, у нас здесь родственник похоронен.

— Нет-нет! Прошу вас! Они не должны нас увидеть. Давайте спрячемся за тот памятник и подождем, пока они уйдут.

Они остановились возле помпезного мраморного надгробья, изображающего коленопреклоненного ангела и укрылись в тени его поникших крыльев. Через какое-то время миссис Форбс в сопровождении сына неспешно прошествовала почти рядом с ними.

— Как все же уместно смотрится наряд католического священника на кладбище! — не удержалась от комментария Далси. — Черное — это ведь цвет траура, который как нельзя кста-

ти именно среди надгробных плит. Что ж, путь свободен! Поспешим.

Вскоре они уже стояли возле могилы, украшенной памятником из темно-серого мрамора с прожилками. Памятник сразу же выделялся на фоне соседних могил, украшенных надгробиями исключительно из белого мрамора. Могила была рассчитана на двойное захоронение, но пока пустующее место было обильно засыпано каменной крошкой ярко зеленого цвета, издали похожей на изумрудную траву. В двух мраморных вазах по обе стороны надгробья стояли свежие нарциссы. На памятнике золотыми буквами было написано следующее:

Моему Возлюбленному Мужу ГЕЙСФОРДУ АРТУРУ БРЭНДРЕТУ ФОРБСУ Покинувшему этот мир 11 апреля 1924 года В возрасте 42 лет

И далее следовало незамысловатое двустишие.

Нет больше радости, но есть Любовь
И Вера в то, что мы соединимся вновь.

Далси почувствовала, как у нее увлажнились глаза. Больше всего на свете ей сейчас не хотелось, чтобы Виола в своей обычной, высоко-

мерной манере прокомментировала поэтические достоинства текста. Но по каким- то непонятным причинам Виола молчала, никак не отреагировав ни на чувства Далси, ни на сам памятник.

— Как величаво звучит: Гейсфорд Артур Брэндрет Форбс, — нарушила, наконец, молчание Далси. — Наверняка в его жилах текла благородная кровь. Но сейчас это уже не узнать.

«Орлиное гнездо» встретило их прежним безмолвием и отсутствием кого бы то ни было живого. Судя по всему, кроме них с Виолой, других постояльцев в гостинице по-прежнему не было. Косвенным подтверждением тому был и один-единственный стол в столовой, сервированный к ленчу только на две персоны. Далси мельком взглянула на него, отметив про себя, что сервировка безукоризненна: туго накрахмаленные салфетки, свернутые в конфигурации самых причудливых форм, ваза с нарциссами в центре стола. Точно такие же цветы они недавно видели на могиле мужа миссис Форбс. Стоило им переступить порог столовой, как немедленно появилась пожилая женщина и принялась хлопотать возле стола. Слава богу, что это не сама миссис Форбс, обрадовалась Далси. Ей совсем не хотелось сталкиваться с хозяйкой гостиницы или

ее сыном после недавней встречи на кладбище.

— Хорошо, что их нет! — прошептала она Виоле. — Я не готова поручиться, что они не заметили, как мы бродим среди чужих могил.

— Какая разница? — равнодушно пожала плечами Виола. — Да и с какой стати им здесь быть? Заперлись сейчас у себя в комнате и трапезничают по-домашнему. Уж не сомневаюсь, им-то подают не из общего котла!

Однако к немалому удивлению привередливой Виолы и разборчивой в еде Далси, предложенный им ленч оказался просто превосходным. И уж никакого сравнения с той бурдой, которой их потчевали накануне в оазисе христианского тепла и уюта под названием «Якорь».

— Оленья печень! — объявила кухарка, ставя перед ними тарелки с печенью в обрамлении огромной порции овощного гарнира.

— Надо же! — вполне искренне удивилась Виола. — Оказывается, есть еще места, где подают такие деликатесы. Сейчас отведаем на вкус.

Блюдо оказалось очень вкусным. Таким же восхитительным был и пудинг, сваренный на патоке. Кофе, ароматный и крепкий, тоже не разочаровал. Правда, постоялицы и не подозревали, что кофе для них сварил лично сам Невил,

категорически запретивший матери разлить по чашкам то, что осталось от ее «хорошо перекипевшего» утреннего кофе.

Они как раз заканчивали трапезничать, когда в столовой появился и он сам, в своей неизменной черной рясе.

— Надеюсь, миссис Ньюкомб не разочаровала вас, — проговорил он с улыбкой. — Она ведь у нас полноправная хозяйка на кухне.

— Все было очень вкусно! Большое спасибо! — совершенно искренне поблагодарила его Далси, стараясь не встречаться с ним взглядом. Она начала с преувеличенным вниманием озираться по сторонам.

Но Невил истолковал этот маневр по-своему.

— Рассматриваете гравюры на стенах? Забавные картинки, да? Их когда-то давным-давно купил на аукционе мой дедушка, мамин отец, всего лишь за каких-то десять шиллингов, представляете? Они ему так понравились, что он, не задумываясь, расстался с деньгами, вознамерившись украсить такой выгодной покупкой стены своей гостиницы.

— Вот как? Значит, гостиница изначально принадлежала вашей матушке?

— Да, можно сказать, что мой отец въехал в нее

только после женитьбы. Точнее, он в каком-то смысле женился на этой гостинице, — рассмеялся Невил и тотчас же перевел разговор на другое. — Ну, и какие планы у вас на вторую часть дня?

— Да вот хотели бы совершить экскурсию в замок. Он ведь открыт для посещений, не так ли?

— И что вы там забыли, хотела бы я знать? — на уже привычном местном диалекте спросила у них миссис Форбс, неожиданно появившись в дверях с пухлой пачкой то ли старых счетов, то ли свежих квитанций. — Одни руины и грязи по колено!

— Ты не права, мама! — Невил постарался смягчить категоричность матери. — Кое-что интересное там все же сохранилось. Конечно, первозданный вид замка потерян безвозвратно. Столько перестроек выпало на его долю! Но если вы являетесь поклонницами викторианского стиля, то там вы его найдете в невероятных количествах.

— И за это удовольствие каждой из них придется выложить по полкроны! — недовольно фыркнула миссис Форбс. — Не дороговато ли для такого пустячного развлечения? Лучше отправляйтесь к морю и подышите всласть свежим воздухом. Такого в Лондоне уж точно нет! — под-

вела она черту под своими рекомендациями.

— А миссис Форбс ведь откровенно не хотела, чтобы мы поехали в этот замок. Почему? — стала размышлять вслух Виола, пока они шли на автобусную остановку.

— Да, что-то в этом есть, — согласилась с ней Далси. — Знаете, о чем я подумала? А вдруг отец Невила и Элвина имеет какое-то отношение к прежним обитателям замка? Уж слишком имя у него не плебейское. Что ж, у нас есть отличный шанс проверить свою догадку прямо на месте.

Снаружи замок производил впечатление неприступной крепости. Возвышаясь на вершине холма, в окружении вечнозеленых деревьев, он казался совершенно необитаемым. Но вот они подошли к массивным дубовым дверям, распахнули их и оказались почти в привычной для любого музея обстановке. Прямо в холле стоял небольшой столик, на котором были разложены билеты, путеводители, открытки с изображением замка, тут же стояла коробочка для денег. Из дальних комнат доносились негромкие голоса. Видно, шла очередная экскурсия. Далси и Виола не стали дожидаться ее окончания и решили начать осмотр самостоятельно. Уже первые залы поразили их обильной роскошью, являющейся

отличительной чертой викторианского стиля. В глазах зарябило от многочисленных безделушек, столь любимых в те далекие годы: разнообразные пресс-папье, бесконечная череда статуэток и восковых фигурок, морские ракушки, поделки из морского тростника, какие-то картинки в рамочках, искусственные фрукты и цветы, упрятанные под стеклянные колпаки. Невозможно было представить себе, что когда-то среди этого моря вещей текла обычная человеческая жизнь. Впрочем, в комнатах все же сохранился своеобразный, несколько старомодный уют, так выгодно контрастирующий с утонченным аскетизмом, присущим интерьерам дворцов XVIII века.

Вскоре они догнали экскурсионную группу и присоединились к остальным. Подле них стояла пара, сразу же привлекшая внимание Далси. Высокая элегантная женщина лет тридцати пяти в модном костюме из твида с небрежно перекинутой через плечо меховой горжеткой, а рядом с ней — плотный коротышка, значительно моложе ее, облаченный в тесно облегающие синие джинсы и ярко оранжевый кардиган, связанный вручную из грубой домашней шерсти.

— Затхлое местечко, — проговорил он негром-

ко, обращаясь к своей спутнице. — И грязища кругом, жуть! Такое впечатление, что вот эти драпри не снимали с окон уже лет двести. Тихий ужас!

— А здесь кто-нибудь живет в настоящее время? — не удержалась Далси, остро чувствуя собственную ущербность рядом со столь красивой дамой. А еще, эти вечные ее башмаки на прямом ходу, которые смотрятся особенно безобразно в сравнении с изящными туфельками на ногах незнакомки.

— Да, какие-то дальние родственники занимают одно крыло здания, насколько мне известно, — небрежно обронила дама.

— Разве не осталось прямых потомков?

— Был один, да весь вышел! — хихикнул молодой человек. — Уж слишком оказался строптивым. С характером, одним словом, парень.

— Пожалуй, «характер» — это не совсем точное слово, — поправила своего спутника женщина. — Уж скорее, «без характера». Дело в том, — пояснила она, обращаясь к Далси, — что единственный родной племянник последней владелицы замка женился на женщине совершенно неподобающего происхождения. Самый настоящий мезальянс. Естественно, молодого человека тут же лишили

всяких прав на наследство. Что было особенно досадно, ибо единственный сын почтенной миссис Форбс погиб в автомобильной катастрофе. Вот так и оборвалось наследование по прямой.

— Неужели брак был настолько вопиющим?

— Понятия не имею. Якобы он женился на какой-то малоприметной особе, владелице гостиницы. Или что-то в этом роде.

«Вот и приехали! Оказывается, жениться на неподходящих особах — это у всех Форбсов наследственное», — со смешанным чувством удивления и жалости подумала Далси, вспомнив про бедняжку Марджори.

— Звучит, как в романе, — с легкой иронией прокомментировала полученную информацию Виола.

— Вы правы! — согласилась с ней дама. — И, тем не менее, это чистая правда. Нам только что довольно пространно рассказывал всю эту историю экскурсовод. В его рассказе было много забавных подробностей. Пожалуй, он сегодня честно заработал лишние чаевые.

— Что ж тут забавного? — не поняла ее Далси. — Вполне возможно, люди, ставшие действующими лицами не придуманного никем романа, еще живы. Представляю, каково им сейчас!

— Скорее всего, так оно и есть! — невозмутимо обронила красавица и тут же расцвела в улыбке при виде крупного плечистого мужчины, судя по всему, ее мужа.

— Ах, вот вы где, Пиарс! — воскликнул тот, обращаясь к ней. — Машина уже ждет нас! Ну, и как вам экскурсия? Не устали?

— Конечно, когда тебя возят на машине, то можно позволить себе явиться в такую даль и на высоченных каблуках, — отпустила язвительную реплику Виола, глядя им вслед. — Какие-то странные люди в этом городке, ей-богу! Словно персонажи, сошедшие со страниц романа.

— Да у нас тут, по-моему, один сплошной роман получается! — рассмеялась в ответ Далси. — Ну, скажите мне! Вы можете представить себе миссис Форбс молоденькой девушкой, за которой бы увивался молодой наследник из богатого семейства? Невзрачная замухрышка и красавец-аристократ! Невероятно!

— В жизни случаются и более невероятные вещи, — философски заметила Виола и подумала, как хорошо, что она все же догадалась прихватить с собой из Лондона бутылку джина.

Миссис Форбс была первой, кого увидели, вернувшись в гостиницу. Она сосредоточенно

перебирала перья на чучеле орла.

— Вот! — воскликнула она, уже издали заметив своих постоялиц. — За зиму моль сожрала все его оперение дотла. Сколько раз повторяла прислуге, что птицу нужно чистить регулярно. И что сейчас с ним прикажете делать? Отец так гордился этим орлом. Он считал его самым настоящим символом нашей гостиницы.

Женщины тихонько прошмыгнули мимо хозяйки, сделав вид, что не расслышали ее слов. Да и что было говорить? Сочувствовать? Воистину не знаешь, плакать тут или смеяться.

19

Всю дорогу Марджори, сидя в поезде, размышляла над тем, как ей дальше жить. Она совсем не хотела ехать в этот забытый богом Тейвискомб, да и предстоящая встреча со свекровью пугала ее своей неотвратимостью. В сущности, все ее теперешние чувства к мужу тоже представляли странную смесь страха, неприязни и скуки, и ни капли любви. Вернувшись к матери, она искренне полагала, что совершила некий геройский поступок. И даже надеялась, что столь решительный и бескомпромиссный шаг станет важным этапом в урегулировании их отношений с Элвином. Первое время она жила в радостном предвкушении того, что он станет делать и как он поведет себя. А никак! Муж не помчался к ней с уговорами, не умолял ее со слезами, стоя на коленях, вернуться домой и начать все сначала, как это услужливо рисовали ей приятельницы матери. Он принял отъезд докучливой жены как должное. Более того, и материнские подружки, проявлявшие поначалу неуемное любопытство к ее семейным делам и горячее участие в ее судьбе, постепенно утратили интерес ко всей этой

истории и даже слегка подзабыли то, по каким же причинам она снова оказалась под кровом родительского дома. Некоторые же и вообще настолько запамятовали о том, что она все еще числится замужем, что даже стали называть ее так, как прежде, когда она была еще девушкой, просто «Марджори Виллитон».

Разумеется, развод — это крайнее средство, и в их среде такие способы разрешения семейных конфликтов никогда не приветствовались. Но когда речь идет о такой щекотливой ситуации, где налицо супружеская измена, а муж — стопроцентный распутник, то общественное мнение всегда готово принять сторону страдалицы-жены. Приятельницы миссис Виллитон даже насоветовали ей подыскать достойного адвоката для дочери, чтобы дать делу официальный ход.

Адвокат и в самом деле оказался достойным: он внимательно выслушал обеих женщин и потребовал предоставить ему более весомые доказательства супружеской неверности со стороны Элвина Форбса. В конце концов, он и в самом деле мог поцеловать женщину в знак благодарности за ту помощь, которую она ему оказала в процессе работы над книгой. А то, что миссис Виллитон застала бывшего зятя в обще-

стве молоденькой девушки со стаканом шерри в руках, адвокат и вообще счел сущей чепухой. Как воспитанный человек, он, естественно, не сказал им: «К сожалению, я ничем не могу помочь вам». Он просто попросил их еще раз хорошенько подумать и найти более веские доводы в пользу развода. Вот почему сейчас все надежды обеих женщин были связаны с итальянскими каникулами Элвина. Тоскана! Какие непотребства совершит беспутный греховодник под лазурными небесами Италии?

К «Орлиному гнезду» женщины добрались на такси. Миссис Виллитон, никогда не поощрявшая страсть к пустому транжирству денег, была вынуждена пойти на такое излишество, ибо общественный транспорт в Тейвискомбе всегда ходил из рук вон плохо, и это известно всем. Да и автобусная остановка находится далековато от гостиницы. Миссис Форбс встречала дорогих гостей лично. Впрочем, вместо обычного «Здравствуйте!» или «Рада видеть вас у себя», она первым делом изрекла следующее:

— Представляете, мой старый орел лишился всего своего оперения!

Слава богу, обе гостьи давно привыкли к странной манере хозяйки

гостиницы приветствовать своих постояльцев, а потому оставили ее первую реплику без ответа.

— Марджори, детка, ну, как ты? — попыталась найти подобающий для свекрови тон миссис Форбс. — Ну, и что там утворил мой мальчишка на сей раз? Вечные его шалости!

При последних словах она издала короткий, хрипловатый смешок. «Надо же, — с негодованием подумала миссис Виллитон, — этот распутник для нее всего лишь «мальчишка», а все его непотребства она склонна расценивать, как обычные детские шалости».

— У нас еще будет время поговорить обо всем более обстоятельно, — сухо обронила она. — А пока, если вы не возражаете, мы пройдем в свою комнату. У вас сейчас большой наплыв гостей?

— Не могу сказать, что постояльцев много. Всего лишь две очень милые молодые дамы. Да мы с Невилом. С возрастом я начинаю терять интерес к своему бизнесу. Да и налоги! Они там, в налоговом ведомстве, просто все с ума посходили! Драть такие деньги с людей! И за что? О, а вот и Невил! Он поможет вам поднять вещи наверх.

При виде Невила Форбса, облаченного в сутану, миссис Виллитон испытала чувства, схожие с теми, что возникли и у Далси, когда она увидела

его на кладбище. Священник подействовал на почтенную даму умиротворяюще: что ж, красивый служитель культа одинаково хорошо смотрится и среди могил, и в вестибюле заштатной провинциальной гостиницы. «Ах, какая жалость, что не он стал мужем ее дочери», — вздохнула миссис Виллитон.

Разбирая вещи у себя в комнате, которая, справедливости ради, была гораздо лучше, чем в их прошлый приезд, Марджори, тем не менее, уже в который раз пожалела, что уступила уговорам матери и согласилась на эту совершенно бесцельную поездку. Уж лучше бы она просидела все праздники дома!

В свою очередь, известие о том, что в гостинице появились еще две новые постоялицы, не прошло незамеченным и для первой пары гостей.

— Интересно, и кого это черт сюда принес? — меланхолично обронила Виола, не надеясь получить ответ на свой вопрос.

— А я уж решила, что «Орлиное гнездо» всецело в нашем распоряжении, — в тон ей невесело пошутила Далси.

— Ну да! Наподобие фамильного склепа. Только не забывайте, о чем нам рассказал священник на церковном кладбище. В случае необходимости

твои кости могут перетрясти и там.

— Что ж, подождем до ужина. Тогда и познакомимся с новенькими, — подвела черту под обменом мнениями Далси.

Однако за ужином гости не появились. Уплетая за обе щеки рагу из зажаренного ягненка с гарниром из консервированного крыжовника и закусывая все это, как всегда, обильной порцией десерта в виде заварного крема, Виола активно выдвигала всяческие версии того, куда подевались новые постоялицы. Далси слушала ее рассеянно, ее гораздо больше взволновала мысль о том, что крыжовник, скорее всего, собирала, а потом и консервировала самолично миссис Форбс. И она все силилась представить, каково это — заниматься хозяйством в столь преклонном возрасте.

— Вполне возможно, — отмела она очередную версию Виолы, — что они так устали с дороги, что решили обойтись без ужина. А вы не подумали еще и о том, что миссис Форбс пригласила их на ужин к себе? И теперь они вчетвером трапезничают в ее личных апартаментах.

— Ну, тогда есть два варианта. Либо это какие-то близкие родственницы миссис Форбс, либо это приехала мисс Спайсер со своей престарелой

матушкой для того, чтобы заявить все права на Невила. Хотя, насколько мне помнится, его экономка сказала, что старая миссис Спайсер прикована к постели или что-то в этом роде.

В этот момент им подали кофе, который Виола нашла очень странным на вкус.

— Такое впечатление, — поделилась она своими соображениями с Далси, — что эту бурду кипятили несколько часов не переставая.

После ужина женщины решили заглянуть в гостиную и покопаться в книжных шкафах, чтобы найти себе что-нибудь интересное для чтения.

— О, какая приятная неожиданность! — услышала Далси, а уже в следующую минуту увидела выходящих из личных покоев хозяйки гостей. — Надо же, как тесен мир! — продолжала радоваться неожиданной встрече Марджори.

В первую минуту Далси хотела сказать, что та обозналась, и они видят друг друга впервые в жизни, но Марджори, судя по ее лицу, так искренне обрадовалась их встрече, что Далси прикусила язык. К тому же, женщина немедленно принялась вспоминать все подробности благотворительного вечера, на котором приходские активистки собирали деньги на покупку нового органа.

— Помните, вы еще тогда купили такого пре-

лестного ослика из керамики. А я никак не могла его завернуть в бумагу: как ни положу, а все уши торчат! — весело рассмеялась Марджори.

Ее мать тоже расплылась в любезной улыбке. Что ни говори, а с тем вечером связаны только приятные воспоминания. Ведь их акция, и правда, оказалась очень успешной. Они собрали целых двадцать фунтов, а это огромные деньги. Ужин же в обществе миссис Форбс показался ей невыносимым. Невил большую часть вечера молчал, явно не зная о чем говорить. Что же до самой миссис Форбс, то та продолжала тарахтеть о своем ненаглядном чучеле, которое поела моль, или о том, как преуспели в жизни ее мальчики. Всякий раз, когда миссис Виллитон пыталась перевести разговор в более конкретное русло, обращая внимание матери на проказы одного из сыновей, та оставалась глуха ко всем ее доводам. Или немедленно сообщала ей, что лет сорок тому назад в Тейвискомбе случались вещи и пострашнее, с точки зрения морали, разумеется.

Неудивительно, что к концу трапезы миссис Виллитон вслед за дочерью стала жалеть о том, что потащилась в такую даль, и, собственно, ради чего? Морской воздух? Так его можно было найти и поближе к дому. Да и какой воздух, когда за

окнами льет как из ведра, а барометр на стене в вестибюле упорно показывает, что давление падает почти до нуля.

— Да! Я тоже вспомнила вас! — вынужденно ответила Далси.

— Меня зовут Марджори Форбс, а это моя мама, миссис Виллитон.

— Очень приятно. Далси Манаринг, моя подруга, Виола Дейс.

— Странно! А мне показалось тогда, что у вас более короткая фамилия. Или я ошиблась?

— Скорее всего, — поторопилась успокоить ее Далси в надежде на то, что женщина не вспомнит, как она назвалась в тот вечер «мисс Лорд», воспользовавшись именем своей служанки. — У вас там было столько народу, легко и запутаться во всех этих фамилиях.

— Как вам нравится «Орлиное гнездо»? — с некоторым вызовом в голосе поинтересовалась у нее миссис Виллитон.

— По-моему, в этом доме есть своя атмосфера. Чувствуется история!

— О, да! Истории здесь полно! — не нашлась, что сказать миссис Виллитон.

— Эта гостиница принадлежит моей свекрови, — поспешила доложить Марджори, словно

опасаясь, что Далси может сказать что-то нелицеприятное в адрес владелицы сего исторического памятника.

— Вот как? Ну, тогда это место вам особенно дорого. Почти, как родной дом.

«Боже мой, — размышляла про себя Далси, разглядывая милую простушку в бледно-голубом платье, с традиционной ниточкой жемчуга на шее. — И как его только угораздило жениться на такой заурядной, на такой невыразительной и ничем не интересной особе? Ведь она же ему совершенно не пара! Или эта страсть к мезальянсам у него от отца? Да, но тот женился на женщине, пусть ниже его по происхождению, но с характером. Уж в чем, в чем, а в яркой индивидуальности миссис Форбс никак не откажешь! А эта? Неужели в такую можно влюбиться и до такой степени потерять голову, чтобы повести ее под венец? Как же все сложно в этой жизни».

Женщины распрощались самым любезным образом и разошлись по своим комнатам.

— А она ведь меня не узнала! — задумчиво обронила Виола, когда они с Далси остались одни.

— Ну, во-первых, она видела вас тогда мельком. А, во-вторых, не забывайте, что она была в состоянии крайнего нервного возбуждения, ее пе-

реполняли чувства, кипела ревность и все такое.

— Это меня переполняли чувства! Неужели эта холодная амеба способна хоть на какие-то эмоции? Это же надо было где-то откопать такое чудо и жениться на нем! Уму непостижимо!

— О, для некоторых мужчин — это норма: жениться на тех, кто им абсолютно не подходит. Они, наверное, чисто инстинктивно сторонятся хороших женщин, — вздохнула Далси, вспомнив своего бывшего жениха. Морис тоже в свое время называл ее «хорошей», говорил, что она такая же хорошая, как хлеб. Но кто же будет питаться всю жизнь только хлебом? Вот его и потянуло на сдобу. Впрочем, если вернуться к Марджори, то она, пожалуй, похожа на жирный кусок торта, обильно залитый сверху кремом. Такой десерт надо съедать только сразу и целиком, не оставляя на потом. — Как-то неловко все получилось! — задумчиво произнесла она вслух. — Мы все сошлись в одном месте. А вдруг они заподозрят что-то неладное?

— Что именно? У нас все чисто! Этот противный «Якорь» смог приютить нас только на одну ночь, а дальше мы были вынуждены перебраться сюда. Пусть перепроверяют, если хотят. А потом, не забывайте! Люди всегда более склонны доверять

фантазиям, чем голой правде, которая порой может быть фантастичнее самого изощренного вымысла. Так что, не переживайте! Миссис Вилитон не заподозрит в нас обманщиц.

20

Первой мыслью по возвращении Элвина Форбса из Италии было: надо незамедлительно встретиться с Марджори. Пора, давно пора прояснить все до конца и поставить точку в их затянувшихся отношениях. Конечно, встреча с юной Лорел была бы намного приятнее, но! А потому, как никогда верный чувству долга, Элвин не стал тянуть. После завтрака вышел на прогулку, поймал такси и ринулся на Кедровую аллею. Странное все же название для улицы всего лишь с одним рядом домов, обращенных своими окнами на огромный пустырь. Он снова проявил предусмотрительность и попросил таксиста остановиться возле соседнего дома, того, с изваянием каменной белки в палисаднике. И первое разочарование! Белка куда-то исчезла. Остался лишь голый постамент, и его неприкаянный вид вызвал у Элвина чувство, похожее на панику. «Куда же они ее подевали?» — задался он мысленным вопросом, озираясь по сторонам. Вот и табличка «Продается» уже исчезла с дома. Значит, сюда уже въехали новые хозяева. И что же они такое утворили с несчастной белкой, единственным немым

свидетельством, оставшимся от периода его сентиментальных ухаживаний за Марджори?

Решительным шагом он направился к дому и увидел, что парадная дверь слегка полуоткрыта. Он заглянул в холл: высокий молодой мужчина в очках распаковывал коробки с книгами.

— Прошу простить меня. Я… — начал Элвин и запнулся, не зная, что сказать дальше.

— Вы разыскиваете семейство Фаулзов? — приветливо улыбнулся молодой человек. — Должен огорчить вас, они здесь больше не живут.

— Вот как? — меланхолично удивился Элвин, стараясь придать своему лицу выражение величайшего разочарования. — Очень жаль! У них тут еще каменная белка стояла перед домом.

— А, это! — презрительно хмыкнул новый хозяин дома. — Мы ее выбросили вон. Моя жена велела отнести это чудовище на свалку. Она терпеть не может каменных изваяний животных. Она у меня преподает в Высшей школе экономики, — добавил молодой человек, словно желая пояснить, что странная неприязнь к скульптурным изображениям представителей фауны зиждется на весьма солидном научном фундаменте.

— Понятно! — проговорил Элвин только для то-

го, чтобы что-то сказать. Скорее всего, мусорщик давным-давно забрал белку себе, и она теперь уже красуется в его палисаднике. — Тогда, с вашего позволения, я загляну к вашим соседям. Быть может, они что-то знают о прежних хозяевах дома.

— И снова вынужден огорчить вас! — жизнерадостным тоном отрапортовал ему очкарик. — Хозяйка вместе дочерью куда-то уехали на праздники.

«Наверное, в Тейвискомб, куда же еще, — подумал Элвин. — Следовательно, надо ехать к матери».

На следующее утро он уже сидел в купе вагона первого класса и, посматривая мельком за окно, старался сосредоточиться на чтении литературного еженедельника, который купил в газетном киоске на площади перед вокзалом Паддингтон, откуда отправляются поезда, курсирующие в западном направлении. Машинально переворачивая страницу за страницей, он вспоминал Лорел. Как обаятельна эта девочка со всей свежестью своей юной плоти. Да уж, воистину! «Под сенью девушек в цвету» — снова всплыло в его памяти название романа Марселя Пруста. И как жаль, что это цветение столь мимолетно. Одна весна, и все проходит, чаще всего, безвозвратно.

Впрочем, многие женщины вообще ни разу в жизни и не пережили эту удивительную пору весеннего цветения. Невозможно представить себе мисс Рэндалл, к примеру, юной девушкой. Или его бывшую тещу миссис Виллитон. Да, пожалуй, и Виолу Дейс тоже. А вот тетю Лорел, эту милую мисс Манаринг, он вполне явственно видит хорошенькой молоденькой девушкой. Такой же прелестной, как и ее племянница. Кстати,

Далси и поныне сохранила порывистость движений и непосредственность реакции, то есть все то, что свойственно только юности. И глаза у нее такие молодые! И что уж совсем нетипично для любой тетушки, так это то, что мисс Манаринг совсем не волнует, что ее облик плохо вяжется с традиционным представлением о том, как должна выглядеть зрелая и вполне самостоятельная женщина.

— С приездом в родной город, профессор! — почтительно приветствовал его знакомый таксист на привокзальной площади Тейвискомба, услужливо подхватывая багаж.

Вот с такой же услужливостью совсем недавно суетился вокруг него итальянский таксист. А кажется, что прошла уже целая вечность! И где это бездонное синее небо? И солнце! И изыскан-

ная архитектура, поражающая благородством своих линий. И так везде, по всей Италии, даже в самом затрапезном маленьком городишке. Не то, что здесь! Не на чем даже глаз задержать! Тоска, убожество, серость!

Далси наблюдала за приездом Элвина из окна своей комнаты. «А вдруг он приехал исключительно ради того, чтобы встретиться с ней», — вдруг мелькнула у нее безумная мысль. Как это было бы замечательно! С какой радостью выбежала бы она ему навстречу. Так, посмотрим! Кто же выбежит к нему вместо нее? Только не Марджори. Она вместе с матерью отправилась на прогулку по морскому побережью. И не Виола. Та сейчас строчит пространное любовное послание своему лондонскому ухажеру. Остается лишь единственная женщина, которую наверняка обрадует неожиданный приезд Элвина. Миссис Форбс, его мать. Впрочем, скорее всего, встречать брата будет Невил, он как раз в это время обитает в холле гостиницы.

Так оно и случилось. И именно Невил вышел навстречу к младшенькому. Сколько раз он представлял себе, как станет строго беседовать с Элвином, как будет увещевать его и наставлять на путь истинный, как начнет витиевато

рассуждать о святости супружеского союза и нерасторжимости брачных уз, о том, что союз мужчины и женщины предполагает не только желание брать, но и обязательство давать самому. Но все эти высокие и правильные слова вдруг начисто выветрились из его памяти. Конечно, уместно было бы напомнить брату о том позоре, который Элвин навлечет на их семью своим разводом. И о том, сколько горя он уже принес Марджори и ее матери. Впрочем, вот здесь желание Невила увещевать и наставлять вступало в явное противоречие с теми чувствами, которые он испытывал к этим двум дамам на самом деле. Ибо, снова встретившись накоротке со свояченицей после некоторого перерыва, он даже ужаснулся. «Какая же она серая и скучная», — думал он. Серее и скучнее ее разве что сама миссис Виллитон, ее матушка. И как мог его брат, такой умный, такой высокообразованный человек, как он мог выбрать столь заурядное, столь никчемное создание себе в жены? Воистину, неисповедимы пути Господни! А потому вместо всех увещеваний Невил воскликнул то, что и должен был сказать человек при виде младшего брата.

— О, какая приятная неожиданность! А мы думали, ты все еще в Италии.

— Я и сам был бы рад задержаться там подольше, — улыбнулся Элвин. — Но ничего не поделаешь, работа! — И, словно вспомнив, какие неприятные обстоятельства вынудили его неожиданно появиться в доме матери, он добавил решительным тоном. — Вот, приехал к вам, чтобы окончательно разобраться со своей семейной жизнью. Думаю, самое время.

— Пожалуй! — коротко согласился с ним Невил. Он произнес это одно единственное слово с важностью истинного священнослужителя, вложив в него все те речи, которые припасал на случай обстоятельного разговора с непутевым членом семейства. — Они обе сейчас на прогулке, насколько я знаю.

— И, слава богу! Я еще не вполне готов ко встрече. А как ты? И что ты здесь делаешь в самый разгар предпасхальных хлопот? Бросил своих прихожан и сбежал на край света, да?

— Да вот, возникли кое-какие проблемы с одной из прихожанок, — несколько легкомысленно отмахнулся от вопросов Невил. Отсюда, из-за стен материнского дома все то, что пугало его своей фатальной неразрешимостью в отношениях с мисс Спайсер, выглядело не более, чем мелкими неприятностями, о которых не стоит даже упо-

минать.

— А как дела в отеле? Много народа?

— Всего лишь две дамы из Лондона. Очень милые женщины. Совершенно не надоедают своим присутствием.

Оба брата замолчали, видимо, обдумывая последнюю реплику. В самом деле! Именно так и должно вести себя приличной женщине: «не надоедать своим присутствием».

Распаковывая вещи у себя в комнате, Элвин неожиданно для себя вдруг вспомнил о прошлогодней конференции. На сей раз, в его чемодане не было ни фотографии Марджори, ни тезисов доклада «Некоторые проблемы редактирования текстов», а вот бутылка джина лежала на своем привычном месте. Конечно, вести ее сюда не было никакой нужды. Ведь вполне можно было бы воспользоваться запасами спиртного из материнского погреба. Но пусть все же у него будет своя выпивка. Он побаивался колких замечаний матери насчет его пристрастия к горячительным напиткам. В дверь тихо постучали, и на пороге появилась сама миссис Форбс.

— По-моему, сын, это не правильно, что вы с Марджори разместились в разных комнатах. Мы только что говорили об этом с Невилом. Миссис

Виллитон, думаю, не станет возражать, если я переселю ее в другую комнату. У них в номере двуспальная кровать, так что…

— Мама! Прошу тебя! Не стоит тревожить миссис Виллитон! Да и Марджори вряд ли обрадуется перспективе провести ночь в одной комнате со мной. К тому же, они обе уже, скорее всего, улеглись спать после своей вечерней прогулки. Так зачем же тормошить их понапрасну?

— Ты прав! Они пошли к себе. Наглотались всяких успокоительных таблеток и отправились наверх. Что ж, их можно понять! Ты бы видел их лица, когда я сообщила о твоем приезде.

— Вот и прекрасно! Пусть отдыхают. Утро вечера мудренее, а потому отложим наш разговор до утра.

— Ты не забыл, завтрак у нас в половине девятого?

— Но, надеюсь, без Марджори и миссис Виллитон. У меня кусок застрянет в горле, если их лица замаячат перед моими глазами с самого утра.

— Я накрою им в общей столовой с остальными постояльцами. А ты о себе слишком много не воображай! Вполне возможно, они тоже не горят желанием лицезреть твою физиономию в этакую рань.

На следующее утро Далси и Виола были приятно удивлены, обнаружив, что завтракают не в одиночестве. За соседним столиком возле окна сидели Марджори и миссис Виллитон. Еще две пары, прибывшие в гостиницу накануне вечером, устроились за столиками в центре зала. Словом, на первый взгляд, столовая забита людьми до отказа.

Разговор с соседками не клеился. Обе женщины были мрачны и неразговорчивы, а потому после обычного обмена приветствиями и дежурных реплик о том, что утро обещает быть замечательным, беседа иссякла сама собой.

После завтрака Далси снова направилась в гостиную. В прошлый раз она заприметила в одном из книжных шкафов справочники за 1905 год. А вдруг в них она сумеет найти что-нибудь интересное об истории отеля «Орлиное гнездо»? Нужный ей книжный шкаф стоял возле самой двери и был отгорожен от остальной комнаты старинной ширмой, расписанной в викторианском стиле. Далси присела на корточки и, достав с нижней полки несколько пухлых томов, приготовилась бегло пролистать их на месте, чтобы отобрать то, что ей нужно. Негромко хлопнула дверь, кто-то вошел в гостиную, но она не придала этому зна-

чения. Но следом раздался голос, заставивший ее вздрогнуть. Говорил Элвин.

— Думаю, это вполне подходящее место для разговора.

Далси замерла на месте. Что делать? Встать и уйти? Но момент уже упущен. Остаться и стать свидетельницей того, как посторонние люди выясняют отношения? Верх неприличия! Остается одно: закрыть уши руками и не слушать того, что они сейчас начнут говорить друг другу. Ибо Далси уже ни минуты не сомневалась в том, что разговаривать Элвин будет именно с Марджори и с ее матерью.

К счастью для нее, разговора, как такового, вообще не было, то есть ничего из того, что противопоказано подслушивать приличной даме.

— Какое холодное утро! — заметно нервничая, воскликнула миссис Виллитон.

— Сейчас подключу камин, — откликнулся Элвин.

— Только не на полную мощность, пожалуйста!

— Вы предполагаете, что разговор будет жарким, и мы сумеем согреться, так сказать, в процессе? — ироничным тоном поинтересовался у нее Элвин.

— Ой, как запахло пылью! — подала голос Марджори. — Его, наверное, давно не включали. Электроприборы, которыми редко пользуются, как правило, накапливают очень много пыли.

— Не ожидала встретить вас здесь! — снова обратилась миссис Виллитон к зятю, направляя разговор ближе к теме. — Для нас известие о том, что вы приехали в Тейвискомб, стало настоящим потрясением.

Некоторое время Элвин молча рассматривал обеих женщин, стараясь скрыть свою нервозность. Что греха таить, он тоже нервничал, и это его раздражало. Он скользнул взглядом по брошке, украшавшей лацкан пиджака миссис Виллитон. Дешевая бижутерия! Какая-то собачка, скорее всего, пудель, с искусственными жемчужинами вместо глаз. И такие же безумные клипсы: синие канарейки. Нет! Голуби с оливковыми веточками, зажатыми в клювиках. И откуда у нее эта непонятная страсть к дешевым безделушкам, которыми она увешивает себя, словно рождественская елка? Что так не вяжется с ее обликом серьезной, почтенной дамы. Пожалуй, такие цацки смотрелись бы уместнее на Марджори. Но рассматривать жену в упор у Элвина пока не хватало духа.

И напрасно! Ибо Марджори совсем не казалась убитой горем. Она была спокойна и невозмутима. Ни малейшего смятения чувств, могущего засвидетельствовать, что любовь еще жива. Или что она вообще была, эта самая любовь.

— Так что вы собираетесь предпринять относительно Марджори? — вопрос был задан прямо в лоб.

— Предпринять? А что именно я должен предпринимать, по вашему мнению?

— Надо же что-то решать с вашим браком.

— А вы поинтересуйтесь у нее самой. Что думает ваша дочь по поводу нашего брака?

— Но, Элвин! — тихо прошелестела Марджори несколько испуганным голоском. — Ты же сам знаешь, у меня не получилось стать тебе хорошей женой. Наверное, мы совершенно не подходим друг другу.

— В том нет твоей вины, дорогая! — бросилась на помощь дочери миссис Виллитон.

Все трое замолчали. Далси услышала, как Элвин нервно меряет шагами комнату.

— То есть вы ждете от меня веских оснований в пользу развода, так я понимаю? Что ж, со своей стороны, готов заверить вас, что уже в ближайшем будущем я дам вам такие основания.

— Значит, поездка в Тоскану оказалась успешной? — язвительно поинтересовалась миссис Виллитон.

— Причем здесь Тоскана? В Италии я занимался тем, что ходил по музеям и знакомился с архитектурой итальянских храмов.

Марджори издала немного истеричный смешок. «Пожалуй, я бы тоже рассмеялась, если бы бывший муж так объяснил мне причины своей отлучки», — подумала Далси. Она уже почти успокоилась и полностью взяла себя в руки. В конце концов, ничего преступного она не делает. Учитывая ее сугубо академический интерес к семейству Форбсов, это подслушивание можно сравнить с тем, как исследователи копаются в чужих письмах и дневниках, пытаясь отыскать интересные подробности в биографиях своих героев. Разумеется, далеко не все их находки подлежат публикации. Зачем разочаровывать широкую общественность, внушая ей, что ее кумир, мягко говоря, не совсем высоконравственный человек?

— Я не менее вас заинтересован в том, чтобы покончить с этим неприятным делом, и как можно скорее. Только и всего.

— И снова жениться, да? — с негодованием

выкрикнула миссис Виллитон. — Значит, синьорина все же есть?

— Скорее, речь пойдет о синьоре.

— Она итальянка?

— Какая итальянка? Причем здесь все это? Мои рассуждения носят чисто гипотетический характер, не более того.

«Интересно, что же за женщину имел в виду Элвин, — подумала Далси. Наверное, на сей раз его избранница — не молоденькая девушка, а ровесница или чуть помладше. И интересы у них общие: литература, филология, научные исследования. Неужели он, в конце концов, решил обратить свой взор на Виолу? Не поздновато ли? Кажется, она уже нашла себе утешение. А может быть, тогда, на конференции, он познакомился с кем-нибудь еще?»

Миссис Виллитон тоже оказалась не готовой к такому повороту в разговоре с зятем. Вот что значит пить целыми днями, с самого раннего утра и до ночи. Потому и несет сейчас такую околесицу, что понять ничего невозможно.

— Ну, раз так, — начала она несколько растерянным голосом, — то, конечно!

Как бы ей хотелось в эту самую минуту бросить ему в лицо, что это не он будет снабжать

их доказательствами для развода, а ее дочь уже давным- давно нашла ему полноценную замену и теперь ждет не дождется начала бракоразводного процесса. Увы, чего не было, того не было!

— Я сегодня же уезжаю в Лондон, — подвел черту Элвин. — Много работы. А вы, прошу вас, оставайтесь до конца пасхальных каникул. Зачем менять свои планы?

Далси не расслышала, что сказала ему в ответ миссис Виллитон, потому что уже в следующее мгновенье громко хлопнула дверь. Она поднялась с корточек, чтобы немного размять онемевшие ноги, и осторожно выглянула из-за ширмы. Марджори, вся в слезах, сидела на диване, а мать, как могла, пыталась успокоить ее. Обе женщины были настолько поглощены друг другом, что даже не заметили, как Далси осторожно выскользнула из комнаты. Конечно, им бы сейчас не помешал человек, умеющий успокаивать, так сказать, на профессиональном уровне. Например, Невил. Но его нигде не было видно. Сама же она плохо подходит для роли утешительницы, тем более, с учетом всех обстоятельств ее присутствия при выяснении семейных отношений. Да, но эти слезы! Странно! Неужели Марджори все еще любит Элвина? С другой стороны, причем здесь любовь?

Разве сама она не плакала, когда ее бросил Морис? Ей ли не знакомо это чувство униженности оттого, что тебя бросили, что ты оказалась никому не нужной. Получается, что между ней и Марджори есть много общего, вот так!

Далси оделась и, стараясь не привлекать к себе излишнего внимания, незаметно вышла на улицу. Пойду к морю, решила она импульсивно. Уж, во всяком случае, там, никто не помешает ей побыть одной. Быстрым шагом она прошла наиболее оживленную часть пути, потом люди стали попадаться все реже и реже, и лишь очень немногие бродили по побережью, любуясь морским пейзажем. Да! Но в одном из этих редких любителей утренних променадов на свежем воздухе она безошибочно узнала Элвина. В первую минуту Далси даже запаниковала. Что делать? Пройти мимо незамеченной? Вряд ли удастся проделать один и тот же трюк дважды за одно утро. Тогда остается напустить на себя светский вид и поздороваться с ним так, словно они встретились не в отдаленном курортном городке, а на оживленной лондонской улице. Дескать, случайная встреча, и только. Пока она размышляла над тем, как поступить, все разрешилось само собой. Ибо Элвин оторвался от созерцания вод-

ной глади, резко повернулся и буквально перед собственным носом увидел Далси.

— О, мисс Манаринг! Тетушка Лорел! — воскликнул он удивленным тоном. — Какими судьбами?

— Доброе утро! — поздоровалась Далси, не зная, как ей следует отреагировать на его восклицания. Разумеется, она — мисс Манаринг, и, разумеется, она приходится тетей Лорел. Но такое перечисление качеств вызвало у нее откровенное смятение. А еще ей стало обидно: значит, он уже снова забыл, как ее зовут.

Элвин же между тем тоже пребывал в смятении. Он моментально вспомнил слова брата о том, что у них в гостинице остановились «две очень милые женщины» и пришел в ужас. Если одна из них мисс Манаринг, Далси, кажется так ее зовут, то тогда вторая — это… Не может быть! Все что угодно, только не это! Еще Виолы Дейс здесь не хватало! Под одной крышей с Марджори! Под одной *крышей,* подумать только, машинально повторил он слово «крыша», отчего оно моментально приобрело почти сакральный смысл.

— Вот, решили с Виолой провести пасхальные каникулы подальше от городской суеты, подышать морским воздухом в Тейвискомбе.

Остановились в «Орлином гнезде», вы, должно быть, знаете.

— Да, брат говорил мне. Приятная встреча! — добавил он дежурный комплимент.

— А здесь очень красиво, не правда ли?

— Я вырос в этих местах, — Элвин бросил равнодушный взгляд в сторону моря, — а потому здешние красоты меня почти не трогают. Видно, я к ним просто привык. Кстати, я несколько раз виделся с вашей племянницей в Лондоне. Мы с ней даже как-то раз сходили в театр. — Элвин благоразумно умолчал о том, что они поцеловались после спектакля, правда, только один раз. — Очень милая девочка! И она мне очень нравится. Надеюсь, я ей тоже не совсем безразличен.

— Вы?! Ей?! — ошарашено переспросила его Далси. — Она же совсем ребенок! Ей еще нет и девятнадцати. Да она вам в дочери годится, мистер Форбс.

— Верно, между нами лет двадцать разницы, но, — начал он.

— Лет двадцать? Все тридцать, если уж смотреть правде в глаза! А в глазах Лорел вы — самый замшелый старик! Будьте уверены на сей счет!

Далси пожалела о сказанном сразу же. Ну, зачем она обидела его? Но слова вылетели непро-

извольно, и с этим уже ничего не поделаешь. Просто она очень сильно разозлилась. Из-за чего? Из-за того, что Лорел и Элвин могут быть вместе? Это привело ее в такое неистовство? Бедная- бедная Далси! Разве она знает, что такое мужское тщеславие и самоуверенность? Элвин глянул на нее с таким чувством превосходства, с каким смотрят на человека, ничего не смыслящего в жизни. Некоторое время они молчали.

— Надеюсь, у вас хватило благоразумия не говорить пока Лорел о своих чувствах. Во всяком случае, до тех пор, пока вы не разберетесь со своими семейными проблемами. Потом — другое дело! Впрочем, я не уверена, что родители моей племянницы придут в восторг от вашего появления в ее жизни.

Ну, это еще с какой стороны посмотреть, тут же отрезвила себя Далси. Ее сестра Шарлота, склонная ко всяким романтическим бредням, которые она черпает из столь любимых ею женских романов, может найти подобную сентиментальную любовь весьма трогательной. Вот реакцию деверя она предсказать не берется.

— По-моему, вы чересчур рано записали меня в старики, — с чисто мужской самонадеянностью бодро отозвался Элвин, оставив без внимания по-

следнюю реплику Далси о родителях Лорел. — Я себя стариком совсем не ощущаю. Наверное, вы хотели сказать, что я вступил в пору зрелости. Это так! — неловко пошутил он, стараясь загладить вспыхнувшую между ними размолвку.

— Вы правы! И все же моя племянница слишком молода для вас. Да и вам, по-моему, уже пора остепениться. Сколько же можно жениться на девочках, которые вам совершенно не подходят?

— Послушать вас, так я самый настоящий многоженец! К счастью, пока у меня была только одна жена.

— Да нет! Я вовсе не об этом! Но неужели у вас нет на примете женщины, разумной женщины, которая смогла бы стать вам по-настоящему хорошей женой? И хорошей помощницей. Такой, которая понимала бы вашу работу, ценила бы ваш труд, и постарше, разумеется.

— Скажу честно, ваша матримониальная программа не очень меня впечатляет, — обронил он с легкой саркастической улыбкой, и Далси вспыхнула до корней волос.

А вдруг он подумал, что это она себя предлагает ему в жены? Навязывается в помощницы вместо отринутой им Виолы. Господи, да у нее же и в мыслях не было ничего подобного!

Между тем, Элвин, иронично посматривая на свою собеседницу, вдруг подумал: «А она красивая, эта мисс Манаринг! Особенно сейчас, когда злится. Но почему? Чем он так обидел ее? Или задел?»

— В любом случае, я весьма благодарен вам за высокую оценку своего труда, — закончил он прежним саркастическим тоном.

— Простите, ради бога! Я, конечно же, лезу не в свое дело, и наболтала тут много лишнего, — смущенно пролепетала Далси. — Но, с другой стороны, Лорел мне ведь не чужой человек, как-никак я ее тетя.

— Да нет, все в порядке! И потом, я лично считаю, что всегда лучше, когда люди говорят друг другу то, что они думают.

— Всегда? Спорное утверждение! Если бы мы всегда говорили друг другу то, что думаем, то наша жизнь превратилась бы в сплошной кошмар. Так мне кажется. Всего хорошего!

«Странный у нас получился разговор с этой мисс Манаринг», — размышлял Элвин по пути на станцию. Более того, в глубине души он был вынужден признаться, что даже немного побаивается этой милой, но очень строгой женщины. Далси Манаринг! А она, оказывается, совсем не

так проста, как это показалось ему в момент их первой встречи. Что же там еще скрывается в этих непознанных глубинах?

21

Не успели они с Виолой войти в поезд, как та вытащила из сумочки ворох женских журналов и с головой ушла в чтение. Женские журналы! Подумать только! С ее подругой в последнее время происходят просто невероятные метаморфозы. Вот что делает с человеком любовь! Еще каких-то пару месяцев тому назад Виола только бы презрительно скривила губы при одном упоминании о журналах для домохозяек. И вот вам, пожалуйста! Оказывается, и там есть что-то интересное для высоколобых интеллектуалок.

«Бог даровал нам память для того, чтобы и в декабре для нас цвели розы», — машинально прочитала Далси подзаголовок одной из статей. Красиво сказано, только вот правда ли это? Какую такую память увозит, к примеру, она с собой из Тейвискомба? Разве что тот неприятный разговор с Элвином, который у них состоялся на берегу моря. Вот его-то она уж точно не забудет до конца своих дней! А какую память увезла отсюда бедняжка Марджори? Можно только догадываться об этом.

В вагоне-ресторане их с Виолой поджидала еще

одна неожиданная встреча. Все столики на двоих были заняты, и им пришлось сесть за столик на четверых, за которым уже сидела одна дама.

— О, мисс Рэндалл! — воскликнула Далси. — Вы, конечно же, не помните меня. Мы с подругой, — она кивнула в сторону Виолы, — познакомились с вами на прошлогодней конференции. Мне очень понравился тогда ваш доклад о проблемах индексации научно-технической литературы.

— Благодарю вас! — чопорно ответила дама. — Сегодня такая редкость встретить человека, который может по достоинству оценить твой труд. А уж в таких тонкостях, как индексирование литературы, разбираются и вовсе единицы. Но я вас помню. Да и вообще конференция мне тогда понравилась. Приятная была поездка, не то, что нынешняя. Вот возвращаюсь после похорон.

— Примите наши соболезнования, — участливо пробормотала Далси.

— Вообщем-то ничего серьезного, — раскатисто загремел голос мисс Рэндалл по всему вагону-ресторану. — Это всего лишь мой двоюродный брат, к тому же, в детстве мы с беднягой Бейзилом были на ножах. Но знаете, с возрастом родственные узы, как ни странно, только крепнут. Начинаешь родниться даже с самыми дальними родствен-

никами, с которыми до этого не поддерживал отношения десятилетиями. Кстати, знаете, с кем я столкнулась носом к носу, пока ждала свой поезд?

Далси промолчала, сразу же догадавшись, кого именно встретила на вокзале почтенная дама.

— С доктором Форбсом! С Элвином Форбсом, представляете? — мисс Рэндалл с торжествующим видом оглядела своих собеседниц. — С тем самым, который грохнулся оземь прямо во время своего доклада. «Некоторые проблемы редактирования текстов», так, кажется, — она издала короткий смешок, словно вспомнила что-то смешное. — Я, правда, сделала вид, что не заметила его. Не то настроение было, чтобы вступать в разговоры, вы же понимаете. Тем более, такие заумные, которые предпочитает доктор Форбс.

— Заумные? — искренне удивилась Далси, которой и в голову не пришло бы назвать беседу с Элвином скучной или, тем более, заумной. — А мне он показался весьма неординарным человеком.

— Господь с вами! И что в нем такого неординарного? Разве что внешность! А так, самый обычный мужчина, который, к тому же, окончательно запутался в своих семейных проблемах.

Далси благоразумно воздержалась от дискуссии на тему о достоинствах Элвина. Никаких веских аргументов в пользу необыкновенных качеств Элвина у нее и правда не было, а, следовательно, эта говорливая дама легко приперла бы ее к стенке своими доказательствами от противного. К тому же, пронзительный голос мисс Рэндалл начал уже действовать ей на нервы, а потому она лишь перевела вздох облегчения, когда обед подошел к концу.

— До встречи в Лондоне! — лучезарно улыбнулась им на прощание мисс Рэндалл. — Я часто бываю в библиотеке Британского музея, да и в других книгохранилищах тоже.

— В гостях хорошо, а дома лучше, — встретила их с Виолой традиционной присказкой мисс Лорд. — Вы, мисс Манаринг, как были бледненькой, так и остались такой же. А вот мисс Дейс морской воздух пошел на пользу. Она очень посвежела. Кстати, вам тут букет, мисс Дейс, — служанка взяла с журнального столика завернутые в целлофан гвоздики и вручила их Виоле. — Какой-то маленький темноволосый джентльмен принес их для вас. Сказал, что вы знаете от кого это.

Виола схватила цветы и ринулась к себе на-

верх. «Наверное, ей не очень понравилось, как мисс Лорд описала ее будущего мужа», — решила Далси. «Какой-то маленький», хорошо еще, что не «коротышка». Впрочем, когда любишь, то даже недостатки любимого начинают казаться тебе достоинствами.

— Билл приглашает меня на ужин сегодня вечером, — снова объявилась Виола через некоторое время, держа в руках записку, судя по всему, обнаруженную среди цветов.

— Прямо сегодня? С дороги ведь! Лучше бы отдохнуть дома, — сочувственно пробормотала Далси, не очень вдумываясь в то, что она говорит.

Виола бросила на нее жалостливый взгляд.

— С чего вы взяли, что я устала? Что утомительного вы нашли в том, что мы проехали несколько сот миль поездом? Ну, я побежала к себе. Надо еще успеть переодеться и привести себя в порядок.

— Вот так всегда! — немедленно расстроилась служанка. — А я тут старалась, готовила праздничный ужин к вашему приезду.

— Не переживайте, мисс Лорд! — успокоила ее Далси. — У меня с дороги просто зверский аппетит. Обещаю съесть двойную порцию, за себя и за мисс Дейс. Надеюсь, и вы не откажетесь

составить мне компанию.

— Знаете, что я скажу вам, мисс Манаринг, — проговорила мисс Лорд, когда они, отужинав вдвоем, позволили себе небольшую роскошь в виде бокала шерри. — Это вы должны были быть на месте мисс Дейс. Это вас должны приглашать мужчины в рестораны. По-моему, из вас получилась бы просто идеальная жена. Право слово, я так переживала, когда вы расстались со своим женихом.

— О, не принимайте наш разрыв так близко к сердцу. Подобные вещи случаются сплошь и рядом.

— Наверное, вы правы. И все же, позвольте, я скажу вам прямо в глаза, мисс Манаринг. Вы на себя совсем перестали обращать внимание. Что мешает вам сделать себе модную стрижку? Или подкрасить глаза? С вашей фигурой, чуть-чуть косметики на лицо, и вы преобразитесь!

— Возможно. Но боюсь, едва ли это поможет мне выйти замуж. Да и потом, прическа, глаза, подкрашенные губы… Не это главное в браке. Родство душ, духовная близость, общность интересов — вот что делает прочным союз мужчины и женщины.

— Все так! Но вначале мужчина обращает вни-

мание на ваши ноги, на вашу прическу, на ваше лицо. А уже потом на все остальное. Вы слишком умная, мисс Манаринг. А мужчины не любят чересчур умных женщин. Они их попросту боятся.

— Не все! — возразила Далси, но не рискнула развивать эту тему.

У себя в спальне она внимательно вгляделась в собственное отражение в зеркале. Пожалуй, мисс Лорд права. Глазки у нее действительно маленькие и такие невыразительные. Да и волосы, — она прошлась расческой по мягким пушистым волосам, — надо с ними что-то делать. Может, и в самом деле подстричься? Вот и поставь себя рядом с Элвином. Никакого сравнения!

— Далси! — услышала она громкий голос Виолы снизу. — Ступайте немедленно сюда! У нас с Биллом есть для вас новость.

Сейчас объявят мне о своей помолвке, догадалась Далси. И что мне сказать им? Какие такие дежурные поздравления найти в этот полуночный час? Она торопливо набросила на плечи пеньюар и побежала в холл.

— О, вы очаровательны! — приободрил ее кавалер Виолы. — Я всегда говорил и повторяю еще раз: только англичанки умеют носить голубое. Это их цвет!

— У нас с Биллом для вас новость! — нетерпеливо перебила его Виола. — Говори же, Билл.

— Догадываюсь, — улыбнулась Далси.

— О, да! У нас для вас просто грандиозная новость! — немного напыщенным тоном начал Билл. — Мисс Виола оказала мне честь, приняв мое предложение руки и сердца.

Он отвесил церемонный поклон в сторону Виолы.

— Поздравляю! Новость и в самом деле замечательная! — искренне обрадовалась за подругу Далси. — Уверена, вы будете счастливы вместе долгие годы. Но за это надо обязательно выпить, не так ли? Сейчас я…

— Не беспокойтесь, мисс Далси! Я все принес с собой!

Билл извлек бутылку шампанского. Шампанское! Ночью! Что с ней будет завтра утром?

— А я принесу фужеры! — вызвалась помочь Виола.

«Как она светится от счастья, — подумала Далси. — И как похорошела. Почти красавица. Вот что делает с женщиной любовь!»

— Теперь ваш черед, мисс Манаринг! — галантно улыбнулся ей Билл, протягивая фужер с шампанским. — Весна, знаете ли! А весной лю-

бовь просто витает в воздухе. Предлагаю тост за любовь! И позвольте, мисс Далси, снова наполнить вам бокал.

Далси позволила. Да и что можно возразить? Весна, любовь… Да и потом! Не каждый же день пьет она шампанское, в самом деле!

22

С очередным визитом к тете Гермионе и дяде Бертраму Далси выбралась лишь в начале июня. Вечнозеленые лавры по-прежнему украшали подход к дому, но никто из ее родственников не озаботился украсить рабатки по обе стороны дорожки цветущими растениями, как это сделали их соседи. Все свидетельствовало о том, что разъезд брата и сестры неизбежен.

Странным образом повторилось и начало ее визита, ибо тетя Гермиона снова громко разговаривала по телефону. На сей раз, как поняла Далси из ее реплик, тетушка апеллировала к столичным службам электроснабжения, требуя, чтобы ей заменили разъемы, поглощающие, по ее мнению, слишком много электричества.

Дядя сидел в гостиной и с упоением предавался игре в настольный бильярд.

— А у нас хорошие новости, — приветствовал он племянницу, не отрываясь от игры. — Счет шесть на пятьдесят. Твоя тетя выходит замуж за викария, представляешь?

Невероятно! Наверное, жених Виолы все же прав, и весной в воздухе действительно витает

одна любовь.

— Вот это да! — только и смогла выдохнуть удивленная Далси. — За того самого, у которого умерла сестра?

— Бертрам! Перестань забавляться с этой идиотской игрушкой! Запомни! В монастыре у тебя ничего подобного не будет, — строго попеняла брату вошедшая в гостиную тетя Гермиона.

— Вот потому я и тороплюсь наиграться дома, — благодушно отозвался Бертрам.

— Тетя Гермиона, примите мои поздравления! — Далси постаралась купировать назревающую ссору в самом начале. — Я так рада за вас! — она бережно приложилась губами к ее прохладной щеке. — И кольцо у вас такое красивое.

— Спасибо, дорогая! Да, это я настояла, чтобы все было, как у людей. Помолвка, кольцо! — Гермиона с видимым удовольствием продемонстрировала племяннице обручальное кольцо: тонкий золотой ободок с тремя маленькими бриллиантиками. — Люди, конечно, все равно будут сплетничать на наш счет. Я ведь в последнее время постоянно заглядывала к викарию домой. Он так нуждался в поддержке. Со смертью сестры бедняга лишился всякой опоры. Я была потрясена до глубины души, когда впервые навестила его.

— Как замечательно, что он оценил ваше участие и понял, какая прекрасная жена может из вас получиться, — тактично подыграла тетушке Далси, отчаянно пытаясь найти более романтичные слова, приличествующие ситуации.

— Да, после того как Мейси, его вторая сестра, вернулась к себе в Ноттингем, он совсем растерялся. Не поверишь, дорогая, но однажды я застала его, за чем бы ты думала?

Далси удивленно вскинула брови.

— Он сам стирал свой стихарь, который, как ему показалось, утратил белизну. Бедный человек!

«А как же те отбеливатели, которые постоянно рекламируют по телевизору и которым так безоглядно доверяет мисс Лорд», — подумала про себя Далси, но благоразумно промолчала.

— Тогда я посоветовала ему обратиться в прачечную, но он даже понятия не имел, в какой прачечной стирала белье покойная Глэдис. Словом, вот так у нас все и началось: одно потянуло за собой другое, всякие бытовые мелочи, советы с моей стороны, посильная помощь… Ну, ты понимаешь, что я имею в виду.

«Вот каким банальным может быть начало любви», — размышляла Далси, слушая нескончаемый монолог тети Гермионы. Двое одиноких

стариков сошлись, потому что, как оказалось, у них много общего. Общие интересы, так сказать, в том числе, и на бытовой почве. Да, но не этими ли принципами она советовала воспользоваться Элвину при выборе жены? Только вот вряд ли он согласится на такой разумный подход. Вернее, он никогда не согласится на это.

Дома ее ждало письмо от Мориса, который приглашал ее отобедать с ним в один из удобных для нее дней. «Я всем сердцем чувствую, — писал он, — что мы должны остаться с тобой друзьями. В конце концов, что может быть прекраснее настоящей дружбы? А мне так нужен близкий человек, с которым я бы мог откровенно поделиться своими проблемами. Ну, а если друг — это такая прелестная, умная женщина, как ты, то о лучшем и мечтать не приходится».

Ну да! Я нужна тебе в качестве наперсницы, которой ты станешь плакаться в жилетку обо всех своих бедах. Ни за что! Подыщи себе кого- нибудь другого на эту роль!

Далси написала расплывчатый ответ, из которого следовало, что в ближайшее время она очень занята. Быть может, потом, когда-нибудь…

Вот и разорвана еще одна ниточка, связующая ее с внешним миром. А через несколько дней

от нее съезжает Виола, которая хочет провести несколько недель перед бракосочетанием в родительском доме.

— У нас будет очень скромное торжество, — пояснила она Далси, словно оправдываясь за то, что не приглашает ее на свою свадьбу. — Билл не хочет излишней шумихи вокруг всего этого. Мы просто распишемся в нашей мэрии, а потом посидим узким кругом у нас дома. Скорее всего, мы переедем из Лондона в пригород. Билл уже подыскал приличный дом в Нисдене. Будем рады, если вы навестите нас там.

— Обязательно! — пообещала Далси, уже заранее зная, что вряд ли она когда-нибудь выправится с визитом в Нисден.

— Какая странная штука — жизнь, — задумчиво проговорила Виола. — Помните, как я переживала в прошлом году на этой конференции из-за Элвина Форбса. Сколько было страстей! Сколько слез было пролито. Напрасных слез! Как же мы не умеем беречь собственные нервы.

«А зачем их беречь, — возразила ей мысленно Далси. И так ли уж напрасно лила ты тогда свои слезы?» Этот же вопрос она задала себе еще раз, когда вместе с мисс Лорд наводила порядок в комнате Виолы после ее отъезда. В корзине для бумаг

валялся сигнальный экземпляр книги Форбса с дарственной надписью, который Виола безжалостно выбросила вон, как ненужную ей больше вещь. Далси тихонько извлекла книгу из-под вороха других бумаг: пусть уж лучше пылится на ее собственной полке среди других книг.

— Неряха она, эта ваша мисс Дейс! — недовольно пробурчала служанка, выгребая кучу мусора из камина. — И посмотрите, какое безобразное пятно она оставила на журнальном столике. Наверное, от горячей чашки. Хотела бы я взглянуть на ее собственный дом. То-то будет кавардак!

— То, что все столы будут в пятнах — это точно, — рассмеялась Далси. — А вот в остальном… Знаете, иногда люди после свадьбы меняются самым кардинальным образом. Так что из нашей мисс Дейс со временем может еще получиться просто образцовая хозяйка.

— Дай-то бог! Но все равно, чужие вещи она ценить не умеет!

В один из дней к Далси нагрянула в гости Лорел. Далси как раз возилась на кухне, колдуя над кремом для любимого торта племянницы, когда та открыла калитку. Глянув в окно, тетя ахнула. Она совсем забыла, что Лорел уже давно не дитя. А год жизни в Лондоне и вовсе превратил ее во взрос-

лую девушку. Узкая облегающая юбка, туфли на высоченных каблуках, модная стрижка в стиле ретро. Настоящая барышня из двадцатых годов.

— Ты никогда не догадаешься, тетя, — радостно затараторила Лорел прямо с порога, — с кем я сегодня обедала.

— Не догадаюсь! — покорно согласилась с ней Далси, отлично зная, кому именно выпало на сей раз счастье кормить ее племянницу ленчем.

— С доктором Форбсом! Вот!

— Как это мило с его стороны пригласить тебя на ленч, — ответила Далси, подумав, что в устах молоденькой девушки определение «доктор Форбс» звучит совсем как похоронный марш. — И куда же вы ходили?

— Мы обедали в одном клубе. Дамам там позволительно появляться только в качестве спутниц членов этого клуба. В ресторане полно было стариков, много представителей духовенства. А некоторые священники тоже обедали в обществе молоденьких девушек. Смешно, правда?

«Господи, — мысленно взмолилась Далси, — неужели Элвин выбрал это место для того, чтобы сделать признание Лорел». Но вслух она решилась лишь на короткий вопрос:

— Вкусно было?

— Очень! Только я не привыкла так объедаться за ленчем. И потом, мы выпили достаточно много вина. Я стала просто вся красная от этого вина, — добавила девочка с обезоруживающим простодушием.

— И о чем же вы беседовали?

— Да так, о разном. Мисс Дейс уже съехала от тебя?

— Да. У нее же свадьба на следующей неделе, — расстроилась Далси из-за того, что племянница резко сменила тему разговора.

— А ведь она была по уши влюблена в доктора Форбса, не так ли? Прямо из кожи вон лезла, чтобы привлечь его внимание. А он даже не смотрел в ее сторону. По-моему, он считал ее страшной занудой, как ты считаешь, тетя?

Далси обескуражено молчала. Оказывается, в глазах Лорел она уже такая безнадежная старуха, что племянница вполне искренне полагает, что с теткой можно откровенно обсуждать чувства посторонних людей, ибо своих чувств у нее уже быть не может по определению. Но Лорел явно чего-то не договаривает. Так! Наверное, Элвин все же не внял ее предостережениям и признался племяннице в любви.

— А знаешь, что? Даже сама не знаю, как ска-

зать… Одним словом, доктор Форбс сделал мне предложение. За кофе! Смешно, да? — девчушка искренне наслаждалась произведенным эффектом.

— Он предложил тебе стать его женой? — сухо переспросила у нее Далси. — Но моя милая Лорел, у него же есть жена. Или он уже начисто забыл об этом?

— О, с ней все в полном порядке! Она с ним такое учудила! Ни за что не поверишь! Она сбежала от него с каким-то мужчиной. Представляешь?

— С каким мужчиной? — переспросила у племянницы потрясенная Далси. Вот это новость!

— Да я и сама точно не знаю. Познакомилась с кем-то в вагоне-ресторане, когда возвращалась в Лондон из Тейвискомба. Они ехали вместе с матерью, но та по каким-то причинам отказалась идти на ленч, и миссис Форбс отправилась в ресторан одна. А тут возьми и случись романтическая встреча и любовь с первого взгляда. Она уехала вместе с этим человеком буквально на прошлой неделе. Думаю, доктору Форбсу следовало бы еще повременить какое-то время с поиском новой жены, правда?

— Знаешь, человек в таком состоянии… пережить такой шок, — начала Далси неуверенным

тоном. — Представляю, какой это для него удар. Но одно я знаю точно: ты ему очень нравишься. Вполне возможно, ему просто хотелось услышать слово сочувствия и поддержки, и он решил, что именно у тебя найдет все это. Мы не должны осуждать людей, попавших в столь трудное положение. Никто ведь не знает, что ждет нас самих в будущем.

— Ах, тетя! Все я прекрасно понимаю. И сочувствую ему, хотя, если честно, то не так уж он и убит горем. Отнюдь! Но выйти за него замуж! Что за нелепость! Он ведь старше папы.

— Пожалуй. Но жизнь показывает, что из зрелых мужчин получаются гораздо более хорошие мужья, чем из молодых, — горячо возразила ей Далси. Она уже почти была готова начать убеждать племянницу принять предложение Элвина.

— Нет, нет и еще раз нет! Я никогда не выйду за него замуж. Я так ему и сказала.

— Он очень расстроился?

— Немного. Трудно было определить по его виду, ведь мы же были на людях. Вообще такое дурацкое положение! — Лорел весело хихикнула. — Сама не знаю, что на меня нашло, но мне все время хотелось смеяться. Потому что я вдруг представила себе, что все эти старики, которые

привели с собой молоденьких девушек, тоже объясняются им в любви и просят выйти за них замуж. Вообрази, массовое признание в любви! Эдакое коллективное помешательство.

— Ну, это ты преувеличиваешь! — остудила ее веселье Далси. — Бедный Элвин! Мне его искренне жаль. Кто бы мог подумать, что Марджори способна на подобное вероломство. И бедная миссис Виллитон. Можно только догадываться, каково ей сейчас.

— Жену доктора Форбса я никогда не видела. А вот с его тещей однажды пришлось столкнуться. Странная такая особа, маленькая, кругленькая и в розовой шляпке. Самое удивительное, что именно шляпка мне и запомнилась.

— Ты встречаешься с Полем? — перевела Далси разговор на домашние дела.

— Да, изредка мы с ним видимся. Он очень мил. Мы с Мэрион устроили у себя небольшую вечеринку, так он помог нам с цветами. И вообще, он хороший…

Оставшись одна, Далси долго размышляла над тем, как ей поступить. Написать сочувственное письмо Элвину? И что сказать? Да и нужно ли ему ее письмо в такой момент? Наверное, более подобающим будет ее обращение к миссис

Виллитон: ей и в самом деле было жаль бедную женщину. Но при всем своем желании Далси так и не сумела подобрать нужные слова, чтобы выразить даме свое сочувствие. Когда единственная дочь решается на сумасбродство, нужны какие-то особенные слова утешения, вот только какие именно, Далси не знала.

События последних недель настолько выбили ее из колеи, что она совершенно забыла о существовании Невила. Вернулся ли он в свой приход? И как, в конце концов, разрулилась вся ситуация с бедняжкой мисс Спайсер? Вспомнив, что, прощаясь с ним в Тейвискомбе, она твердо пообещала, обязательно наведаться к нему в церковь, Далси решила, что наступило время выполнить свое обещание. Даже если Невил все еще отсутствует, все равно его говорливая экономка введет ее в курс всех последних новостей приходской жизни.

Она отправилась на вечернюю службу. Людей в церкви было, как всегда, немного, и Далси, скользнув взглядом по женской части прихожан, все силилась определить, есть ли среди них мисс Спайсер. По внешнему виду несколько женщин вполне годились на то, чтобы назваться ее именем. Впрочем, в каждом приходе имеется с

десяток женщин, могущих претендовать на роль мисс Спайсер. И все они точно так же преследуют своего викария любовными домогательствами.

Когда до начала службы оставались считанные минуты, в церкви появилась экономка Невила. Она шла по проходу с таким видом, с каким шествует конферансье, сопровождая дирижера большого оркестра к своему пульту. Все время раскланивалась направо и налево, а, заметив Далси, широко улыбнулась ей.

Следом шел и сам маэстро. «Как же он хорош именно здесь, в церковной обстановке», — подумала она, глядя на Невила, фигура которого в церковном облачении была исполнена особой стати и благородства. В матушкиной гостинице он смотрелся немного нелепо в одеянии священника. Разве что на кладбище, среди могильных плит, его черная ряса не вызвала у нее отторжения. Но здесь, в храме! Это было именно то, что надо!

Впрочем, Невил оказался не самым красноречивым проповедником, хотя, в общем и целом, говорил просто и доступно. Иногда, по мнению Далси, даже слишком доступно, многократно повторяя вполне очевидные вещи. Один раз его взгляд остановился на ней, но Далси так и не

поняла, узнал он ее или нет.

Сразу же после окончания мессы к ней устремилась экономка.

— Ну, что я вам говорила! — объявила она с торжествующим видом. — Отец Форбс вернулся! Да и вообще тут столько всего произошло! Я вам расскажу! Вы ведь не откажетесь от чашечки чая, не так ли?

— Но как же все решилось с мисс Спайсер? — полюбопытствовала Далси, беря из рук экономки чашечку чая.

— Все устроилось наилучшим образом!

— Она вышла замуж? — Далси приготовилась выслушать еще одну сногсшибательную новость о том, как стремительно устраиваются человеческие судьбы этой весной.

— О, нет! Они переехали с матерью в Истборн. Купили там домик и уехали в эту деревушку на постоянное местожительство.

— Да, действительно, хорошая новость. Я знаю Истборн. Место красивое, и воздух там не то, что в городе. И церквей много. Так что, все к лучшему.

— Вот и я о том же!

— О, мисс Манаринг, рад видеть вас здесь, в нашей церкви, — услышала Далси у себя за спиной голос Невила.

— А я и не знала, что вы знакомы с отцом Форбсом, — моментально поджала губы экономка.

— Мы с отцом Форбсом познакомились совсем недавно, когда я отдыхала в Тейвискомбе, — стала оправдываться Далси, чувствуя, что попала в свершено дурацкое положение.

— Зато она уже давно знакома с моим братом, — добавил Невил.

— Ну, разве что так! — несколько смилостивилась та.

— А как поживает ваша подруга, мисс Дейс, так, кажется? — снова обратился он к Далси.

— О, у нее все прекрасно! Она вышла замуж.

— Это та дама, с которой вы приходили к нам в церковь в прошлый раз? — снова подала голос экономка.

— А я и не знал, что вы у нас уже бывали! — на сей раз, обида зазвучала уже в голосе Невила.

И в самом деле, дурацкое положение, ничего не скажешь.

— У меня неподалеку живут близкие родственники, тетя и дядя. И я… — начала пространные объяснения Далси, окончательно смутившись под градом вопросов столь интенсивного перекрестного допроса.

— Надо же! Подруга ваша вышла замуж, — об-

ронила экономка, несколько озадаченная таким неожиданным поворотом в судьбе Виолы. — Значит, вы теперь живете одна?

— Да, одна, в родительском доме. Он для меня одной слишком велик.

— Тогда вам надо непременно подыскать себе хорошую квартирку. С небольшим садиком. Такую, как была у мисс Спайсер.

— Ее квартира, кстати, еще пустует, — тут же подсказал Невил.

«Господи, помоги, — мысленно взмолилась Далси. — Сейчас эти двое

против моей же воли заставят меня сменить местожительства, а потом… А потом все может повториться. И уже кто-то другой будет со стороны наблюдать за очередной несчастной прихожанкой, влюбленной в своего священника, и сочувствовать ее горю. Или это исключено? Ведь Невил сам предложил квартиру, а, следовательно, он полностью исключает такой вариант развития событий. Впрочем, мужчины так наивны. Ему кажется, что никто ни о чем не подозревает, и вся его история с мисс Спайсер уже навсегда похоронена в прошлом».

— Я подумаю над вашим предложением, — уклончиво ответила она. — А как обстоят дела у

вашего брата? Мы с ним давно не виделись.

— У него в последнее время куча неприятностей. Его жена Марджори…

— Я в курсе.

— Да, крайне неприятная история! Но ничего не поделаешь! Таковы все женщины!

Последнюю реплику Невил произнес таким доверительным тоном, что Далси мгновенно ощутила себя неким абстрактным созданием без пола и возраста. Нечто наподобие манекена, которому, конечно же, неведомо, какими могут быть все эти презренные женщины.

— Бедная миссис Виллитон! — продолжил он, как ни в чем не бывало. — Я сделал все, что мог. Убеждал Марджори, беседовал с ней. И их приходской священник, отец Тулливер, тоже не остался в стороне. Но все тщетно! Она нас и слушать не захотела!

— Вполне возможно, в один прекрасный день Марджори горько пожалеет об этом. А ваш брат? Он очень расстроен?

— Представьте себе, да! Что удивительно, во всяком случае, для меня. Думаю, здесь просто задето его самолюбие.

— А ваша матушка?

— О, мама восприняла новость в своей обычной

манере. Сказала, что в Тейвискомбе и не такое случается.

Да, это на нее похоже. Далси даже представила себе интонацию, с которой были сказаны эти слова.

— Скорее всего, он подаст сейчас на развод, — Невил тяжело вздохнул. — А потом снова женится на еще одной неподходящей особе.

«А вот тут он прав, — мысленно согласилась с ним Далси. Ее племянница ответила ему отказом, но мало ли вокруг других молоденьких девушек?»

— С ним вообще в последнее время столько проблем, — последовал очередной вздох. Невил и не подозревал, что слово в слово повторил то, что когда-то Элвин сказал в разговоре с ней уже по его адресу. — Так как насчет квартиры мисс Спайсер? Я могу, в случае чего, замолвить словечко за вас. Хозяин дома — мой прихожанин. Разумеется, его, как всякого домовладельца, волнует, чтобы квартира попала в хорошие руки. Да и мне будет очень приятно, если вы поселитесь в нашем приходе.

Далси метнула на него быстрый взгляд. Нет, определенно ничего личного. Обычная любезность учтивого священника.

— Боюсь, проку от меня будет немного. Я никогда не принимала активного участия в жизни своего прихода.

— О, здесь мы вас быстро загрузим работой! — обезоруживающе улыбнулся ей Невил.

Веселенькая перспектива, ничего не скажешь!

— Обязательно подумаю над вашим предложением, — твердо пообещала ему Далси.

— Подумайте, подумайте! Только не очень затягивайте с решением. А вообще, доложу я вам, в жизни нужны перемены. Поверьте моему слову, перемены всегда благотворны.

«Смотря какие», — мысленно возразила ему Далси, не рискуя вступать в дискуссию по столь абстрактному вопросу.

Домой она возвращалась в самом подавленном настроении. Итак, перспектива превратиться в ближайшем будущем в еще одну мисс Спайсер обрела вполне реальные очертания. Хотя, почему перспектива? Разве она уже не похожа на мисс Спайсер со своей безответной любовью к Элвину? Только что не бегает к нему домой и не пристает со своими чувствами. А переберется на новое место и начнет бегать к другому брату: Элвин, Невил… В конце концов, какая разница?

Дома одиночество стало еще нестерпимее.

Виола вышла замуж, Лорел переехала в центр города к своей подружке. Робкие попытки Мориса к примирению были ею недвусмысленно отвергнуты и пресечены на корню. И что в остатке? Предложение Невила активно включиться в жизнь его прихода. Да еще работа. Она сейчас как раз занимается составлением библиографии для одной крайне заумной книги по антропологии. Работы хватит еще недели на три. А потом?

А что, если начать сдавать комнаты студентам? Например, молодым африканцам. То-то жизнь забьет ключом в ее тихом доме. Надо еще подумать над тем, где провести летний отпуск. Возможно, она отправится в Дорсет и погостит пару недель у сестры. Или к морю… А может, подвернется еще какая-нибудь научная конференция, и тогда…

Мысли ее снова стали кружить вокруг Элвина Форбса, а потому Далси даже не удивилась, когда зазвонил телефон, и она, сняв трубку, услышала в ней голос Элвина.

— Мисс Манаринг? Далси, говорит Элвин. Элвин Форбс. У меня к вам просьба. Не могли бы вы помочь мне с работой?

— Вам нужна помощь в составлении библиографии? — растерялась Далси.

— Не совсем, — начал он несколько туман-

но. — Можно мне сейчас подъехать к вам, и я все объясню на месте.

— Да, пожалуйста. Подъезжайте к часам пяти. Я буду дома.

Лучше покончить с этим делом сразу же. Интересно, что там у него за работа случилась? В любом случае, лучше уж составлять библиографию для очередной книги Элвина, чем, поселившись в квартирке мисс Спайсер, с головой уйти в заботы церковной жизни в приходе Невила.

Снова сидя в такси (ибо понять, как именно можно попасть к Далси на общественном транспорте он так и не смог), Элвин размышлял над тем, что ей сказать. Сумеет ли он убедить ее в столь стремительной перемене своих чувств? Ведь совсем недавно он со всем пылом убеждал ее в том, что любит Лорел, что влюблен в нее, как мальчишка. И вдруг такая метаморфоза! Конечно, работа — это только предлог. Но разве может такая добрая душа, как Далси, отказать ему в слове утешения и поддержки? Ему! Одинокому пожилому человеку. Нет-нет! Только не пожилому. А смешно будет потом, когда они поженятся, вспоминать все ее наставления насчет того, как именно ему следует искать себе подходящую жену. Подходящая жена! Это значит, не очень

молодая особа, понимающая толк в его работе, могущая при случае помочь ему и словом, и делом. Звучит ужасно! Но только до тех пор, пока ты не понимаешь, что за этим описанием скрывается женщина, которую ты любишь. Неужели в такую можно влюбиться, возразит ему кто-то. Еще как можно! И это вполне в духе Элвина Форбса.

Господи, зачем он принес такой огромный букет, ошарашенно уставилась на Элвина Далси, открывая ему дверь. Ведь у нее в саду полно цветов.

А в это самое время сеньор Макбрайд-Перейра, стоя у окна своей комнаты, наблюдал за тем, как на их тихую улочку свернуло такси. Занятый приготовлением чая, он не успел заметить пассажира, который прошествовал к дому Далси. Наверное, он пропустил что-то очень важное, попенял на себя бразильский дипломат и в глубокой задумчивости предался чаепитию.